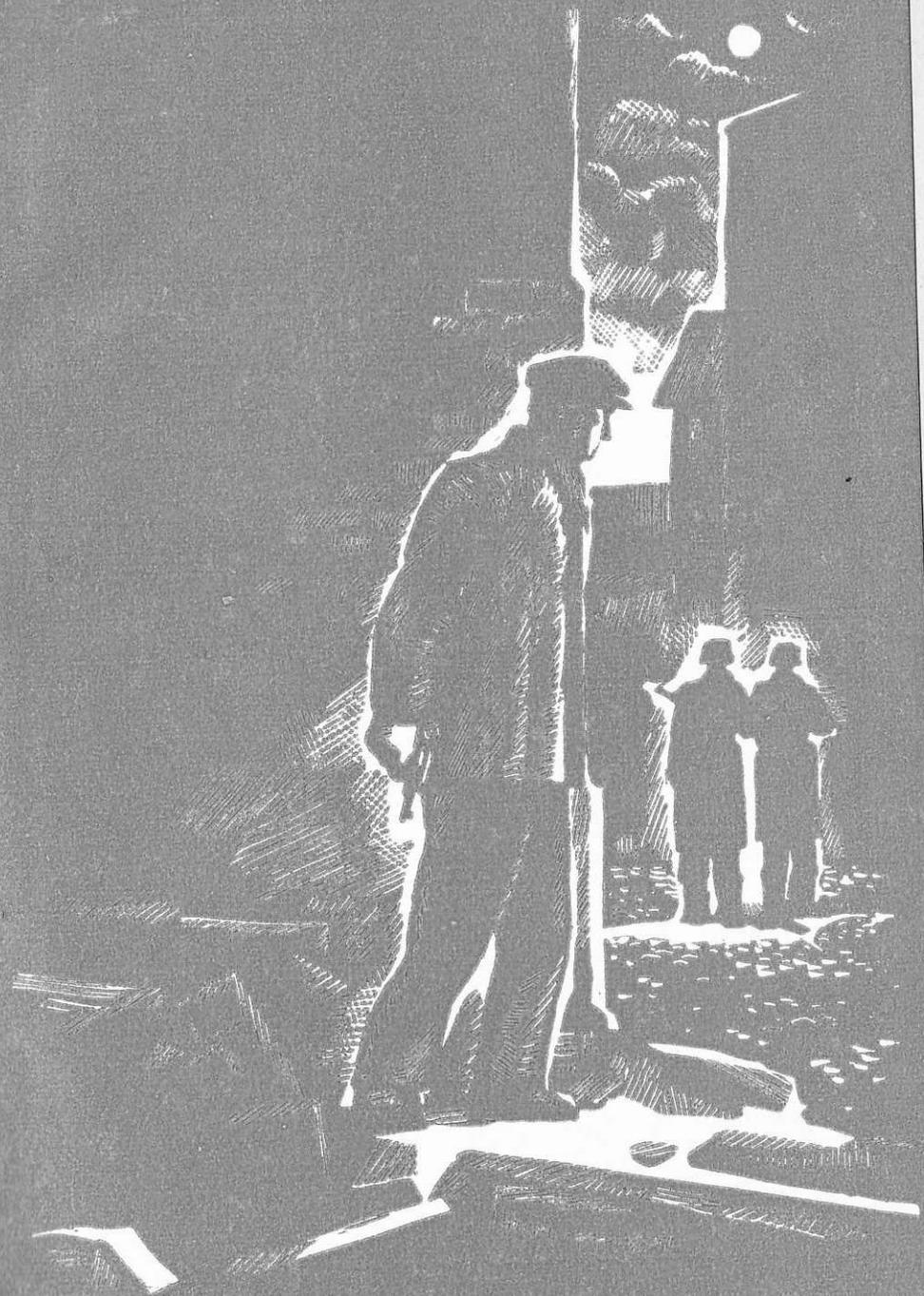

Н.И. ПАХОМОВ, Н.И. ДОРОФЕЕНКО, Н.В. ДОРОФЕЕНКО

ВИТЕБСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЛАРУСЬ» МИНСК 1974

Н. И. ПАХОМОВ
Н. И. ДОРОФЕЕНКО
Н. В. ДОРОФЕЕНКО

ВИТЕБСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

©Издательство «Беларусь» 1974

0164-027
М 301 (05)-74 90-74

Герои витебского подполья! О каждом из них можно было бы написать повесть. Они вступили в смертельную схватку с врагом, как только фашисты появились на улицах древнего города. Почти 1100 дней и ночей длилась эта мужественная борьба.

У каждого народа, в каждом городе, селе есть свои герои, являющиеся знаменем в их жизни, труде и борьбе. Благодарные витебляне никогда не забудут имена Веры Хоружей и Александра Белохвостикова, Полины Шляковой и Василия Вербицкого, Лидии Березкиной и Андрея Коноплева, Матрены Оскер и Петра Смирнова, Анны Стояковой и Веры Кириленко, Кати Семенович и Николая Винокурова, Евгения Волчка и Федора Мехова, Лидии Щегловой и Валентина Пахомова, Жени Колобановой и Володи Козловского, Андрея Гогули и Евдокии Сурановой, Николая Купалова и братьев Анатолия и Георгия Скоробогатовых, Софьи Панковой и Ивана Голдаевича, Натальи Лынченко и Прохора Воднева, Александры Виноградовой и десятков, сотен других героев, чьей кровью обогрена священная земля нашего города.

Их подвиг бессмертен. Они умирали от пыток в тюремных застенках, на виселицах с петлей на шее во имя того, чтобы жила и процветала великая страна Октября, чтобы жили, раду-

ясь солнцу и миру, нынешнее и будущие поколения, чтобы чистое небо над нашей планетой никогда не застилало тучи войны и дым пожаров, чтобы над странами и континентами всегда звенели песни труда и созидания, чтобы коммунизм стал единственной идеологией на земле.

Книга «Витебское подполье» — документальный рассказ о живых и павших героях коммунистического подполья, действовавшего в городе над Двиной в период немецко-фашистской оккупации с 9 июля 1941 по 26 июня 1944 года. В ней нет авторского домысла. Так было. Все фамилии и имена участников подполья подлинные. Факты, события, цифры и даты подтверждаются многочисленными документами, выявленными в процессе работы над книгой в центральных, республиканских и областных архивах.

Авторы книги выражают искреннюю благодарность сотрудникам Центрального партархива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, партархива Института истории партии при ЦК КПБ, архива Министерства обороны СССР, Государственного архива Витебской области, управления Комитета государственной безопасности при Совете Министров БССР по Витебской области, адресного бюро управления внутренних дел Витебского облисполкома, живым участникам тех героических событий — партийным и комсомольским работникам, партизанам и подпольщикам, родным и близким погибших за большую помощь в воссоздании общей картины деятельности витебского подполья.

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ

Мирный город на Двине засыпал тружеником, проснулся солдатом. Война! Она в одно мгновение изменила весь уклад жизни советских людей. В их трудовые будни ворвались зловещие звуки — завывание сирен, рокот авиационных моторов, взрывы бомб, артиллерийская канонада, печальные сообщения о занятых врагом городах и селах, о первых жертвах.

Вероломное нападение фашистской Германии всколыхнуло страну. Руководимые Коммунистической партией и Советским правительством, трудящиеся нашей Родины грудью встали на ее защиту. Вместе с тем внезапный переход от мирного созидательного труда к состоянию войны требовал от всех звеньев партийного и государственного аппарата исключительной оперативности, четкости, высокой ответственности и самоотверженности в организации оборонной работы и хозяйственной деятельности, в мобилизации всех сил на оказание помощи Красной Армии в борьбе с коварным врагом.

В те тяжелые для нашей Родины дни Витебская областная партийная организация быстро перестроила свою работу на военный лад, подчинив все интересам фронта, интересам победы над врагом. Областной комитет партии работал круглосуточно. На повестке дня его бюро стояли военные вопросы. Сюда, в трехэтажное здание на площади Свободы, стека-

лись все сведения о ходе оборонных мероприятий в области. Здесь разрабатывались планы, отсюда исходили указания местным партийным комитетам, вытекающие из конкретной обстановки военного времени.

К 9 часам утра 22 июня 1941 года в областном комитете партии собрались секретари райкомов и горкомов партии, председатели исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся, ответственные работники областного партийного, советского и комсомольского аппаратов, чтобы решить очень важные вопросы.

— Война, — сказал первый секретарь обкома КП(б)В Иван Андреевич Стулов, — против развязывания которой настойчиво боролись партия и Советское правительство, все же началась. Сегодня утром Гитлер бросил свои войска против нашей Родины на всем протяжении ее западных границ. Первые атаки противника отбиты. Но, судя по сообщениям, положение очень серьезное. Не исключена возможность, что фашистским войскам удастся прорваться к нашему городу. Прошу немедленно вернуться на места и действовать по мобилизационным планам. Весь руководящий состав и боевые расчеты МПВО переводятся на казарменное положение. Партия требует от нас высокой организованности, бдительности, сплоченности, быстрой перестройки работы промышленности и транспорта, решительного пресечения недисциплинированности и расхлябанности, борьбы с паникерами и провокаторами, если таковые появятся.

В тот же день, после обеда, состоялось заседание бюро обкома КП(б)В, на котором были рассмотрены вопросы: о ходе выполнения мобилизационных нарядов, о подготовке, в случае необходимости, к эвакуации промышленных предприятий. Во всех трудовых коллективах города Витебска и области состоялись митинги, на которых советские люди поклялись самоотверженно бороться за честь и свободу Родины.

Работницы витебской швейной фабрики «Профинтерн» обратились к своим мужьям, братьям и сыновьям, уходящим на фронт, с открытым письмом.

«Мы, работницы фабрики «Профинтерн», — писали женщины, — с величайшим возмущением узнали о наглой провокации германской военщины, затеявшей войну с Советским Союзом.

...Мы, матери, сестры и жены, провожаем своих мужей, сыновей и братьев на фронт, на Великую Отечественную войну советского народа. Оставаясь на производстве, будем с удвоенной энергией трудиться, чтобы снабдить родную Крас-

ную Армию всем необходимым для быстрейшего и полного уничтожения фашистских гадов.

Вы не беспокойтесь о нас. Мы вас заменим на каждом участке и покажем настоящие образцы производительной работы. Вы на фронте громите беспощадно врага, а мы своей самоотверженной работой будем укреплять мощь и обороноспособность нашей любимой Родины. И когда страна потребует, то мы все, как один, рука об руку с воинами Красной Армии выступим на оборону нашей любимой Родины. Никакая вражеская сила не устоит против великого свободолюбивого и героического советского народа»¹.

Полными гнева и ненависти к врагу были выступления рабочих на Витебском игольном заводе. Они стояли полукругом, в замасленных костюмах, с суровыми лицами. Слова выступавших звучали как набат. Рабочий Романовский говорил:

— Враг осмелился напасть на наши мирные города и села. Есть уже немало жертв...

Подняв руку, стиснутую в кулак, он обратился к собравшимся с призывом:

— Мы никогда не согласимся променять солнечный и радостный социалистический день на темную и смрадную фашистскую ночь, свободу — на цепи рабства. Мощной лавиной обрушится на врага! Выбьем клыки фашистскому зверю!

Ораторы сменяли один одного. Они призывали к борьбе, призывали работать по-стахановски, соблюдать трудовую дисциплину. В их речах звучала уверенность, что победа будет за советским народом, что немецко-фашистские захватчики найдут себе могилу на нашей земле.

«Мы, рабочие и служащие, инженерно-технические работники Витебского паровозного депо, — говорилось в резолюции витебских паровозников, — с чувством величайшего гнева и возмущения узнали о том, что 22 июня гитлеровская Германия без объявления войны напала на нашу Родину. Советское правительство неуклонно проводило политику мира и добросовестно выполняло договор с Германией. Но фашистские хищники вероломно нарушили этот договор, напали на наше мирное население. В ответ на злодейские действия захватчиков еще теснее сплотим свои ряды вокруг нашего родного правительства и Коммунистической партии!»

Подобные страстные документы принимались и на других предприятиях города. Они мобилизовывали, поднимали боевой дух не только воинов, но и всего населения, звали на подвиг.

¹ «Витебскі рабочы», 1941, 25 июня.

«Покажем чудеса трудового героизма!», «Граждане и гражданки Советской Белоруссии! Мужественно помогайте нашей героической Красной Армии, храбро сражающейся с кровавыми фашистскими ордами!» — эти призывы нашей партии звали советских людей на священную войну.

Высокий патриотизм, чувство личной ответственности за судьбы Родины стали нормой поведения советских людей. Они работали, забывая об усталости, давали двойные нормы выработки, выполняя их за товарищей, ушедших на фронт. На станкостроительном заводе имени Кирова формовщики Буяков и Могучий обязались кроме своей работы выполнять обязанности ушедшего на фронт третьего члена бригады Горохова. Машинист, член партии Константин Геруцкий добился значительного перевыполнения технической скорости вождения поездов. 25 июня в филиал института переливания крови пришла группа девушек и предложила свою кровь для спасения раненых воинов.

Свято выполнялось указание великого Ленина: «Раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо». Трудящиеся города единодушно поддерживали все мероприятия партии и правительства, местных гражданских и военных властей, работали самоотверженно, с напряжением, соответствующим военному времени. Женщины, юноши и девушки заменили у станков своих сыновей, отцов, братьев и сестер, ушедших на фронт. Вчерашние школьницы-комсомолки становились за прилавки магазинов, обеспечивали работу торговых и культурно-бытовых учреждений.

Железная выдержка, стойкость и мужество витеблян позволили в короткий срок сделать то, что на первый взгляд казалось невозможным. Несмотря на частые налеты вражеской авиации, в глубокий советский тыл в организованном порядке эвакуировалось оборудование промышленных предприятий. Вместе с группами специалистов, квалифицированных рабочих и их семьями вывозились запасы готовой продукции, сырья, угонялся подвижной железнодорожный состав. На восток было отправлено имущество и оборудование 37 крупных предприятий города и области, в том числе станкостроительных заводов имени Кирова и Коминтерна, мастерских политехникума, льнопрядильной фабрики «Двина», чулочной-трикотажной фабрики «КИМ», кожзавода имени Евстигнеева, швейных фабрик «Знамя индустриализации» и «Профинтерн», обувных фабрик «Прогресс», «Красный Октябрь» и других, вывезено свыше ты-

счи металлообрабатывающих станков, трансформаторное оборудование и все наличие цветных металлов.

Всего из Витебска и области в глубокий советский тыл ушло две с половиной тысячи вагонов с оборудованием, сырьем и готовой продукцией. Важнейшие народнохозяйственные ценности не только не достались врагу, но с первых же недель после эвакуации были использованы на новых местах для выпуска военной продукции. Это был подвиг. Величие этого подвига станет еще более ярким, если учесть, что времени на эвакуацию оставалось очень мало. Враг неумолимо приближался к городу.

В июле 1941 года территория Витебщины стала ареной ожесточенных боев. В вечернем сообщении Советского информбюро 4 июля 1941 года появилось Лепельское, а 5 июля — Полоцкое направления. На Полоцко-Витебском направлении наступали 3-я немецкая танковая группа генерал-полковника Гота и 9-я армия генерала Штрауса из состава группы немецких армий «Центр», насчитывавшей до 50 дивизий, в том числе 15 танковых и моторизованных. Это была наиболее сильная группировка врага, на которую возлагалась задача взятия Москвы. Гитлеровское командование понимало, что Полоцк, Городок и Витебск — это ворота на Ленинград, Смоленск и Москву, и всеми силами стремилось овладеть этими важными в стратегическом отношении пунктами.

В соответствии с указанием Ставки Главного Командования Вооруженных Сил СССР войскам Западного фронта был дан приказ прочно оборонять линию Полоцкого укрепленного района, рубеж по реке Западная Двина, Сенно, Орша и далее по реке Днепр, не допустить, чтобы противник прорвался в северном и восточном направлениях. Наша 22-я армия (командующий Ф. А. Ершаков) получила задачу оборонять Полоцкий укрепленный район и рубеж по реке Западная Двина от Краславы-Полоцка до Бешенкович включительно, 20-я армия (командующий П. А. Курочкин) — рубеж Бешенковичи—Шклов. Однако обе эти армии к началу боев за Витебск еще не завершили своего развертывания. К тому же силы были неравными. В полосе 22-й армии сложилась крайне напряженная обстановка. И днем и ночью здесь шли кровопролитные бои.

Благодаря стойкости и мужеству советских воинов, оборонявших рубеж, проходивший по Западной Двине, захлебнулась не одна атака противника, а 3-го июля наступление 3-й танковой группы Гота было приостановлено. Это позволило выиграть время, поднять боевой дух защитников Витебска. В течение 5 и 6 июля на Полоцком направлении наши войска отбили все атаки противника. В боях на подступах к Двине

остались тысячи вражеских трупов, много подбитых танков, орудий, сбитых самолетов, сгоревших автомашин. На Лепельском направлении наши войска в ходе пятидневных боев уничтожили моторизованную дивизию германских войск, до 40 орудий, большое количество транспортных средств противника.

Гитлер в срочном порядке бросил на этот участок фронта крупные силы авиации. Под непрерывными ударами вражеских танков и самолетов наши войска вынуждены были начать отход на новые рубежи. Над городом и областью нависла угроза вражеской оккупации.

Партийные органы развернули работу по созданию партийного подполья в тылу врага. В первых числах июля в Витебске побывали секретари ЦК КП(б)В Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, Владимир Георгиевич Ванеев, Иосиф Иванович Рыжиков. Они выезжали в районы области и провели там инструктивные совещания партийного, советского и комсомольского актива. И. И. Рыжиков в обкоме КП(б)В инструктировал каждого человека, рекомендованного для работы в подполье. Среди них были секретари Железнодорожного райкома партии Б. К. Семенов и И. Г. Григорьев. Всего для подпольной работы в Витебске оставалось свыше 60 коммунистов. В большинстве своем это были железнодорожники: машинист Н. В. Любченко, инженер Н. А. Купалов, парторг угольного склада А. И. Колосовский, машинисты Н. В. Пальчевский и И. И. Голдаевич, помощник машиниста В. Э. Трестер и другие.

Горком комсомола оставлял для работы в городе внештатного секретаря Первомайского райкома ЛКСМБ Владимира Козловского, члена бюро Октябрьского райкома комсомола, секретаря комсомольской организации планового отдела облисполкома молодого коммуниста Александра Белохвостикова, несколько студентов пединститута. Кроме того, в городе оказалось много коммунистов, в том числе чекистов, отступавших вместе с частями Красной Армии из пограничных районов республики. Среди них были уроженцы Витебска, хорошо знавшие город. Они также были оставлены здесь для подпольной работы. Это директор спиртзавода из Белостокской области И. К. Оскар, прокурор Барановичской области С. Н. Михайлов, сотрудник органов НКВД из Брестской области Н. А. Панков, а также В. А. Вербицкий и С. П. Бурлаков. Для работы в подполье оставалось 12 работников милиции города.

Большие группы партийных и советских работников оставались в Лиозненском, Суражском, Витебском, Бещенковичском, Сиротинском районах, а в Чашникском, Богушевском, Дриссенском, Россонском, Городокском и Меховском районах

на нелегальное положение переходили районные партийные организации во главе с райкомами. При этом особое внимание обращалось на организацию широкого, хорошо законспирированного подполья в районах, непосредственно прилегающих к городу, что впоследствии имело большое значение для активизации, поддержки и укрепления витебского городского подполья.

В связи с приближением к городу вражеских войск областной комитет партии призвал всех рабочих, служащих, интеллигенцию с оружием в руках защищать Витебск. Создавались истребительные батальоны, формировалась дивизия народного ополчения, которая насчитывала в своих рядах около двух тысяч человек. Две трети ополченцев составляла молодежь. Вместе с воинами Красной Армии народные ополченцы грудью встали на оборону родного города.

...Восемнадцатый день войны. Небо на западе ярко полыхало, приближался фронт. Через город потоком шли беженцы. Станция Витебск не успевала принимать эшелоны раненых бойцов и воинские составы. Продолжалась эвакуация. Двери кабинета начальника железнодорожной станции почти не закрывались.

— У меня ценнейшее оборудование, его нельзя оставлять врагу. Дайте вагоны, — настаивала женщина — директор фабрики.

— У меня пятьсот тысяч очков для летчиков, они им очень нужны, — с жаром доказывал представитель Витебской государственной очковой фабрики.

Каждый стремился до конца выполнить свой долг.

Ночь на 9 июля прошла тревожно. Над Двиной струился легкий пар. То там, то здесь в черный шатер неба столбами поднимался дым недавних пожаров. Но едва только первые лучи багряного солнца коснулись старых сосен Юрьевой горки, начался артиллерийский обстрел города. Первый вражеский снаряд угодил в штабеля дров на левом берегу Западной Двины в районе Куйбышевых улиц. Второй взорвался на Успенке, взметнув в воздух вместе с землей молодые деревья. Затем еще и еще. Вспыхнули пожары. Уже много недель не было ни капли дождя, и пламя пожаров, подгоняемое легким ветерком, быстро охватило огромную территорию. Горела трикотажная фабрика имени Клары Цеткин. Улица Вокзальная превратилась в огненный коридор. Здесь нельзя было ни проехать, ни пройти.

Примерно в одиннадцать часов утра станционный диктор объявил:

— Граждане! Немедленно освободите вокзал. Движение поездов прекращается. Фашистские войска подошли к городу в направлении Чепино и Марковщины. Спешите перебраться на левый берег Западной Двины. Путь свободен на Смоленск и Сураж.

Все отчетливее и резче слышалась перестрелка. Батальон народного ополчения Железнодорожного района под командованием секретарей райкома партии В. К. Семенова и И. Г. Григорьева, 1-я рота Первомайского батальона во главе с коммунистом А. И. Юшкевичем и немногочисленные подразделения наших войск в течение нескольких часов сдерживали натиск противника в черте города. Они были свидетелями необыкновенного по своему драматизму поединка фашистского и советского танков у развилки шоссе на Ленинград и Полоцк. В скверике на разветвлении дорог стоял памятник В. И. Ленину. В полдень 9 июля 1941 года сюда со стороны Полоцка прорвался немецкий танк. Он резко развернулся и направился на памятник. В это мгновение со стороны Городокского шоссе навстречу фашистскому бронированному чудовищу стремительно двинулся советский танк Т-34 и таранил его у самого памятника. Вздвигнувшись в мертвой схватке, эти танки так и стояли почти весь период оккупации, напоминая о мужестве и героизме защитников Витебска, о патриотизме советских людей, их беспредельной любви к великому Ленину.

Под напором численно превосходящих сил врага защитники города вынуждены были отойти на левый берег Западной Двины. Воздух сотрясали мощные взрывы. Специальные команды подрывников уничтожали в городе наиболее важные объекты, чтобы ничего не досталось врагу. Вздрыгнул и с тяжелым вздохом рухнул на железнодорожные пути Полоцкий виадук. Такая же участь ожидала центральный мост через Западную Двину.

Враг в городе! Люди лавиной хлынули по раскаленной огнем Вокзальной улице к мосту. Дым душил легкие, разъедал глаза. Женщины срывали с себя платки и одежду, прикрывая детей от огня. В небе сновали фашистские самолеты. Под их пулеметным огнем, среди моря пожаров, метался и шумел людской муравейник, убегая от коричневой чумы.

Таким на всю жизнь запомнился день 9 июля 1941 года всем, кому довелось пережить его в Витебске.

Заняв правобережную часть города, фашисты пытались с ходу форсировать реку, но встретили упорное сопротивление наших войск и народных ополченцев. Батальон Осоавиахима, укомплектованный в основном коммунистами и комсомольца-

ми, стойко оборонял левый берег Двины в районе Мазурино. С рассветом 10 июля гитлеровцы предприняли попытку форсировать Западную Двину на плотах. Когда они достигли середины реки, ополченцы из пулеметов открыли меткий огонь и уничтожили часть переправлявшихся. 1-я рота Первомайского батальона героически обороняла левый берег Западной Двины на участке от сада имени Ленина до Нового моста. Неизвестный солдат-пулеметчик на Успенской горке под ураганным артиллерийским и минометным огнем врага отстреливался, пока от полученных ран не потерял сознание. Когда же гитлеровцы бросились в атаку, пулемет снова ожил, это на выручку товарищам подоспел слесарь завода имени Кирова, боец народного ополчения комсомолец Михаил Гришанов. Очередная атака врага захлебнулась.

Весь день 10 июля не умолкали бои на северо-восточной окраине Витебска. Отделение ополченцев под командованием Кленова в результате смелой контратаки захватило вражеский пулемет и уничтожило его расчет. 11 июля в пригороде Журжево 1-я рота этого же батальона попала под сильный огонь противника и понесла большие потери. Остатки батальона вынуждены были отступить к местечку Сураж, где вели упорный бой с десантом врага.

Народное ополчение, несмотря на кратковременность своего существования, сыграло большую роль в обороне Витебска и особенно в его дальнейшей борьбе. Оно явилось той подготовительной школой, из которой вышли многие организаторы партизанских отрядов и подпольных групп. Под Витебском они получили свое первое боевое крещение, проявили высокое мужество, негибаемую силу духа.

Об этом свидетельствует хранящийся в Архиве Министерства обороны СССР среди трофейных документов материал немецкого военного корреспондента Альфреда Тшимке «Атака танков через Западную Двину», написанный им под Витебском 12 июля 1941 года.

«На Западной Двине,— писал он,— противник сражался с безнадежным ожесточением, которое нам стало хорошо известно в течение первых двух недель восточного похода... Они воюют и стоят насмерть даже в тех случаях, когда их положение совершенно безнадежно... Витебск и Городок заняты, и тем самым завершена прорыв глубины обороны Западной Двины. В самом Витебске еще происходили ожесточенные уличные бои. Они мастера вести уличные бои, находясь внутри города. Остались лишь руины там, где несколько дней назад стоял город с населением до 250 тысяч».

Исчезновение Витебского направления в официальных сводках обзора военных действий не означало прекращения борьбы на данном участке фронта. На всю 22-ю армию прославился в те дни артиллерийский дивизион капитана Чапаева (сына Василия Ивановича Чапаева), который в течение многих часов сдерживал бешеный натиск мотомеханизированных частей противника севернее Витебска, препятствуя их продвижению на Ленинград.

Неувядаемой славой покрыл свое знамя 293-й артиллерийский полк резерва Главного командования. Оказавшись в окружении, он в течение длительного времени вел ожесточенные бои с танками и пехотой врага на юго-восточных подступах к Витебску. Уже неделю хозяйничали гитлеровцы в Витебске, продвинулся далеко на восток фронт, а советские артиллеристы, окруженные огненным кольцом в районе Лучесы, продолжали сражаться. Примерно 18 июля полк разгромил танковую колонну врага.

Это был жаркий день. Артиллеристы прямой наводкой тяжелых орудий отбили три танковые атаки противника. Погибло много наших бойцов и командиров. В числе раненых оказался командир полка майор Никитин. Замерло до половины орудий, на исходе были снаряды. Под вечер, когда фашисты прекратили атаки, а на лугу еще дымились двенадцать разбитых немецких танков, во второй дивизион пришел комиссар полка Орлов. Он объявил о назначении инструктора полка по пропаганде Н. И. Москвина комиссаром группы артиллеристов, которой предстояло ночью нанести удар по аэродрому в Витебске.

— Там, — сказал комиссар, — базируется большое количество немецких бомбардировщиков. Вам надлежит выдвинуть двенадцать орудий на рубеж лесной опушки северо-восточнее деревни Коопти и уничтожить самолеты, наземные ангары и летный состав. Операцией будет командовать капитан Анисин. Командир батареи лейтенант Молодых послан мной с группой связистов и разведчиков на передний край. Связь будет протянута от огневых позиций до наблюдательного пункта. Она обеспечит вас полностью.

Затем комиссар распорядился о боекомплекте снарядов, уточнил время выхода и назвал место сборного пункта — лес в районе деревни Высочаны, куда должны были явиться артиллеристы к шести часам утра. К часу ночи на быстроходных тягачах орудия достигли огневых позиций и направили стволы в сторону аэродрома. Вскоре была установлена связь с НП. Лейтенант Молодых с группой красноармейцев расположился, как

он доложил, у самого аэродрома. Он передал расчетные данные, и Анисин открыл огонь.

Как вспоминает Н. И. Москвин, об эффективности артиллерийского налета можно было судить по восторженному голосу Молодых, который докладывал по телефону:

— ...Аэродром рядом, цель накрыта... Хорошо, очень хорошо... Давайте беглый всеми орудиями... Самолеты горят!.. Хорошо вижу бомбовозы — светло как днем... «Юнкерсы» — их много. Огонь четырех орудий левее 0-01, прицел минус 2. Горит много машин, все горит!.. Взлетают штурмовики, нет — истребители... По полю мечутся люди — немцы... На взлете столкнулись две машины — горят... Всем орудиям прицел плюс 2, правее 0-01... Самолеты не поднимаются — море огня. Сильные взрывы. Наблюдайте пожар, вы должны видеть... Победа, капитан, победа! Ура-а-а!

— Снаряды кончаются, снимайтесь, — кричал в трубку капитан Анисин, — уходите, машина ждет вас в условленном месте, уходите быстрее, прекращая огонь, до встречи, лейтенант.

Артиллерийский налет длился более двадцати минут. Были разбиты и сожжены десятки самолетов, взорваны склады с боеприпасами, погибло большое количество летного состава противника.

Так отомстили гитлеровцам советские артиллеристы, попавшие в окружение и списанные фашистским командованием со счетов. Так сражались советские люди, защищая каждую пядь родной земли.

С чувством горечи оставляли Витебск его героические защитники. Это чувство хорошо выразил белорусский поэт Аркадий Кулешов в стихотворении «Витебская махорка».

Здан горад Віцебск. З весткай горкай
Ішлі мы ўздоўж яго Дзвіны.
Здан Віцебск.
Мы яго махорку
Яшчэ курылі да вайны.

Но поэт-солдат, как и все советские люди, был глубоко убежден, что, несмотря на временные неудачи и отступление, мы разгромим врага и снова вернемся в Витебск.

Наперад мы, на захад рушым
І ўсё, што вораг знішчыў, знёс,
Усё вярнуць назад прымусім,
Усё,
Нават дым ад папярос.

А пока для Витебска и области наступил 1100-дневный период тяжелой фашистской неволи.

**В ГОРОДЕ ПРОСТОРНО,
А ДЫШАТЬ НЕЧЕМ**

На оккупированной территории гитлеровцы приступили к практическому осуществлению своего чудовищного плана порабощения и истребления советских людей, разграбления наших национальных богатств.

Идеологическую основу этого плана составляла человеконенавистническая расовая теория фашизма, призванная оправдать все злодеяния гитлеровцев в завоевании «жизненного пространства». Порабощенные гитлеровцами народы объявлялись «низшей» расой, подлежащей уничтожению. Число славян фашисты намеревались сократить до 30 миллионов человек, а их земли заполнить «немецкой кровью и немецкой жизнью» — представителями так называемой «высшей» расы, призванной господствовать над всем миром и распоряжаться судьбами других народов по своему усмотрению. Жизнь миллионов людей находилась под угрозой.

«Мы, — говорил Гитлер, — обязаны истреблять население, это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Если меня спросят, что я понимаю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и собираюсь проводить в жизнь, — грубо говоря, это моя задача.

Природа жестока, следовательно, мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны без малейшей жалости, проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви»¹.

В отношении Советского Союза гитлеровцы преследовали и совершенно определенную классовую цель — уничтожение первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян. Бывший начальник генерального штаба немецких сухопутных войск генерал-полковник Гальдер в своем дневнике приводит слова Гитлера, который говорил, что война против России — это «борьба двух идеологий», что «задачи в отношении России: разбить вооруженные силы, уничтожить государство...».

Таким преступным целям соответствовали не менее преступные средства: грабежи и насилия, массовые убийства и истязания советских людей, разрушение и уничтожение материальных и духовных ценностей, созданных народами нашей страны.

Город Витебск, расположенный на Московском и Ленинградском стратегических направлениях, занимал особое место в планах гитлеровского командования. В числе других городов Белоруссии он должен был стать одним из бастионов германского рейха на Востоке, его опорным пунктом. С этой целью оккупанты решили истребить большую часть населения города, а оставшуюся — превратить в источник дешевой рабочей силы.

С первых дней оккупации города гитлеровские молодчики огнем и мечом, виселицами и голодом начали устанавливать в нем свой так называемый «новый порядок». Разграбленный, разрушенный и полусторевший Витебск фактически был превращен в огромный концентрационный лагерь. На обширной территории военного городка бывшего 5-го железнодорожного полка, обнесенной несколькими рядами колючей проволоки, фашисты создали лагерь смерти для военнопленных бойцов и командиров Красной Армии. Пренебрегая международным правом и соответствующими конвенциями о правилах обращения с военнопленными, гитлеровцы беспощадно избивали их даже за то, что они, мучимые нестерпимой жаждой, на ходу пытались получить от жителей города глоток воды или кусок хлеба. Те из пленных, которые выбивались из сил и не могли

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1955, т. 1, стр. 518.

передвигаться, расстреливались на глазах у своих товарищей тут же на дороге. Очевидцы рассказывают, что только из первой партии военнопленных на улице Полоцкое шоссе (ныне улица имени Германа Титова) было убито до ста человек.

— Я видел военнопленных, содержавшихся в лагере, — вспоминает житель Витебска Александр Солейник. — Они были настолько изнурены и истощены, что еле передвигались. Я видел, как немецкий солдат бил палкой военнопленного за то, что он отставал, а затем застрелил его.

Об этом же говорит Тимофей Окунев, проживавший на соседней с лагерем улице:

— Пленных водили на работу мимо нашего дома. Они были сильно истощены, еле передвигали ноги, многие не могли идти и падали от истощения. Таких гитлеровцы пристреливали. Я лично был очевидцем многих подобных случаев. Жизнь человека для фашистов ничего не значила.

От голода, холода и болезней в лагере ежедневно погибало в среднем 150—160 человек. Если осенью 1941 года в нем насчитывалось не менее 40 тысяч военнопленных и лагерь постоянно пополнялся, то к весне 1942 года осталось в живых до 500 человек. Ежедневно гитлеровцы расстреливали 200—250 военнопленных.

Оккупанты задерживали на улицах всех мужчин, тщательно обыскивали их. Малейшее подозрение влекло безоговорочную отправку в лагерь.

В поселке Лучеса был создан специальный лагерь, в который заключались политработники, советские разведчики, подпольщики и партизаны. Лагерь был сильно укреплен заграждениями из колючей проволоки, тщательно охранялся. Узников в него определяли без регистрации. Так фашисты поступали с заранее обреченными на смерть.

В начале августа 1941 года в этом лагере фашисты за один день расстреляли 47 командиров и политработников Красной Армии. Когда пленные в связи с этим варварством заявили протест, гитлеровцы открыли по ним автоматный огонь. На следующий день начальник лагеря заявил, что за вчерашний бунт комендант города приказал расстрелять каждого десятого, но он, обер-лейтенант, проявляет «милость» и решает расстрелять только десятерых. Из каждой шеренги он вывел по одному человеку, поставил перед строем и подал команду солдатам приготовиться.

Отобранные для казни стояли спокойно, гордо. И это навело страх на фашиста. Он приказал обреченным стать на колени, но те не повиновались. В ход были пущены дубинки и

приклады. И это не помогло. Прозвучали пулеметные и автоматные очереди. Свершилась кровавая расправа.

На кирпичном заводе оккупанты открыли специальный изоляционный лагерь, узники которого обрекались на каторжные работы. Так называемый «трудовой лагерь» появился и на территории бывшей зеркальной фабрики. Люди здесь спали на грязном полу или просто на земле, а суточный рацион питания состоял из кусочка хлеба из мякины и кружки воды. После 12-часового рабочего дня узники недосчитывались многих своих товарищей.

В прошлом шумный и жизнерадостный, Витебск был превращен фашистами в город беспросветного мрака, смерти и страданий. Образную картину обстановки тех дней нарисовала в своих письмах из витебского подполья легендарная дочь белорусского народа, Герой Советского Союза Вера Захаровна Хоружая. «В городе у нас теперь просторно, — сообщала она слова одной пожилой женщины. — Дома разрушены, фабрики не дымят, чистого воздуха сколько угодно, а дышать нечем. Задыхаешься и в квартире и на улице».

В руины были превращены фабрики и заводы, прекратилось трамвайное и автобусное движение, закрылись школы и культурно-просветительные учреждения, на смену электричеству пришли керосинки, лучина. Над входом в кинотеатр «Спартак», на некоторых столовых, парикмахерских появились оскорбляющие достоинство советских людей надписи: «Только для немецких солдат». В уцелевших просторных и светлых школах, где еще недавно звенели веселые детские голоса, обосновались различные штабы, госпитали, увеселительные учреждения для немецких солдат и офицеров. Городская тюрьма и ее двор не могли вместить все возрастающий поток арестованных. Иловский (Туловский) и Духовской овраги, пойма реки Витьбы за ветеринарным институтом, ложбины у 5-го железнодорожного полка и Улановой горы стали братскими могилами для многих тысяч советских людей.

В первых числах сентября 1941 года в городе можно было прочесть следующее объявление немецкого командования: «Немедленно закрываются коммунистическая партия и все коммунистические организации. Их имущество конфискуется». Но уже до этого оккупанты развернули настоящую охоту за коммунистами и комсомольцами, партийными, советскими и хозяйственными работниками. С каждым днем в городе расширялась сеть различных карательных органов. На полный ход пустила свою кровавую машину оперативная команда № 9 полиции безопасности и СД. Местом заключения и зверских пы-

ток советских людей служили подвалы политехникума на Успенской горке. Вслед за СД в Витебск прибыли карательные органы военной разведки и контрразведки — Абвергруппа-113 («Гириш»), Абвергруппа-318 («Рабе»), Абвергруппа-210 («Лагерь Анна»). Особенно свирепствовала тайная полевая полиция — ГФП-703, ГФП-717. В городе сосредоточились большие силы жандармерии, войск СС, охранной полиции, штурмовые отряды. С помощью кучки презренных изменников и предателей-полицейских оккупанты начали истребление лучших представителей трудящихся города. Первыми жертвами их сатанинской охоты стали коммунисты машинист Струкин, народный судья Вера Федотова, прокурор С. Н. Михайлов, врач санатория «Сосновка» Я. К. Михаевич, А. И. Колосовский, комсомолец Владимир Шенковяко и многие другие патриоты.

В июне 1942 года в городе были развешаны объявления о том, что за поимку партизана устанавливается награда в 500 рублей, а за выдачу члена партии с партийным билетом — 5 тысяч рублей.

К октябрю 1941 года в городе было уничтожено почти все еврейское население. Фашистские палачи умерщвляли детей, стариков. Нельзя без содрогания читать показания жительницы деревни Тулово Ефросиньи Федоровны Смоликовой, данные ею Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

— Однажды, — свидетельствует она, — немцы привезли к Иловскому оврагу на двух автомашинах 50 детей. Когда их высадили из машины, то они, ничего не подозревая, весело разбежались по полю и стали рвать цветы. Затем их собрали, раздели, сбросили в яму и стали расстреливать. Некоторых закапывали живыми.

В центре города, в сквере, где до войны под Новый год обычно сверкала огнями нарядная елка, оккупанты поставили виселицу. По всем правилам строительной техники были сооружены виселицы у Смоленского рынка и в других местах города. Они символизировали фашистский «новый порядок». Гитлеровцы обычно устраивали публичные казни патриотов. Людей вешали за хранение радиоприемников, фотоаппаратов, за чтение советских газет и листовок, а в ряде случаев просто за то, что советский человек бросил на оккупанта «косой взгляд». В городе трудно найти семью, которая не пострадала бы от фашистских насильников.

Все приказы, объявления и распоряжения фашистских оккупационных властей обязательно содержали какой-нибудь запрет для населения и кончались одними и теми же преду-

преждениями: «Будет повешен», «Будет расстрелян», «Будет наказан по законам военного времени». В газете «Витебские ведомости» от 16 сентября 1941 года был опубликован приказ о запрещении держать голубей, в случае неподчинения этому приказу грозило наказание по законам военного времени. «Если кто из жителей, — говорилось в другом распоряжении командующего тыловой областью, — будет давать пристанище неблагонадежным лицам, как-то: красноармейцам, партизанам и действующим в интересах Советской власти, будет расстрелян».

«Искушением за жизнь каждого немецкого солдата... — требовал официальный приказ, — должна служить в общем и целом смертная казнь 50—100 коммунистов. Способы этих казней должны увеличить степень устрашающего воздействия».

Все это делалось для того, чтобы сломить волю советских людей к сопротивлению, поставить их на колени, превратить в рабов.

Прибыв в Витебск вслед за оккупационными войсками, окружной комиссар Фишер нагло заявил:

— Здесь будет Германия и руководить будут только немцы!

Дальнейшее развитие этого плана более откровенно изложил командир полицейского полка полковник фон Гуттен. Свою деятельность в Витебске он начал с отвода и планировки площади для постройки крепости «Цвинбург», которая должна была выражать твердость власти и величие Германии. Внутри замка предполагалось расположить вооруженный гарнизон, всегда готовый подавить возможное восстание местного населения.

План фон Гуттена предусматривал «профилактические меры», после проведения которых будут заблаговременно уничтожены «бунтующие элементы» и останется лишь такое количество мужчин, которое будет в состоянии выполнять необходимые работы. В беседе с бургомистром Витебска В. Родько и его заместителем Л. Брандтом в начале сентября 1941 года фон Гуттен заверил их:

— Господа! О восстании в городе не может быть и речи. Я постараюсь держать местное население в постоянном страхе и подобающем повиновении. Я сам буду периодически приказывать вешать публично на площади по нескольку человек.

Эту идею поддержал полевой комендант фон Швайдниц, заявив цинично:

— У нас каждое волнение является причиной смерти для волнующихся, а для повешенных не представляет никакой разницы: быть повешенным теперь или через два года — они все равно восстанут, не выдержав нашего режима.

Для осуществления своих чудовищных планов оккупантам требовалась поддержка со стороны изменников, предателей, пособников из среды местного населения. С этой целью они создали городскую управу, отдел охраны порядка (местную полицию), биржу труда и нечто наподобие суда. Во главе их были поставлены привезенные гитлеровцами ярые национал-фашисты и предатели типа Брандта и Витбича. Первым бургомистром Витебска был назначен 20 июля 1941 года В. Ф. Родько — прожженный белорусский национал-фашист, прибывший в обоз оккупантов по заданию националистической контрреволюционной организации так называемого «Белорусского комитета в Варшаве», агент немецкой контрразведки по кличке «Рак». Заместителем его стал «фольксдойч» — местный немец Л. Г. Брандт. Службу порядка, т. е. местную полицию, возглавил П. А. Шостак — друг и односельчанин Родько, привезенный им из Западной Белоруссии в сентябре 1941 года и получивший впоследствии за кровавые дела в Витебске фашистскую медаль «За заслуги на Востоке». Другие отделы управы и полиции возглавили мерзкие предатели: А. Туровский, Н. Коханович, Ф. Колесников и другие. Всех этих подонков объединяло и роднило одно — желание выслуживаться перед врагом, нажиться на грабежах и взятках.

Претендуя внешне на роль независимого гражданского управления, городская управа и ее отделы в действительности были связаны с фашистскими военными властями, являлись их придатком и послушным орудием. Ни один приказ управы не мог быть издан без согласования или предварительной на то директивы оккупационных властей. Почти все ее распоряжения начинались словами: «На основании временного положения о налогах, изданного командующим тыловой областью», «По распоряжению полевой комендатуры» и т. д. и т. п. Вот один из таких документов:

«На основании распоряжения Главнокомандующего армией от 23.X.41 г. издаются нижеследующие постановления:

§ 33. Непосредственный надзор над управлением и взиманием налогов общинами и районами ведется полевыми комендатурами. Контроль может производиться также непосредственно командующим тыловой областью «Митте» («Центр». — Авт.).

Все нарушения обязанностей по податям караются строго. Наказания выносятся полевой комендатурой».

Наиболее ярким доказательством профашистского характера городского управления являлась служба порядка — местная полиция. Хотя она и числилась при управе, но фактически подчинялась фельджандармерии, выполняла все ее распоряжения, вплоть до расстрела патриотов города, массового уничтожения населения.

Над отделами управы и местной полиции оккупанты поставили своих шефов, наделив их неограниченными правами. В то время в Витебске была хорошо известна кровавая деятельность оберштурмфюрера СС Герхарда Бременкампа. Он шефствовал над уголовным отделом местной полиции, который возглавлял Туровский. Совместными усилиями этих двух людоедов было отправлено в тюрьму и на виселицу большое количество советских людей только за то, что они любили свою Родину, свой народ и не покорились врагу. Разоблаченный и задержанный советскими чекистами, Бременкамп в 1946 году на суде военного трибунала подтвердил, что весь уголовный отдел местной полиции в Витебске подчинялся ему и что за период его руководства только этим отделом было арестовано примерно 750 человек.

Комплектуя местные органы гражданского управления, гитлеровцы преследовали далеко идущие цели. Они стремились подорвать морально-политическое единство нашего народа, натравить советских людей друг на друга, привлечь их к осуществлению своих коварных планов.

В местную полицию подбирались уголовники, лица, проявлявшие по тем или иным причинам недовольство Советской властью. По каким именно — это меньше всего интересовало гитлеровцев.

Вместе со своими хозяевами полицейские рыскали по городу, совершали обыски и грабежи. По их доносам и при личном участии были казнены Николай Лазаренко, Владимир Лагень, Андрей Коноплев и многие другие. За повреждение кабеля связи гитлеровцы повесили старика Алексея Радченко. Советских людей стреляли, вешали без суда и следствия. «Я наказываю русскую Юлию Захаревич за владение запрещенным оружием смертной казнь через расстрел». «Я наказываю русских Михаила Крестовчика, Аркадия Крестовчика за кражу немецкого военного хлеба смертной казнь через расстрел». «Я наказываю русскую Клавдию Осипову за умышленное членовредительство смертной казнь через расстрел». Таких единоличных приговоров

фельдкоменданты Рейнгардт, а затем Биккель подписывали сотни.

Повседневным явлением были телесные наказания. Из данных витебской городской тюрьмы видно, что только с января по август 1942 года этому наказанию было подвергнуто 140 граждан города, каждый из которых получил от 10 до 300 ударов палками. Нередко людей забивали насмерть. Так был убит, в частности, житель города Василий Кузин. В тюремном журнале имеется отметка, что 12 января, 10 февраля и 10 марта он получил по 25 палочных ударов, а 8 апреля, во время очередной экзекуции, скончался.

В Витебске, как и в других оккупированных городах и селах Белоруссии, гитлеровцы установили жестокий полицейский режим для населения. Основным документом, удостоверявшим личность, служил советский паспорт, выданный до 22 июня 1941 года и прошедший в паспортном столе управы немецкую регистрацию, имевший штамп прописки и перечисление подробных примет владельца. Гражданам, не имевшим паспортов, выдавались временные удостоверения личности, заполненные на русском и немецком языках, с подробным описанием примет и отпечатками пальцев. Из примет обязательно указывались рост, форма лица, цвет глаз и волос, а также особые приметы. Процедура получения документов и производство необходимых отметок были сложными. Подавший в управу заявление заполнял стандартную анкету, представлял справку жилконторы о месте жительства и подтверждение трех свидетелей, что он действительно является здешним жителем, не коммунист и не еврей. Многие патриоты города, не желая пачкать свой советский паспорт фашистскими отметками, прятали его и, пользуясь свидетельскими показаниями, получали документы оккупационного образца.

Каждый житель города обязан был работать на оккупантов и всегда иметь при себе удостоверение с места работы. Наиболее распространенным методом проверки выполнения этого приказа являлись облавы. В намеченный день полицейские и жандармы внезапно оцепляли рынок или другой район города и проводили проверку документов. Тех, у кого их не было, задерживали и отправляли на рытье окопов или насильственно увозили на каторжные работы в Германию.

Почти каждую ночь, а часто и днем устраивались проверки людей в домах, на улицах, базарах и в других общественных местах. При малейшем подозрении человека задерживали. Уже в конце 1941 года проводилась перерегистра-

ция населения Витебска, а в дальнейшем это делалось довольно часто, иногда по два раза в месяц. Подобные полицейские меры преследовали цель превратить город в закрытую зону, изолировать его патриотические силы от общения с внешним миром, не допустить проникновения в город армейских и партизанских разведчиков и связных.

В городе был введен комендантский час с 8 часов вечера до 5 часов утра. В это время его жителям под страхом смерти запрещалось появляться на улице. Приезжие имели право на ночлег только с разрешения полиции и жандармерии. Даже безкоризненно оформленные документы оказывались бессильными перед буквой приказа о комендантском часе. А приказ был такой: «Ни одного русского на дорогах».

Экономическая программа фашистов на оккупированной советской территории полностью соответствовала их политическим целям. Это была программа грабежа, варварского уничтожения богатств нашей страны. Витебск — наглядное тому подтверждение. Оккупанты грабили население путем обложения всевозможными налогами, сборами, штрафами, конфискациями имущества. Даже простой перечень налогов дает представление о его архиграбительском характере. С каждого работающего жителя Витебска ежемесячно взимался четырехпроцентный социально-страховой сбор. Под предлогом «изъятия излишних средств» со всех граждан от 15 до 65 лет взимался подушный налог не менее 50 рублей с человека. Из разъяснения командующего тыловой областью «Центр» от 30 ноября 1942 года видно, что эта ставка могла быть увеличена, если того требовало финансовое положение оккупантов. Обложению подушным налогом не подлежали только полицейские и добровольцы так называемой «народной армии», добросовестно несшие службу. Собирались также военный налог и канцелярский сбор. Налогами облагались строения, окна, дымоходы и даже домашние животные — козы, кошки, собаки. Постановлением витебской городской управы от 25 мая 1942 года за каждую собаку, независимо от породы и возраста, устанавливался налог в размере 100 рублей в год. Исключение составляли собаки, выполнявшие сыскную работу при отделе охраны. За несвоевременную уплату налога начислялось пени в размере 10 процентов от общей суммы, а за неуплату вообще — виновные подвергались суровому наказанию.

Осуществляя экономическую политику немецких оккупационных властей, В. Родько и Л. Брандт старались всячески замаскировать ее грабительский характер. Многие по-

становления управы, пронизанные сплошным лицемерием, публиковались в газете «Новый путь». Так, постановлением от 5 января 1942 года для жителей города, имевших коров, устанавливалась норма сдачи молока в количестве 200 литров в год при базисной жирности 3,7 процента. При этом подчеркивалось, что молоко необходимо для обеспечения госпиталей, больниц и детских домов. Определялись строгие сроки сдачи, и в заключение, как обычно, следовала угроза, что за уклонение от выполнения указанных обязательств виновные будут караться по законам военного времени. На самом деле все молоко шло немецким госпиталям, а гражданские больницы и детские дома его не видели в глаза. Детей кормили мерзлой картошкой и водой.

В следственном деле по обвинению бывшего бургомистра витебской горуправы В. Родько есть показания бухгалтера отдела здравоохранения управы Дмитриевой. Из них видно, что в 1942 году в детдоме № 1 находилось около 100 детей в возрасте до шести лет. В течение года большинство из них умерло. Судьба детей никого не волновала. Наоборот, когда в конце 1941 года заведующий одним из детдомов Бекаревич увеличил норму отпуска продуктов детям, он был немедленно арестован.

Немногочисленные полукустарные предприятия — чугуно-литейные мастерские, кожзавод, хлебозавод, мясокомбинат, водоканал, — работавшие в городе, не могли возродить его экономическую жизнь, обеспечить занятость населения. Да это и не входило в планы оккупантов. Начался массовый уход населения из города в сельскую местность. В связи с этим полевая комендатура издает один приказ за другим, вводя принудительную трудовую повинность. Это видно из приказа полевого коменданта от 6 февраля 1942 года:

«1. Население продолжает свою обычную работу. Кто самовольно оставляет место своей работы или не является, будет наказан по законам военного времени, даже смертью.

2. Каждый не занятый работой гражданин Витебска от 16 до 55 лет обязан ежедневно являться в 8 часов на Смоленскую базарную площадь».

Но даже крайние угрозы не давали желаемых результатов. Советские люди отказывались работать на оккупантов. В связи с этим усилились и участились облавы в городе, особенно в местах наибольшего скопления людей. Задержанная молодежь насильственно увозилась на каторжные работы в Германию. Остальные, независимо от пола и возраста, ежедневно конвоировались на рытье окопов, расчистку завалов

на транспортных магистралях и т. д. За этот каторжный труд вместо хлеба и денег люди получали дубинки и похлебку из картофельных очисток.

В городе отсутствовало какое-либо плановое продовольственное снабжение. Не было магазинов и столовых. Положение населения было катастрофическим. Зарплата по отношению к существовавшим ценам на рынке была настолько низка, что работавший мог кормить на нее семью только в течение трех — шести дней в месяц. В официальных документах гитлеровского командования устанавливались нормы снабжения населения. Но это было только на бумаге. На деле жители Витебска постоянно находились под угрозой голодной смерти. Трагическим было положение инвалидов. Пенсий и пособий их лишили. 22 января 1942 года Л. Брандт дал следующее предписание отделу соцобеспечения: «Согласно распоряжению командующего тыловой областью «Центр» выплата пенсий лицам, получавшим таковые до настоящего времени, прекращается...

Относительно лиц немецкой национальности будет дано специальное дополнительное указание».

На почве голода в городе росла заболеваемость туберкулезом, часто вспыхивали эпидемии тифа, дизентерии. Больницы, особенно туберкулезная и инфекционная, были переполнены. Не хватало медицинского персонала — на весь город имелось всего 29 врачей. Не было медикаментов. Оккупанты ввели платное лечение в больницах. Больным выдавалось по 150 граммов хлеба в сутки и водянистый суп, и то не всегда. Они заранее обрекались на гибель, особенно те, кто не мог получить помощь со стороны.

В городе уцелел один родильный дом. Однажды ночью сюда ворвались гитлеровцы и потребовали освободить помещение для раненых немецких солдат. Женщин выгнали на улицу, а детей погрузили в грязный грузовик и увезли в какой-то сарай. Одна из матерей высказала опасение, что теперь не узнаешь, где чей ребенок. В ответ немецкий офицер цинично заявил по-русски: «Какая разница, где Иванов, а где Петров?».

Население Витебска было обречено на постепенное вымирание.

— Когда зимой 1942 года, — признался на суде В. Родько, — в городе умерло от голода четыреста человек, это немцев ничуть не беспокоило.

Единственным спасением для жителей города был естественный товаро- и продуктообмен. Люди меняли свои по-

следние пожитки на продукты питания и за счет этого поддерживали полуголодное существование. Даже городская управа в своем докладе гарнизонной комендатуре вынуждена была признать, что «бедный слой населения в городе составляют инвалиды и многодетные безработные матери, которые из-за недостатка промышленных предприятий не имеют возможности заработать денег, из-за запрещения передвижения не могут достать продуктов в деревне».

В 1942 году на связь к ответорганизатору Витебского обкома партии В. Р. Кудинову пришла жительница Витебска В. П. Кутьина с 11-летним сыном, которого она взяла с собой, чтобы не вызывать особых подозрений у полицейских.

— Ты учишься? — спросил Кудинов мальчика.

— Раньше два года учился, а как началась война, нигде не учусь. Этим летом пошел было в школу, там нас собралось человек пятьдесят, а потом все разбежались.

— Почему же ты перестал ходить в школу?

— А чего ходить-то? — ответил мальчик. — Чему там учат? Учительница весь день читала нам фашистские газеты и нас заставляла их читать и переписывать. Книг никаких нет, тетрадей нет...

Сели обедать. Исхудалое, с зеленоватым оттенком, чуть сморщившееся лицо мальчика просветлело. Глубоко запавшие голубые глаза заблестели.

— Дома ты часто кушаешь молоко? — поинтересовались у мальчика.

— У нас не только молока, а и хлеба нет.

— Значит, ты без хлеба дома обедаешь?

— Мы с оладьями обедаем. Во, посмотрите какие.

И тут же вытащил из кармашка остатки серо-синеватых лепешек, испеченных из собранных возле немецкой кухни картофельных очисток со жмыхом.

Установив жесточайший фашистский режим, оккупанты лишили советских людей элементарных человеческих прав. Но они не смогли поставить их на колени, превратить в рабов. Познавшие счастье свободной жизни, воспитанные на великих идеях марксизма-ленинизма, советские патриоты не стали мириться с господством немецко-фашистских оккупантов и с первых дней оккупации развернули священную освободительную борьбу против иноземных захватчиков.

МУЖЕСТВО ПАТРИОТОВ

В годы войны, как никогда раньше, проявилась великая сила патриотизма советского народа. Сбылось пророческое предвидение создателя нашего государства В. И. Ленина, который говорил: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»¹.

Наш народ боролся не только за свою свободу и национальную независимость, но и за те социальные завоевания, которые он получил в результате победы Великого Октября. Заняв Витебск, немецко-фашистские захватчики натолкнулись на мужественное сопротивление патриотов, которые разговаривали с врагом только на языке оружия. С оружием в руках встретили оккупантов патриоты Леонид Барановский, Иван Мануйко, Владимир Виноградов, Андрей Гоголя, Николай Нагибов, Петр Смирнов и десятки других.

Героический подвиг совершил 9 июня 1941 года рабочий Витебского лесозавода комсомолец Леонид Валерьянович Ба-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

рановский. Утром в тот день восемнадцатилетний юноша, боец народного ополчения, с винтовкой в руках заступил на дежурство. Над головой Лени уже свистели вражеские снаряды, а он спокойно обходил территорию завода и, зайдя в убежище, где находилось много рабочих завода, сказал: «Вы не беспокойтесь, буду держаться до последнего».

Во второй половине дня по гулу приближающегося боя Барановский понял, что фашистские войска вступили в город. Он запасся патронами и стал внимательно наблюдать за улицей. Вскоре показалась первая группа гитлеровских молодчиков. Самонадеянные, с засученными рукавами, горланя и смеясь, приближались они к лесозаводу, предполагая легкую победу.

С криками «Рус, капут!» немцы забарабанили прикладами автоматов по заводским воротам. В ответ один за другим зашелкали одиночные выстрелы, и почти каждая пуля попадала в цель. Гитлеровцы застрочили по воротам из автоматов, несколько солдат полезли через забор, пытаясь обойти комсомольца с тыла. Поединок длился до тех пор, пока у Лени не иссякли патроны. Отступать было поздно. Гитлеровцы схватили мужественного патриота, жестоко избили его, а затем расстреляли тут же на заводском дворе.

История сохранила трагический документ, повествующий еще об одном примере героизма витебских комсомольцев в первые дни оккупации города. Перед нами фотография казненного гитлеровскими палачами комсомольца Володи Виноградова. Рядом с повешенным — доска, на которой написано: «Владимир Виноградов. Убил 23.9.41 г. в Витебске немецкого солдата».

Комсомолец В. И. Виноградов был смелым, ловким юношей. Ему, например, ничего не стоило перебежать железнодорожные пути под вагонами уходящего со станции поезда. Когда немцы стали подходить к Витебску, Володя и его товарищи запаслись оружием и боеприпасами. Почти каждую ночь он брал малокалиберную винтовку и уходил охотиться на фашистов. Беспокоясь за сына, мать просила его быть поосторожней. «Ничего, мама, — отвечал он, — нас много, а завтра будет еще больше. Мы поодиночке их всех перебьем и перережем».

В сентябре 1941 года группа комсомольцев во главе с Виноградовым предприняла попытку взорвать железнодорожный мост через Западную Двину. Но мост усиленно охранялся, и патриотов постигла неудача. За Володей началась слежка. 23 сентября на квартиру Виноградовых явился немецкий жан-

дарм, чтобы арестовать комсомольца. Встретились они в коридоре. Володя выхватил у гитлеровца штык и тут же заколол фашиста, а сам бросился бежать, но при попытке переправиться через Западную Двину был схвачен и через несколько дней казнен.

На борьбу с оккупантами поднимались не только героини-одиночки, но и небольшие подпольные группы, объединявшие коммунистов, комсомольцев и беспартийных патриотов. Рискую жизнью, они смело вступали в единоборство с сильным и коварным врагом. Жгучая ненависть к фашистам, беспредельная любовь к своей Родине, желание внести посильный вклад в дело ее освобождения вдохновляли патриотов на героические подвиги. У них не было еще опыта подпольной борьбы, и поэтому многие гибли в неравной схватке с врагом. 20 февраля 1942 года были повешены Андрей Ковалев, Иван Калинин, его сын Сергей Калинин и комсомолец Николай Дмитриевич Зайцев. Юный партизан Сергей Калинин пробрался в Витебск, чтобы провести в партизанский отряд своего родственника Андрея Ковалева. Но кто-то заметил появление Сергея и донес в полицию. Рано утром нагрянули полицейские. Завязалась схватка. Ковалев разоружил полиция и сломал его винтовку. Но убежать никто не смог. Сохранилась фотография повешенных. На груди А. В. Ковалева хорошо видна доска с надписью: «Андрей Ковалев. Наказан смертью через повешение за разоружение члена ОД и вооруженное сопротивление».

В разделе «Порядок и безопасность» отчета о положении в городе от 2 марта 1942 года лейтенант полевой жандармерии Бюхель писал: «При станционном базаре был арестован русский, который похищал у немецких солдат папки с письмами и документами. Этот русский имел около себя еще трех человек, которые пытались убить в январе 1942 года служащего ОД».

В данном отчете жандармерии речь идет о действиях хорошо организованной группы, в которую входили патриоты Калининны, А. В. Ковалев и «русский, похищавший документы» у противника.

Вместо погибших приходили другие. На борьбу поднимались новые массы людей. Деятельность подпольщиков расширялась, становилась более целеустремленной и эффективной.

30 января 1942 года жители Витебска узнали радостную весть — убит кровавый лакей гитлеровцев, заместитель бургомистра города Брандт. Возмездие свершилось. Предатель получил пулю в своей квартире на центральной улице города. Выстрел в Брандта прозвучал как набат, зовущий народ

на борьбу с врагом. Он укрепил веру подпольщиков в свои силы, встряхнул растерявшихся. Гитлеровцы старались скрыть от населения факт убийства холуя, опасаясь паники в лагере своих прислужников. Профашистская газета «Новый путь» (издавалась в Витебске с августа 1941 года) лишь 6 февраля 1942 года поместила скупое сообщение: «30 января 1942 года глубокой ночью на своей квартире зверски убит заместитель заведующего горуправой Л. Г. Брандт. Вместе с ним погибла и его жена». По городу прокатилась волна арестов. Было казнено несколько заложников. Но напрасно оккупанты рассчитывали на «умиротворение» горожан. Дело погибших продолжали их боевые товарищи. К сожалению, имена многих патриотов так и остались неизвестными. Ряды народных мстителей множились.

В госархиве Витебской области хранится донесение штаб-фельдфебеля, фельдфебеля и унтер-офицера гитлеровской армии от 28 февраля 1942 года. Они пишут, что доставили в фельдкомендатуру человека в гражданской одежде, который имел при себе удостоверение полицейского криминального отдела полиции. Задержанный ими человек стрелял в них из пистолета на улице. Из материалов видно, что свою фамилию патриот не назвал гитлеровцам, ибо во всех протоколах он фигурирует как «задержанный русский».

Горела земля под ногами оккупантов на берегах Западной Двины. В полуиспепеленном, но не покоренном городе они чувствовали себя как на раскаленной сковородке. Ежемесячные отчеты фельджандармерии пестрят сообщениями о массовом характере сопротивления трудящихся Витебска немецко-фашистским захватчикам. Так, в отчете за февраль 1942 года говорится, что в течение месяца было арестовано и передано в «Абвер» 953 человека, а в «многочисленных других случаях нарушители не были пойманы». «Большинство населения, — сообщалось в этом документе, — находится в отчетный период в состоянии ожидания. Настроение у этих людей направлено против вооруженных сил. Насколько извне заметно, установлено, что приход Красной Армии они бы приветствовали. При налетах советской авиации русским летчикам даются сигналы. Например, был случай на железной дороге, когда 4 человека разжигали костер в то время, когда было воздушное нападение противника».

Упоминаемые в этом документе 4 человека были патриоты-железнодорожники Т. Л. Корунный, А. С. Жевлаков, В. Маслаков и Кривенко. Вечером 22 февраля 1942 года, незадолго до окончания рабочей смены, они собрались в сторожке и

стали обсуждать вопрос, как лучше отметить День Красной Армии.

— Скоро над городом появятся наши самолеты. Давайте поможем им, разожжем костер в бывшей кондукторской. Она без крыши, со стороны не сразу заметишь огонь, а сверху лучшего ориентира не найти, — предложил В. Маслаков.

— Правильно! — поддержали товарища остальные и принялись за дело. Натаскали в коробку сгоревшего здания досок, дров, подожгли их и, убедившись, что костер не погаснет, решили расходиться.

В это время с северо-восточной стороны города послышался гул самолетов. Интересно было убедиться, заметят ли летчики сигнал. Задержались. Самолеты шли прямо на костер, который все больше разгорался и вдруг вспыхнул ярким пламенем, осветив все вокруг. Советские бомбы посыпались на Северный и Жлобинский парки, которые в результате этого налета были полностью выведены из строя, уничтожено большое количество вагонов с военными грузами. Патриоты торжествовали. Но они не успели скрыться. Гитлеровцы оцепили район. При попытке вырваться из кольца окружения герои-железнодорожники были схвачены фашистами.

Корунного, Жевлакова, Маслакова и Кривенко отвели в ертскомендатуру. Начался допрос.

— Кто поджигаль? — кричал конопатый гитлеровец, тыча резиновой палкой каждому патриоту в лицо.

— Кто партизан, где партизан?

— Не знаем, — раздавалось в ответ. Началось избивание. Каждому дали по 20 палок. Снова допрос. Молчание. Снова палки, кулаки, пинки.

Так продолжалось часа два. Разъяренные фашисты решили немедленно уничтожить патриотов. Конопатый жандарм куда-то позвонил, сказал несколько раздраженных фраз по-немецки, положил трубку и вновь во все горло закричал:

— Кто поджигаль? Говори, иначе будем стрелять. Капут. Понимаешь!

Ответа не последовало. Вошли конвоиры. Было уже около часу ночи. Арестованных повели. Прошли площадь Свободы, повернули на улицу Толстого, вывели на Западную Двину. Остановились. Один жандарм обошел вокруг, глядя себе под ноги.

— Ищет прорубь. Хотят утопить, — шепнул Маслаков товарищам. — Бежать бы, друзья!

Гитлеровцы, видимо, услышали разговор и вскинули автоматы. Не найдя проруби, жандарм вытащил из-за пояса топор

и начал вырубать лунку, но скоро отказался от этой затеи. О чем-то переговорив между собой, немцы повели патриотов через реку в развалины клуба металлистов. Поставили их там к стенке и расстреляли.

Каково же было удивление гитлеровцев, когда утром 23 февраля они обнаружили на месте расстрела только два трупа. Что же случилось?

Дав очередь из автоматов и считая, что патриоты мертвы, жандармы ушли. Оказалось, что Т. Л. Корунный был ранен в шею, а А. С. Жевлаков — в плечо. Первым пришел в себя Корунный. Окликнул товарищей, но отозвался лишь Жевлаков. Простившись со своими погибшими друзьями, они стали пробираться джмой. Жевлакову это удалось, а Корунный был вновь задержан ночным патрулем и доставлен в фельдкомендатуру. Снова допрос: «Где был? Почему ранен?». Чувствуя, что здесь еще ничего не знают о случившемся с ним, Корунный заявил, что он работает на железной дороге, шел со смены, попал под бомбежку и был ранен осколком. Гитлеровцы не стали наводить справки, но решили все же направить его в лагерь бывшего 5-го железнодорожного полка. Неожиданно в комендатуре появился довоенный знакомый, которого Корунный не раз угощал водкой. Теперь он ходил в бургомистрах Билевской волости. Он спросил Тимофея Леоновича, как тот попал в комендатуру, что случилось. Пришлось повторить прежнюю версию. Видимо, у подлеца заговорила совесть, и он подтвердил немцам, что хорошо знает Корунного, что он не коммунист.

Гитлеровцы отпустили патриота. Оставаться в городе было опасно. Надев повязку железнодорожника, он ушел в Лиозненский район, где связался с армейской разведгруппой П. В. Буткевича, а затем стал партизаном бригады «Алексея». Так, пройдя через пытки и расстрел, Т. Л. Корунный победил смерть. С оружием в руках, вместе со всем советским народом, он ковал победу над врагом. После войны активно участвовал в залечивании тяжелых ран, нанесенных фашистами его родному городу. И только зловещий шрам на шее да боевые награды напоминают ему сегодня о пережитом, о зверствах фашистов.

В 1942 году налеты советской авиации на Витебск все более усиливались. В конце февраля лейтенант полевой жандармерии Бюхель докладывал полковому коменданту полковнику Биккелю, что в течение месяца Витебск много раз подвергался налетам советской авиации, что «советские самолеты сбрасывали много бомб в разных местах города». При этом «было

убито и ранено много немецких военных», даже в «местную комендатуру попала бомба».

В результате бомбежки города 28 октября 1942 года было уничтожено 8 самолетов и склад боеприпасов на аэродроме, разбиты общежитие и штаб немецкой дивизии на улице Стеклова, при этом уничтожено до 250 гитлеровцев, 4 зенитных орудия с прислугой у Смоленского железнодорожного моста, выведено из строя 20 автомашин во дворе дома специалистов, уничтожен склад боеприпасов на улице Винчевской (ныне проспект Черняховского) и склад горючего на маслозаводе.

Это был один из многих массовых и результативных налетов советской авиации на военные объекты врага в Витебске. Во время налета трагически погиб Владимир Козловский — талантливый организатор витебского комсомольского подполья, признанный всжак молодежи. Козловский к этому времени уже имел богатый опыт диверсионной работы. Им был взорван трансформаторный киоск у кожзавода, заминирован немецкий танк, он дважды устраивал диверсии на электроподстанции.

В ознаменование 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции подпольщики готовили взрыв электроподстанции. Под вечер 28 октября на квартиру Ани Киташевой в мешках с рожью привезли тол. Но Козловский решил уничтожить электроподстанцию с наименьшим риском для остальных членов группы. Во время ночного налета советской авиации 28 октября он и его отец А. Д. Козловский с помощью световых сигналов направили удары нашей авиации на электроподстанцию и при этом погибли сами.

Много славных страниц в историю витебского подполья вписали железнодорожники. Их разведывательные данные, световые сигналы помогали советским летчикам наносить точные сокрушительные удары по железнодорожному узлу. Налеты советской авиации причиняли противнику огромный ущерб, на длительное время останавливали движение поездов.

КОММУНИСТЫ СОВИРАЮТ СИЛЫ

В первые месяцы оккупации в Витебске еще не было подпольного партийного центра. Оставленных для организации подпольной борьбы товарищей — секретарей Железнодорожного райкома партии Б. К. Семенова, И. Г. Григорьева и других коммунистов — в городе все хорошо знали. Не исключалась возможность разоблачения их. Учитывая это, возглавляемая Б. К. Семеновым и И. Г. Григорьевым группа коммунистов решила на время покинуть город, проверить намеченные обкомом КП(б)Б явочные квартиры на селе, установить прочные связи и затем уже приступить к выполнению задания. Важно было также изменить и свой внешний облик, изучить обстановку. На все это требовалось время.

Побывав на многих явках в Витебском, Лиозненском, Суражском, Понизовском и Велижском районах, И. Г. Григорьев, Б. К. Семенов, коммунист Н. А. Купалов и некоторые другие члены группы в октябре 1941 года возвратились в Витебск. На явочной квартире в д. Поддубье Витебского района у директора местной школы все они получили справки о том, что являются учителями. Эта справка как нельзя лучше пригодилась И. Г. Григорьеву. С ее помощью он смог получить в Витебске необходимые документы, прописаться и устроиться на работу в одну из строительных организаций. Семенову приш-

лось скрываться у бывшего шофера райкома партии К. Е. Петрова. В декабре 1941 года он перебрался в Лиозненский район, где проживал до ухода в партизанский отряд.

Из состава руководящего партийного центра, утвержденного обкомом КП(б)Б, в городе закрепился только И. Г. Григорьев. В ноябре 1941 года он связался с коммунистом А. Д. Торопиным, с беспартийной патриоткой Анной Степановной Стояковой, с К. Е. Петровым и другими товарищами, которых знал по довоенной работе. Вместе с А. Д. Торопиным он распространял советские газеты и листовки, попадавшие в Витебск из районов действия партизан, собирал сведения о пртивнике, но передавать их никому не мог — у него не было связей с партизанами за пределами города.

Оставшиеся в Витебске коммунисты стали создавать подполье. Железнодорожников возглавил Николай Александрович Купалов, который до этого, разыскивая явки, организовал вместе с Семеновым и Григорьевым подпольную патриотическую группу в д. Кривочи Велижского района. В группу Н. А. Купалова в Витебске вошли Н. В. Любченко, Н. В. Пальчевский, В. Э. Трестер, А. Иванов, К. С. Разбаев, военнопленные, выведенные из больницы на Марковщине врачом Т. М. Широченко, в том числе командир Красной Армии К. А. Галасев, рядовой Боженков — всего около 20 человек.

В январе 1942 года Н. А. Купалов решил вывести группу из города и создать партизанский отряд, поскольку закрепиться в Витебске было трудно из-за отсутствия нужных документов. Они считали, что по своему количественному составу группа могла принести значительно больше пользы как боевая партизанская единица. Однако эта попытка оказалась неудачной. Вывод из города подпольной группы еще не был полностью завершен, когда на них в д. Воеводки напали каратели. Часть товарищей погибла. Купалов был ранен, попал в лапы фашистов и расстрелян. Уцелевшие члены группы в феврале 1942 года благополучно покинули город. Часть коммунистов влилась затем в разведгруппу М. Р. Ефимова, остальные были отправлены в советский тыл для работы на железнодорожном транспорте по специальности.

И. Г. Григорьев оставался в городе еще на протяжении трех месяцев, но в силу чрезвычайно сложных обстоятельств не смог до конца выполнить поставленную перед ним задачу. Находясь под постоянной угрозой провала, он принял решение выйти из города и любыми средствами связаться с обкомом партии для выяснения обстановки и получения дальнейших указаний. Бюро обкома заслушало его отчет о проделанной в городе ра-

боте и дало новое поручение — заняться организацией партизанского движения в районе южнее Витебска. Вскоре И. Г. Григорьев стал комиссаром партизанского отряда Г. И. Сысоева 1-й Витебской партизанской бригады. Он принимал активное участие в боевых операциях, был одним из организаторов перехода на сторону партизан в феврале 1943 года сформированного гитлеровцами из военнопленных 825-го волго-татарского батальона. За боевые заслуги отмечен правительственными наградами.

Преодолевая неимоверные трудности, не имея опыта работы в подполье и навыков конспирации, патриоты Витебска объединялись в подпольные группы. Возглавляемые коммунистами, оставшимися на нелегальном положении, они постепенно нащупывали и устанавливали необходимые связи в городе и за его пределами. Подпольные группы возникли во всех районах города. Отсутствие руководящего центра, безусловно, сказывалось, но подпольщики руководствовались в своей деятельности указаниями и практическими советами партии и правительства. Эти указания доходили до трудящихся Витебска через радиопередачи из Москвы, листовки и воззвания, которые сбрасывали советские самолеты.

В этот тяжелый и ответственный период ЦК КП(б)Б, Витебский обком партии вели большую работу по усилению руководства партизанским движением и активизации деятельности подполья, комплектуя и направляя в тыл связных, специальные группы и боевые отряды. В августе 1941 года для установления связи с подпольем ЦК КП(б)Б направил в Витебск В. Ф. Мошканова. Ему не удалось связаться с подпольщиками. Но Мошканов представил Центральному Комитету Компартии Белоруссии подробную характеристику положения в Витебске и на оккупированной территории, по которой ему пришлось пробраться. Он информировал ЦК КП(б)Б о зверствах, чинимых оккупантами, о ненависти советских людей к фашистам, о том, что население повсеместно говорит о партизанах и оказывает им всемерную помощь.

Для усиления работы подпольных партийных организаций и быстрого развертывания партизанского движения ЦК КП(б)Б только в 1941 году направил в Витебскую область 40 групп партийных и советских работников, в которых насчитывалось более 360 человек.

Вопросы организации в тылу врага подпольной партийной работы и партизанской борьбы находились в центре внимания Витебского обкома КП(б)Б. Передвигаясь вместе с отходившими на восток частями Красной Армии, обком партии продол-

жал начатую еще в Витебске работу по комплектованию специальных групп для засылки на оккупированную немецко-фашистскими захватчиками территорию области. 16 июля 1941 года бюро обкома приняло постановление «Об организации партизанских отрядов». Были созданы две группы для формирования партизанских отрядов. Одну группу возглавил секретарь обкома партии Н. П. Мельников, вторую — секретарь обкома партии А. С. Пархоменко, в нее вошел также первый секретарь Витебского обкома ЛКСМБ В. И. Лузгин.

К представителям обкома с просьбами направить их в тыл врага обращались не только коммунисты и комсомольцы, но и многие беспартийные активисты. В результате только с 16 июля по 4 августа 1941 года группой А. С. Пархоменко со специзаданиями в тыл было направлено 124 человека, а всего за этот период в Витебскую область ушло более 700 человек. Команды комплектовались по 10—13 человек и направлялись в Витебск, Оршу, Бешенковичи, Сенно, Городок, Лиозно. Многие из них прошли краткосрочное обучение в Гомельской школе подготовки кадров для работы в тылу противника.

Одна из таких спецгрупп во главе с бывшим заведующим райфо коммунистом Исаком Дементьевичем Бутьяновым начала действовать в Витебском районе уже в августе 1941 года и сыграла важную роль в активизации городского подполья, развитии партизанского движения под Витебском. В нее входили председатель Боровлянского сельсовета Михаил Федорович Бирюлин, заместитель директора МТС по политчасти В. А. Хабаров, секретарь райкома партии В. И. Когаль, председатель сельсовета депутат Верховного Совета СССР К. П. Власенко, председатель Рудаковского сельсовета Михаил Шамшура, председатель колхоза «Большевикский путь» А. Я. Копышко, председатель Должанского сельсовета Д. И. Томашев, заведующий райзо А. С. Иоффе, прокурор района А. П. Авраменко, работница райкома партии Е. А. Еленская и другие коммунисты и активисты района, всего 13 человек.

Члены группы собирали оружие и боеприпасы на местах недавних боев и прятали, вели разведку, организовывали диверсии на железной дороге, уничтожали линии связи противника. Были выделены и направлены в населенные пункты района и в город Витебск ответственные товарищи для проведения агитационной работы среди населения, вовлечения его в активную борьбу против фашистских оккупантов.

Во время встречи с Е. А. Еленской руководитель группы И. Д. Бутьянов поручил ей обойти город Витебск и его окрестности и постараться связаться с оставшимися на месте ком-

мунистами, дать им конкретные задания или направить непосредственно в группу. В Витебске Е. А. Еленская при содействии комсомолки М. Ф. Гвоздевой разыскала коммуниста А. П. Абраменко, в Старом Селе — члена партии учительницу А. И. Шпакову и других коммунистов и комсомольцев. Так расширялась сфера деятельности группы, увеличивался ее состав.

Пользуясь поддержкой населения, группа чувствовала себя уверенно, действовала решительно. Вот что записано в постановлении партсобрания группы от 6 ноября 1941 года:

«Организовать подпольные первичные организации в Боровлянском, Николаевском, Летчанском и других сельсоветах... Устроить землянки в лесу, жить в них, проводить диверсии на Ленинградской железной дороге и агитмассовую работу среди населения».

В ноябре 1941 года И. Д. Бутьянов погиб от руки предателя. Группу возглавил М. Ф. Бирюлин. К этому времени в ней насчитывалось 12 коммунистов и 8 комсомольцев.

Группа Бутьянова — Бирюлина, затем выросший на ее базе партизанский отряд, а позже — 1-я Витебская партизанская бригада действовали недалеко от Витебска (в 8—10 километрах). Это имело большое значение для подпольщиков города. Они были постоянно связаны с партизанами, получали от них инструктаж и помощь. Кроме отряда М. Ф. Бирюлина уже в первый год войны вокруг Витебска активно боролись с врагом партизанские отряды Суражского, Лиозненского, Богушевского, Сиротинского, Городокского и других районов.

Важную роль в организации партизанского движения и подпольной борьбы на территории области и в городе Витебске сыграли группы и отдельные разведчики, которые забрасывались в немецкий тыл уже с первых месяцев войны по линии советского военного командования. В большинстве своем это были люди, прошедшие специальную подготовку, получившие конкретные задания, имевшие определенные знания о формах и методах сбора разведывательной информации в тылу врага. Появление людей с Большой земли поднимало боевой дух патриотов, оказавшихся на оккупированной территории. К ним тянулись молодежь, шли военнослужащие, оказавшиеся в окружении, им всячески помогали местные коммунисты и комсомольцы. Как правило, разведгруппы быстро устанавливали контакт с населением, на их базе возникали партизанские отряды, бойцы которых отличались большим мужеством, стойкостью, глубокой идейной убежденностью, верой в нашу окончательную победу, умевшие преодолевать трудности.

В ночь на 23 августа 1941 года в районе Витебска была выброшена группа из 12 человек. Ее возглавил комсомолец М. И. Ковалев, педагог по образованию, смелый и решительный человек. Группа обосновалась на территории Мошканского сельсовета Сенненского района. Она совершила несколько диверсий на шоссейных дорогах, установила связь с подпольной комсомольской организацией А. А. Нахаева в деревне Симакки, ядро которой составили бойцы-комсомольцы истребительного отряда Мошканского сельсовета Б. И. Уткин, И. П. Шендюков, К. Н. Гормазов, А. Н. Ляховская, прибывший из Витебска коммунист М. А. Гришанов, А. А. Нахаев и его друзья оказывали армейцам помощь в выполнении заданий, а армейцы помогли подпольщикам расширить и укрепить их организацию. В нее вошли В. М. Машеро, А. И. Шашков, П. М. Ляховский, Л. С. Ляховский, Е. Н. Ляховская, Е. П. Цветкова, П. М. Радюк и другие. Патриоты принимали конкретные меры к установлению связей с витебским подпольем.

Вскоре группа М. И. Ковалева перебралась ближе к Витебску и, в контакте с группой бойцов-окруженцев, активно действовала до декабря 1941 года на участке железной дороги Крынки — Заболотинка. Когда же весной 1942 года, после кратковременного пребывания за линией фронта, она прибыла под Витебск в новом составе, в нее влились опытные витебские подпольщики Петр Татаринов, Иван Богашев, Иван Кравчинский и другие. Наряду с разведкой группа осуществляла диверсионные акты: устраивала засады на шоссейных дорогах, уничтожала живую силу и технику врага.

Группа М. И. Ковалева успешно действовала под Витебском, Молодечно, Вилейкой, Минском в течение всего периода фашистской оккупации Белоруссии — с небольшими перерывами в связи с кратковременными выходами за линию фронта. Только за июль — октябрь 1942 года группа осуществила 17 диверсионных операций на железных дорогах Витебск — Полоцк, Витебск — Городок и нанесла значительные потери врагу.

После демобилизации из Советской Армии в 1947 году Михаил Ильич Ковалев работал вторым секретарем МГК ВЛКСМ, заместителем заведующего отделом ЦК ВЛКСМ, был на партийной и дипломатической работе. С 1958 года он в аппарате ЦК КПСС. Его ратные подвиги отмечены орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями.

Боевая партизанская группа была создана из попавших в окружение наших военнослужащих, а также жителей Высо-

чанского и Крынковского сельсоветов Лиозненского района. В нее вошли коммунисты В. К. Солодовников, В. А. Блохин, Г. Телужкин, И. П. Казанцев, П. А. Казаков, Г. Т. Прудников, И. В. Ершов, П. П. Сигиневич, Сергей Поликанин и другие. Осенью и зимой 1941 года эта группа под руководством волевого и решительного полковника Василия Константиновича Солодовникова провела ряд дерзких операций: подорвала 7 мостов, разгромила маслобойный завод, уничтожила полицейский участок, сожгла совершивший вынужденную посадку фашистский самолет.

Бывший директор одной из местных школ С. П. Лятковский помог добыть радиоприемник. Радиотехник П. А. Казаков на крестьянской самопрялке перемотал трансформатор, нашел аккумулятор, сделал приспособление для его подзарядки, и приемник ожил. Голос родной Москвы воодушевлял людей на самоотверженную борьбу с врагом.

Тот же Казаков смастерил 18 пар березовых лыж и тем самым помог группе сохранить подвижность и маневренность в зимних условиях. В народе их так и прозвали: «партизаны-беленькие лыжи».

Уже в 1941 году и начале 1942 года в Лиозненском районе действовали группы коммунистов А. Т. Щербакова, Алексея Денукалова, Тамары Дубовко и других.

В северной части Суражского района боевую комсомольско-молодежную группу создал выпускник Витебского пединститута Федор Иванов. Она составила костяк отряда «Крепость» — командир П. М. Антипов.

В районе станции Лосвидо и поселке Должа под Витебском в борьбу с оккупантами включилась подпольная группа Д. П. Земляковой.

Героическими подвигами заявили о себе партизаны и подпольщики Сиротинского района, в том числе обольские «Юные мстители».

Вокруг таких групп и отрядов объединялись и сплачивались местные патриоты, оставшиеся в тылу противника коммунисты и комсомольцы. Вдохновляющим примером для них была героическая борьба партизанского отряда прославленного Батки Миная — Героя Советского Союза Миная Филипповича Шмырева, основателя и командира 1-й Белорусской партизанской бригады.

Жизнь Батки Миная — это жизнь нашего революционно-го поколения, представителя боевой ленинской гвардии, закаленной в огне величайших в истории человечества битв за свободу и счастье всех трудящихся.

Родился М. Ф. Шмырев в 1891 году в д. Пуннице бывшего Суражского района Витебской области, в семье крестьянина-бедняка. В разгар первой мировой войны он служил в царской армии, где зарекомендовал себя храбрым и мужественным воином, другом и защитником солдат.

В дни Февральской революции 1917 года солдаты избрали М. Ф. Шмырева членом дивизионного солдатского комитета. Он вел активную революционную агитацию среди них. Накануне Великого Октября вместе с представителями большевистской партии боролся за привлечение солдат на сторону революции.

В октябре 1918 года Минай Филиппович добровольно вступил в Красную Армию, с оружием в руках защищал социалистическую республику Советов. С 1920 года М. Ф. Шмырев — член Коммунистической партии, активный участник борьбы с внутренней контрреволюцией на Витебщине. Под его командованием 14-й добровольческий отряд в короткий срок очистил территорию Суражского и Велижского уездов от белобандитов. Шмырев был награжден орденом Красного Знамени.

И вот снова война. Старый партизан-коммунист одним из первых поднимает в тылу врага знамя священной борьбы с фашистскими захватчиками. Уже 17 июля 1941 года его отряд вступил в бой с превосходящими силами гитлеровцев на реке Туровке между Суражем и Усвятами, а в начале сентября 1941 года разгромил гарнизон в районном центре Сураж.

Успех битвы Красной Армии под Москвой и контрнаступление наших войск, начавшееся в декабре 1941 года, воодушевили весь советский народ в борьбе с врагом. Развеялся миф о непобедимости немецко-фашистской армии. Значительно активизировалось партизанское движение, еще шире развернулась деятельность подполья.

Оперативно и смело отозвались на историческую победу Красной Армии патриоты Витебска. Вот что в связи с этим рассказывает жительница города О. Р. Сиднева. Придя как-то утром в городскую управу, чтобы получить документ, она увидела в коридоре приклеенную листовку. Крупными буквами было написано: «Не взяли немцы Москву на таночках, возьмем Берлин на саночках».

Подпольщики города уже в 1941 году проникают в созданные гитлеровцами учреждения: в городскую управу, полевую и местную комендатуры, устраиваются подсобными рабочими на аэродроме, хлебозаводе, в различного рода мастерских, столовых. Используя поощряемое гитлеровцами частное предпринимательство, некоторые из них получили в управе патент

и занялись кустарным промыслом: ремонт часов, обуви, жестяной посуды и т. д. Это было важно для развертывания подрывной работы.

Одной из наиболее боевых подпольных групп, включившихся в борьбу с врагом сразу же после оккупации города, руководил Александр Ефимович Белохвостиков.

Жизнь не баловала этого человека. Будучи старшим в семье и рано потеряв отца, в восемнадцать лет Александр вынужден был податься в город, чтобы помогать матери воспитывать младших брата и сестер. Работал кочегаром в Витебске и учился на вечернем рабфаке. В 1938 году окончил Минский институт народного хозяйства и был направлен в Гомель, но вскоре переехал в Витебск. Работал начальником промышленного сектора областной плановой комиссии, возглавлял первичную комсомольскую организацию облплана и одновременно был нештатным секретарем Октябрьского райкома ЛКСМБ г. Витебска.

Профессия приучила его к точности, конкретности и целеустремленности в любом деле. Вот почему, когда потребовалась обстановка, Витебский горком партии доверил ему ответственное задание — возглавить подпольную организацию. Александр хорошо знал город. У него много было знакомых, особенно среди комсомольцев и молодежи. С некоторыми из них накануне прихода немцев он встречался в райкоме и горкоме ЛКСМБ, беседовал о предстоящей работе в подполье. Александр Белохвостиков ясно представлял важность строгой конспирации, сам ее соблюдал и требовал этого от всех членов группы. Это позволило группе действовать без потерь на протяжении двух лет.

Первое время в группу входили: И. Ф. Безбогин, С. Т. Шадаев, Н. С. Бобров, К. С. Щупликова, М. Е. Белохвостикова, Л. А. Синкевич (Петрашкевич), В. Н. Пахомов, его мать А. П. Пахомова, П. С. Шлякова. Несколько позже в группу влились М. А. Романенко, В. А. Александрова, М. Ф. Ткачева, А. Д. Шапуров и другие. Ведущую роль играли коммунисты А. Е. Белохвостиков, М. А. Романенко, П. С. Шлякова. Ближайшим помощником Белохвостикова, его верным юным другом являлся Валентин Пахомов. Четырнадцатилетний Валентин был рослым парнем и не по возрасту развитым и эрудированным. Он любил музыку, писал стихи, с интересом присматривался ко всему в жизни, страстно любил природу и свой родной город. Большое влияние оказывал на него коммунист Александр Белохвостиков, который жил по соседству и почти каждый вечер до войны встречался с Валентином. Оба они хорошо

играли на гитаре, устраивали концерты, исполняли народные песни, песни революционного подполья.

Александр Белохвостиков проживал по улице 2-я Стадионная вместе с сестрой Марией. Вторая сестра, Лиза, с первых дней войны находилась на фронте, а брат Ваня ушел к матери в деревню Альховик Лиозненского района. Александр стал еще чаще бывать в семье Пахомовых. Встречались обычно по вечерам. С приходом Альдемара (так теперь звали Александра) мать Валентина, Александра Павловна, плотно занавешивала окна, ставила на стол самовар. Друзья пили чай, отводили душу в разговорах. В обращении друг с другом пользовались псевдонимами, отрабатывали, так сказать, простейшие элементы конспирации. Родителей Валентина — Александру Павловну и Николая Григорьевича — в свои подпольные дела первое время не посвящали. Но они догадывались, чувствовали сердцем, что Александр и Валентин избрали очень опасный, но благородный путь. Понимали, гордились и благословляли их в душе.

— Валериан, — обратился однажды к Валентину Белохвостиков, — немцы кричат, что они заняли Москву. Как ты думаешь, это правда?

— Зубы им вышибают, вот и кричат. Не видать им Москвы, как своих ушей, которые уже начинают отмерзать. Но ты, Альдемар, спрашиваешь это неспроста, — улыбнулся Валентин. — Если узнал новости — выкладывай, пусть родители послушают.

— Уже третий день из-под Можайска в эвакуогоспиталь, что по Городокскому шоссе, прибывают тысячи раненых и обмороженных немцев, — стал рассказывать Белохвостиков. — Часть санитарных эшелонов сразу отправляют на Полоцк. Бьют советские воины фашистов. Сегодня наши самолеты сбросили в районах Смоленского рынка и вокзала много листовок. Жандармы и полицейские бегают, как гончие, и собирают их. Я прихватил одну. Вот, смотрите. В ней написано, что немцы остановлены под Москвой, скоро наши войска перейдут в наступление!

Глаза Александра горели огнем ненависти к оккупантам.

— Будьте поосторожней, — после некоторого молчания сказала Александра Павловна. — Помните Володю Виноградова? А сколько людей загублено в Иловке, Пятом полку, в Черной луже. Валя, сынок, береги себя, а то, не дай бог...

— Я уже настолько вырос, мама, — ответил Валентин, — что прекрасно понимаю, какая участь меня ожидает в случае чего. Но ведь можно ничего не делать и быть замученным.

Чтобы избежать угона в Германию, Валентин пошел работать уборщиком в немецкие казармы на территории бывшего 80-го полка. Это давало подпольщику ряд преимуществ: он получил пропуск, мог свободно вести наблюдение за военным городком. Но долго там работать не пришлось. Однажды в казарме гитлеровцы обнаружили замаскированный толовый заряд. Под руки попался Валентин. Его избили и выбросили за ворота.

А. Е. Белохвостиков вскоре открыл в городе жестяную мастерскую, которая стала своеобразной диспетчерской подпольщиков. Под видом починки хозяйственной посуды патриоты приходили к Белохвостикову, приносили информацию о дислокации и передвижении вражеских войск, забирали у него листовки и переписанные от руки сводки Совинформбюро, получали задания.

Мастерская располагалась по улице Ленина, во дворе, за домами, имела выход к обрывистому берегу Витьбы, что позволяло скрытно приходиться и уходить подпольщикам. Идя ежедневно на работу и с работы, Белохвостиков мог наблюдать за площадью перед областным краеведческим музеем, зданием городской управы, за улицами Ленина, Толстого и Суворова, кинотеатром «Спартак», который посещали только немецкие солдаты. При необходимости в любое время дня он мог сходить в контору так называемого «Белорусского народного дома», в ведении которого находилась мастерская. Контора располагалась на улице Ленина, на втором этаже в здании старого универмага. По этой улице часто двигались пехота и техника противника на Сураж, шли на работу сотрудники СД и полиции, конвоировались в тюрьму и на допросы патриоты Витебска. Имея фотоаппарат, А. Е. Белохвостиков скрытно фотографировал все это. В частности, из окна полуразрушенной комнаты конторы, предварительно обследованной членом его группы А. Д. Шапуровым, им было сделано несколько снимков повешенных гитлеровцами патриотов города. Отдельные фото сохранились.

Постепенно группа росла. У каждого ее члена появились свои помощники, формировались как бы новые подгруппы, которые действовали самостоятельно. Так группа А. Е. Белохвостикова превратилась в ведущую силу, в своеобразный центр, объединявший многие десятки патриотов города, сражавшихся с фашистскими оккупантами.

В 1941 году группа А. Е. Белохвостикова вела в основном разведывательную работу, сочетая ее с активной агитационно-пропагандистской деятельностью. Она собирала ценную инфор-

мацию, которую передавала партизанским отрядам. Наиболее прочной была связь подпольщиков с бригадой «Алексея».

Вот что говорилось об этом в донесении ГФП-703: «Александр Белохвостиков длительное время занимался шпионажем. Поддерживал контакт с комиссаром Щербаковым из бригады «Алексея». Дал разным людям в Витебске поручение собирать информацию, которую потом обрабатывал и передавал в бригаду «Алексея».

По довоенной работе в Витебском облисполкоме Белохвостиков хорошо знал инженера областного топливного управления Леонида Ивановича Хрипача. Человек он был дисциплинированный, серьезный, и поэтому оставили его для подпольной работы в тылу врага.

В сожженном и разрушенном Витебске оккупантам предстояла первая встреча с «суровой русской зимой». Поэтому они предпринимали все меры, чтобы восстановить работу торфопредприятий, создали специальное торфоуправление. Л. И. Хрипач занял сначала пост главного инженера, а затем начальника этого управления. Правда, теперь к нему был приставлен персональный страж — немец А. Ф. Гельберт (Гельпер), именовавшийся на языке оккупантов шефом. Пользуясь его доверием, Л. И. Хрипач делал все возможное, чтобы тормозить добычу торфа, не доводил никаких планов торфозаводам, не вел учета производства. Зато он провел большую работу по созданию на предприятиях подпольных организаций.

На важнейшие участки в подведомственной ему системе Хрипач подобрал надежных людей. Он расставил силы так, чтобы в руках патриотов находились все ключевые позиции — руководство, учет, финансы. Вскоре возникли подпольные группы на торфопредприятиях в Сосновке, Андроновичах, Чашниках, Дымовщине, Сиротино и других. Ближайшими его помощниками стали руководитель торфопредприятия «Городнянский мох» вблизи Сосновки Антон Никитич Козлов с сыновьями Леонидом и Владимиром.

Суровые условия подпольной борьбы еще больше сблизили Л. И. Хрипача и А. Е. Белохвостикова. Они работали в тесном контакте, стремились как можно лучше выполнить свой долг перед Родиной.

...Вскоре после оккупации города Витебска в доме № 1 по улице 17-я Горюковская поселился незнакомый до этого соседям человек. Поговаривали, что он коренной витеблянин. Через некоторое время незнакомец получил патент финансового отдела городской управы на открытие частной сапожной мастерской и усердно занялся своим крайне нужным в то время

для населения ремеслом. В клиентах недостатка не было. Мастерство сапожника не вызывало сомнений.

Это был командир Красной Армии коммунист Петр Сергеевич Смирнов (подпольные клички «Кремнев», «Медный», «Сокол»). Родился он в 1915 году. До службы в армии жил и работал в Москве на обувной фабрике. Военную службу проходил на Витебщине. Попав в окружение, пробирался к своим, но безуспешно. Вместе с политруком Алексеем Петровым вынужден был остаться в Витебске. Здесь он установил связь с местными патриотами и создал подпольную группу, в которой насчитывалось до 15 человек. Она имела своих людей в облземуправе, паспортном столе, жилищной конторе, на железной дороге. Видную роль в группе играли Иван и Александра Якимовы, Ирина Никитина, Мария Захарова, Евгения Тычина и другие.

На первых порах подпольщики собирали оружие, боеприпасы, взрывчатку, распространяли листовки и вели устную пропаганду. Член группы бывший чекист Е. И. Хмелев («Сидоров»), который работал комендантом группы домов от 7-й жилконторы в поселке Чепино, прописывал в городе нужных подпольщикам людей. Под видом вечеринок в свободной комнате барака № 6 обычно происходили встречи патриотов. Пользуясь болтливостью подвыпивших немецких солдат, Хмелев получал полезные сведения, осторожно вел политическую пропаганду. Это заметил уполномоченный жилконторы и сострелял на Е. И. Хмелева донос, в котором сообщал, что тот устраивает «сборища неизвестных лиц, распространяет всякие небывлицы, дискредитирующие уполномоченного конторы». Е. И. Хмелев был немедленно уволен со «службы».

П. С. Смирнов действовал в тесном контакте с патриотической группой Н. Я. Нагибова («Смелый»). Через него осенью 1942 года Смирнов установил связь с армейской разведгруппой П. А. Крылатых. Позже Нагибов связал его и с ответственным организатором Витебского обкома партии по городу Витебску В. Р. Кудиновым.

Наиболее массовым проявлением патриотической деятельности трудящихся Витебска в первые месяцы оккупации города было спасение советских военнопленных. Когда фашисты гнали по улицам колонны военнопленных, жители города, главным образом женщины, обступали их плотной стеной, образуя своеобразный коридор, подавали им воду и пищу, а многих незаметно оттесняли за свои спины. Затем укрывали военнопленных на квартирах, снабжали гражданской одеждой и помогали выйти из города. Сотни военнопленных были вырва-

ны патриотами из фашистского лагеря смерти, расположенного на территории бывшего 5-го железнодорожного полка.

Чтобы спасти военнопленных и вышедших из окружения бойцов и командиров, женщины-патриотки вступали в фиктивные браки, выступали свидетелями в горуправе, подтверждая, что тот или иной человек «действительно местный житель», и таким образом обеспечивали ему получение паспорта. По свидетельским показаниям получили витебские паспорта П. С. Смирнов, секретарь Железнодорожного райкома партии И. Г. Григорьев, Рая Каган, Константин Грицкевич, многие армейские разведчики.

Героическую борьбу против фашистских захватчиков в рядах витебских подпольщиков вели медицинские работники. Десятки врачей, медсестер, санитарок, фармацевтов вынуждены были оставаться на своих местах в оккупированном Витебске, чтобы оказывать помощь больным и раненым нашим бойцам, которых не успели эвакуировать из города. Медицинские работники самоотверженно боролись за жизнь и здоровье советских людей, стремились вернуть их в строй защитников Родины. В условиях жестокого фашистского террора это было нелегко делать. Гитлеровцы выискивали командиров и комиссаров Красной Армии, выздоравливающих заключали в лагерь.

С помощью врачей-патриотов сотни наших бойцов и командиров благополучно ушли из больниц в партизанские отряды. Славные витебские медики снабжали партизан медикаментами и хирургическими инструментами, проводили большую работу по спасению молодежи от угона в Германию, собирали ценные разведывательные данные.

Особенно активно действовала подпольная группа медицинских работников под руководством Ксении Сергеевны Околович — врача туберкулезной больницы. Она не была оставлена специально для подпольной работы, но пламенное сердце патриотки и большой жизненный опыт подсказали ей правильные пути и формы борьбы с врагом. Ближайшими ее помощниками стали врач Т. М. Широченко, медицинские сестры Г. К. Вишневецкая, Л. А. Полянина, Тамара Бигус, А. Я. Лукашенко, Игорь Ольшанко и другие. Работа группы приобрела еще более боевой, целенаправленный характер, когда в нее вошли коммунистка Л. С. Леонова, ее сестра Александра Игнатьевна, Т. К. Бельская, работница-активистка чулочной котажной фабрики «КИМ» М. А. Кузнецова, учительница Н. П. Трохимик, ее отец Прокофий Иванович, сестры Аня и Вера.

Свою деятельность в подполье К. С. Околович начала с того, что, обнаружив однажды в больничных шкафах несколько десятков паспортов умерших больных, сохранила их, припрятала много историй болезни, различных справок. Вскоре все это пригодилось для спасения военнопленных и лиц еврейской национальности, а также для партизанских и армейских разведчиков, действовавших в районе Витебска.

Обеспечение документами наших людей было кропотливым и сложным делом. Прежде всего требовалась фотокарточка нового владельца паспорта. Эту нелегкую задачу чаще всего решали медсестры Л. А. Полянина и Тамара Бигус. Тот или иной больной назначался на «консультацию», например к зубному врачу. По пути он попадал к фотографу. Затем наступал самый ответственный этап работы. Поздними вечерами или ночью в туберкулезной больнице, во время дежурства медсестер Л. А. Поляниной и П. А. Кузнецовой, а чаще всего на квартире у М. А. Кузнецовой и Л. С. Леоновой, работал подпольный паспортный стол. С помощью своих подруг К. С. Околович отпаривала над кипятком старую фотокарточку и на ее место наклеивала фото нового владельца паспорта. Производила необходимые подчистки, поддельвала печати, вписывала в паспорт особые приметы его владельца. Затем паспорта относили в управу для соответствующей отметки. И таким образом «выписываемые больные» получали необходимые им документы.

Подделка паспортов широко применялась подпольщиками. По словам К. С. Околович, только в 1941 и первой половине 1942 года она изготовила документы примерно для ста человек. В частности, К. С. Околович и ее друзья помогли уйти из города семье врача-бактериолога Э. М. Бабицкой, состоявшей из пяти человек.

Врач Широченко выписывала из больницы советских воинов с еще незажившими ранами, чтобы предотвратить заключение их в лагеря военнопленных. По два-три человека они размещались на квартирах. Там им обеспечивалось дальнейшее лечение, питание, подбирались гражданская одежда.

— Выздоровевших, — вспоминает Ксения Сергеевна, — мы провожали до черты города или до ближайшего селения и отправляли по направлению к Суражу и Лиозно, где, по дошедшим до нас слухам, можно было встретиться с партизанами. Таня Вишневецкая (теперь — Татьяна Карповна Бельская, а тогда она была 16-летней девочкой) училась до войны в Лужесно в сельскохозяйственном техникуме. Через эту деревню дорога вела к суражским лесам. Таня провожала наших людей

до Лужесно и указывала им дальнейшее направление. Тогда еще никто из нас не был связан с партизанами. Мы действовали совершенно самостоятельно.

Кроме паспортов К. С. Околович выдавала советским людям справки, которые помогали им уклоняться от принудительных работ на оккупантов, спасала молодежь от угона в Германию. Практиковалась, в частности, выдача фиктивных справок об инфекционных заболеваниях, чего как огня боялись гитлеровцы.

В этот же период начала свою патристическую деятельность подпольная группа доцента Витебского мединститута Михаила Леонтьевича Мурашко, который в период оккупации города возглавлял отдел здравоохранения управы, и санитарного врача Радимира Федоровича Махнова. В группу Мурашко — Махнова входили врачи М. Б. Мурашко, Н. И. Чертков, медсестра М. А. Гончарова, М. Д. Виниченко, Н. П. Круглова, Дарья Тяпкина и другие патриоты.

Члены этой группы также вернули в строй немало воинов Красной Армии. Их работа была связана с постоянным риском, но, движимые высоким чувством советского патриотизма, подпольщики смело шли на этот риск. Они знали, что спасенные ими воины Красной Армии вновь станут в ряды защитников Родины. Поэтому К. С. Околович, М. Л. Мурашко, Р. Ф. Махнов стремились как можно быстрее поставить их на ноги и вывести из города.

В период с июля 1941 по февраль 1942 года в Витебске действовало до 20 подпольных групп. В это время возникли патристические группы и в пригородной зоне: в Подберезье — группа братьев Грунтовых, в Старом Селе — П. К. Ляховского, в пос. Летцы — Е. В. Михайловской — Р. М. Гиро, в д. Букатино — В. С. Кулагиной, В. Азеуш, в пос. Лужесно — группа сестер Гвоздевых, в д. Бабиничи — группа И. А. Пюбдеа.

Участники групп искали и проверяли на практике наиболее эффективные формы и методы борьбы, постигали искусство побеждать врага в трудных условиях подполья.

ПИСТОЛЕТЫ ДАЮТ ОСЕЧКУ

Витебск 1941 года был для гитлеровских оккупантов городом не только суровым и настороженным, жители которого якобы «вздыхали» и «выжидали». Он дал фашистским захватчикам предметный урок того, что советских людей нельзя поставить на колени. Витебск не покорился. Он жил и боролся всеми доступными для него средствами. В горе, слезах и страданиях, в потоках крови и объятиях смерти город бурлил, как весенний поток Западной Двины, очищая свое горделивое тело от фашистской нечисти.

Перед нами автобиографическая книга Пауля Кёрнера-Шрадера «Дневник немецкого солдата» (немецкое название «Остландрайтер», то есть «Рыцари похода на Восток»). Много волнующих страниц в ней посвящено Витебску, его трагедии, подвигу его патриотов.

П. Кёрнер-Шрадер — член коммунистической партии Германии с 1919 года, писатель-гражданин, боец-революционер, в прошлом рабочий, участник первой и второй мировых войн.

В конце первой мировой войны за сочинение и распространение антивоенных стихов и прославление Великой Октябрьской социалистической революции был заключен в крепость Торн. Выйдя из тюрьмы, сотрудничал в коммунистической прессе Германии. В 1928 году стал редактором и сотрудником

газеты «Роте фане» — центрального органа КПГ. В 1929, 1930 и 1931 годах его приговаривали к каторжному заключению за «литературную государственную измену», «богохульство» и «пренебрежительное отношение к полиции». В 1937 году Государственное издательство художественной литературы (Москва) издало перевод его книги очерков «С ружьем в руке» о капповском путче 1920 года и кровавой расправе с рабочими.

С 1933 года до начала второй мировой войны Пауль Кёрнер-Шрадер был узником гестапо. Мобилизованный на службу в фашистский вермахт в 1939 году, он оказался в 1941 году на советско-германском фронте в составе санитарной роты. Подпольная партийная группа, в которой он состоял, решила, что и в рядах вермахта можно продолжать борьбу против фашизма и войны. Пренебрегая опасностью, он везде искал единомышленников, связывался с польскими, советскими и чешскими патриотами и по мере своих сил и возможностей помогал им в борьбе с гитлеровскими захватчиками.

Кёрнер-Шрадер пишет о войне не как историк, а как живой свидетель событий. Особый интерес представляют главы книги, написанные им на основании дневниковых записей, сделанных во время пребывания в оккупированном Витебске с сентября 1941 по март 1942 года. Разумеется, в тех условиях писатель не мог открыто вести дневник. Свои записи он тщательно зашифровывал. Восстанавливая их после войны, вспоминая пережитое, автор старался сохранить хронологию и подлинность событий.

«В дневнике немецкого солдата», — говорится в предисловии от автора, — только факты. Я счел необходимым сохранить точно названия мест, где мы действовали, имена людей, с которыми общались. Подчеркивая это, я хочу пресечь попытки новых рыцарей похода на Восток из Западной Германии или откуда-нибудь еще объявить изложенные мною факты ложью».

Автор подробно и документально точно описывает оккупированный Витебск, обстановку в городе осенью и зимой 1941 года, борьбу витебских патриотов против фашистских захватчиков в первый год войны.

«О покое вообще не приходилось говорить. Мы остались без воды. Партизаны взорвали водопровод. Воду носили из ближайшей речки ведрами».

«Партизаны то и дело нападают на железную дорогу, нарушая эвакуацию раненых и подход резервов».

«До Даугавпилса при нормальном движении можно добраться за шесть часов. Но, во-первых, город то и дело подвергается воздушным налетам. Во-вторых, паровозы не подают

вовремя. В-третьих, даже когда подают паровоз, то оказывается, что нет либо воды, либо пара. В-четвертых, выясняется — и каждый раз внезапно, — что поезд слишком перегружен и паровоз не тянет. В-пятых, снова начинается воздушный налет. В-шестых, в-седьмых...» И так без конца.

«Самолеты прилетают теперь не в одно и то же время, как раньше, а лишь ко времени прибытия и разгрузки эшелона. Создается впечатление, что кто-то докладывает советскому командованию о времени прибытия эшелонов. Раньше бомбы сбрасывались просто на железнодорожные пути, теперь они летят прямо на вагоны. Все ломают себе голову, откуда противник узнает о прибытии воинских составов».

С первых дней пребывания в Витебске П. Кёрнер-Шрадер (в книге — Карл Фогге) устанавливает связи с местными патриотами. Центром их патриотической деятельности становится эвакуационный пункт «Вест» (эвакогоспиталь, полевая почта номер 01621), который размещался по Городокскому шоссе, в здании нынешней 27-й средней школы. К сожалению, предпринятые поиски еще не позволили полностью расшифровать эту страницу совместной борьбы витебских патриотов-подпольщиков и их немецких друзей против общего врага — фашизма. П. Кёрнер-Шрадер — активный деятель культуры ГДР — умер 18 мая 1962 года. В его книге, а также в зашифрованном дневнике фигурируют только псевдонимы или имена: Алексей, Григорий, Иван, Федор, Василий.

Каким же образом немецкому коммунисту, работавшему заведующим приемным покоем и казначеем эвакогоспиталя «Вест», удалось установить связь с патриотами-подпольщиками Витебска? Произошло это так. Потребовалось госпиталю свежее молоко. Шрадер охотно принял предложение доставить его путем «свободной торговли». Он направился по Городокскому шоссе, добрался до леса, на опушке которого стояло несколько уцелевших домиков. В одном из них договорился получать молоко в обмен на другие продукты.

Во время очередного посещения лесных домиков он принес немного гороха, отдал его хозяину и без приглашения сел на табуретку. У хозяина был двенадцатилетний сын Петя, хорошо игравший на губной гармошке. С помощью его гармошки Шрадер решил продемонстрировать свое антифашистское настроение, рассчитывая таким образом привлечь внимание партизан.

Дав Пете пачку леденцов, он попросил его знаками сыграть веселое. Мальчик заиграл что-то грустное. Тогда Шрадер взял у него гармошку и заиграл «Вы жертвою пали...». Петя искоса

посмотрел на отца, который сидел хмурый, словно безразличный. Затем заиграл «Смело, товарищи, в ногу». Все взглянули на него с удивлением и страхом. Особенно испугалась мать, на глазах которой выступили слезы. Заметив это, Шрадер подошел к ней, похлопал по плечу и заиграл «Интернационал».

На следующий день в лесном домике его встретили все пять поставщиков молока и глухонемой, позже повешенный фашистами за подпольную деятельность. Через них Шрадер связался с руководителем подполья, назвавшим себя Алексеем, с подвозчиком торфа в госпиталь и другими патриотами.

Связь с Алексеем Шрадер поддерживал через работавшего в госпитале подвозчиком торфа старичка и военнопленного Григория — высокого и сильного мужчину, бывшего студента Ленинградского политехнического института. С этого времени подпольщики регулярно получали из госпиталя оружие, телефонный кабель, необходимые документы и разного рода сведения, которые представляли огромную ценность для подпольщиков и партизан.

По описанию П. Кёрнера-Шрадера, его Алексей носил бороду и усы, скрывая за этим свою молодость. Он выступал то как переводчик из городской управы, то как теплотехник, то как житель лесных домиков.

Переводчица книги П. Кёрнера-Шрадера на русский язык Л. Ф. Рудная утверждает, что писатель не знал или забыл фамилии связанных с ним подпольщиков Витебска. С ней, конечно, можно согласиться. В условиях жесточайшего террора, имея дело с представителем вражеской армии, подпольщики, естественно, соблюдали максимум осторожности и называли только свои имена, хотя достоверность описанных событий не вызывает никакого сомнения. Это подтверждается документальными материалами, обнаруженными в архивах, и письмами самого писателя к Л. Ф. Рудной. Из писем видно, что в послевоенные годы он предпринимал настойчивые попытки разыскать, как он выражался, «моего Алексея».

В Государственном архиве Витебской области обнаружен документ, повествующий о ночном налете витебских патриотов на эвакуационный пункт «Вест». Вот что говорится в донесении унтер-офицера полевой жандармерии Касперса:

«10.3.42 г. около 21.30 из эвакуационного пункта «Вест» полевой жандармерии было сообщено по телефону, что там со стороны незнакомых преступников подвергся нападению унтер-офицер службы во время своего контрольного обхода. Во время нападения по унтер-офицеру и подошедшим позже охранникам стреляли из четырех различных мест».

На место происшествия немедленно прибыл лейтенант полевой жандармерии Бюхель с восемью жандармами для расследования дела. Допрошенный им унтер-офицер Карл Шрадер дал следующие показания:

«Сегодня вечером в 21.00 я, как унтер-офицер службы охраны, совершал контрольный обход по и вне территории пункта. Когда я находился во дворе с другой стороны барачков, я пошел в кухню, чтобы проверить присутствие кухонного персонала. При выходе во двор передо мной вдруг оказался мужчина, который молниеносно прыгнул на меня, схватил за горло и пытался повалить. При этом ему удалось втиснуть пистолет мне в рот и выстрелить. Но патрон дал осечку.

После того как он из-за молниеносно ошеломляющего нападения почти повалил меня, мне удалось ценой напряжения всех своих сил освободиться, и я смог позвать на помощь охрану. Когда постовой прибежал на мой зов, с трех сторон вдруг раздались выстрелы, направленные на нас, в сторону барачков. Было сделано около 10 выстрелов, и при каждом выстреле можно было наблюдать вспышку. Между тем подоспела основная охрана пункта и начала стрелять в направлении нападающих.

Нападавшая на меня личность была одета в русскую шинель. На шее у нее висело два пучка соломы, которые сильно пахли бензином. Когда постовой приблизился на мой зов, передо мной появился второй русский, который хотел помочь еще державшему меня русскому. Заметив охрану, оба удрали от меня и побежали по направлению к соседнему кладбищу.

Только теперь я смог пользоваться своим револьвером, но первый выстрел дал осечку. Второй выстрел из-за темноты был мимо. Между тем преступники под покровом темноты, пользуясь местностью, исчезли.

В начале нападения преступник что-то выкрикнул по-русски, что — я не понял и передать не могу. Различные служащие этого пункта тотчас же обыскали подозрительные окрестности, не найдя, однако, никого из преступников. Ранений ни я, ни другие при нападении не получили. Больше ничего по делу сказать не могу».

Основываясь на показаниях Карла Шрадера, лейтенант Бюхель делает следующее заключение:

«Так как по показаниям подвергнувшегося нападению преступники удалились в северном направлении, была прочесана местность вокруг барачков на два километра к востоку и западу и на 2,5 км к северу. Кроме того, был совершен обыск многих русских квартир, где искали преступников. Вследствие силь-

ного ветра и вызванной им метели, а также из-за темноты следов, оставленных преступниками, установить не удалось.

Вряд ли преступников следует искать в близлежащих русских квартирах. Скорее всего следует предположить, что вследствие благоприятной погоды для подобных предприятий это осмелились сделать партизаны из близлежащих лесов».

Патриоты-смельчаки забросали эвакуационный пункт гранатами, вызвав пожар в служебных и складских помещениях. Это произошло в период, когда Шрадер был взят на подозрение гитлеровцами. Ночная вылазка патриотов реабилитировала его — пострадал, мол, от партизан. Случайно ли такое совпадение, случайны ли обоюдные осечки при выстрелах, явно запоздалый вызов жандармерии? На это еще предстоит дать ответ.

Карл Шрадер — настоящее имя П. Кёрнера-Шрадера. Пауль Кёрнер — его подпольный партийный псевдоним, под которым он был известен в 20-х годах как журналист. В 1928 году к этому псевдониму была добавлена настоящая фамилия. При написании книги «Дневник немецкого солдата» П. Кёрнер-Шрадер не мог использовать вышеприведенный документ, но вместе с тем воспроизвел столь давний эпизод с удивительной точностью. Это говорит об объективном подходе автора к освещению своей антифашистской деятельности и борьбы подпольщиков, с которыми ему удалось связаться в Витебске. В то же время это еще раз подтверждает, что уже осенью 1941 года витебские подпольщики действовали организованно, решительно, смело устанавливали связи с антифашистами в немецких воинских частях.

П. Кёрнер-Шрадер не только помогал подпольщикам оружием и боеприпасами, документами и продуктами, но и сам участвовал в проведении диверсий. Так, зимой 1941/42 года он обстрелял штабель бочек с бензином на аэродроме. В результате вытекло большое количество горючего.

* * *

История возникновения и деятельности витебского подполья — это боевая история областной партийной и комсомольской организаций в самое тяжелое для них время: с июля 1941 до весны 1942 года. Несмотря на отсутствие единого руководящего центра в городе, большая предварительная работа партийных и комсомольских органов положительно сказалась на практической деятельности подпольных организаций и патриотов-одиночек. Их борьба с врагом с самого начала оккупации

Витебска носила хотя и разрозненный, но острый и боевой характер. Возглавляемые коммунистами и комсомольцами, подпольные группы и отдельные патриоты смело поднялись на борьбу с врагом, дав понять оккупантам, кто является подлинным хозяином на советской земле.

Время с июля 1941 до весны 1942 года в деятельности витебского подполья было временем его становления и закалки, наибольших трудностей и серьезных испытаний, самоотверженной борьбы и тяжелых потерь в рядах коммунистов и комсомольцев, временем, которое в основном определило путь каждого советского человека, оказавшегося в столь необычной и сложной обстановке. Подполье наращивало силы, накапливало опыт, подпольщики устанавливали связи с партизанскими отрядами и группами вне города, настойчиво искали связи с советским тылом, с партийными органами, изучали врага, собирали и накапливали данные о нем, вели широкую политическую работу в массах, а порой совершали дерзкие нападения на врага, свидетельствовавшие о том, что советские люди будут защищать свою Родину до победного конца.

ОТЗВУКИ ПОБЕДЫ ПОД МОСКВОЙ

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой и последующее успешное контрнаступление Красной Армии зимой 1941/42 года имели огромное значение. Подобно карточному домику рухнули надежды и расчеты гитлеровцев на «молниеносную войну». Победа под Москвой оказала большое влияние на дальнейший ход Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны.

«Разгром немцев под Москвой, — говорится в тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — явился началом коренного поворота в ходе войны. Окончательно был похоронен гитлеровский план «блицкрига»; перед всем миром была развенчана фальшивая легенда о «непобедимости» гитлеровской армии».

Захватив инициативу в свои руки, Красная Армия получила возможность развернуть контрнаступление на важнейших участках советско-германского фронта зимой 1941/42 года. В ходе этого контрнаступления войска Калининского фронта, освободив город Калинин, прорвались к Велижу и Суражу и стали угрожать гарнизону вражеских войск в Витебске. Передовые части советских войск приблизились к городу на 5—6 километров. После долгих и упорных боев к весне 1942 года фронт закрепился в 80 километрах от Витебска.

Коммунистическая партия предпринимала самые энергичные меры по организации разгрома гитлеровской Германии, объединению усилий фронта и тыла, по активизации борьбы советского народа на оккупированной территории в глубоком тылу врага. В результате прорыва обороны противника на стыке между группами его армий «Север» и «Центр» в феврале 1942 года образовались знаменитые «Витебские (Суражские) ворота».

Это был 40-километровый коридор от Велижа до Усвят, где войска Калининского фронта вошли в непосредственное соприкосновение с партизанскими отрядами Суражского, Городокского и Меховского районов. К февралю 1942 года партизанские формирования этих районов уже представляли для врага грозную силу. Они заняли большое количество населенных пунктов, образовав целый партизанский край, включавший Суражский и значительную часть Витебского, Городокского и Меховского районов. Советские войска вместе с партизанами отрядов М. Ф. Шмырева, Д. Ф. Райцева, М. Ф. Бирюлина, А. П. Дзика, Я. З. Захарова и других удерживали коридор с 10 февраля по 26 сентября 1942 года. Эти ворота на длительный срок обеспечили надежную связь с Большой землей партизанских формирований и партийного подполья не только Витебской области, но и всей Белоруссии и даже Прибалтики.

Возникновение «Витебских ворот» не было случайностью. Дело в том, что ЦК КП(б)Б настойчиво искал по всей линии фронта проходы в тыл противника: у Гомеля, у Могилева, у Витебска. В разные районы были посланы члены ЦК КП(б)Б и его уполномоченные. «Авиации было мало, связи с оставленными товарищами терялись, руководство не могло осуществляться, — вспоминает П. К. Пономаренко. — Но мне повезло больше других товарищей. Я сам направился с группой как раз вот в этом направлении (имеется в виду Витебск. — Авт.). И, конечно, я не просто так могу угадывать, а в моем распоряжении была разведывательная информация, которую имел Генеральный штаб... Ну, мы и направили группу товарищей узнать, кто тут действует, кто есть в ближайшей тыловой полосе. Вот пошел товарищ Романов... У нас были дальние планы. Нам нужны были ворота для связи со всей Белоруссией. Нам нужны были ворота для того, чтобы направить организаторские группы и средства связи в те, как говорится, голые места, где работники оставили их, ушли. Таких мест было немало».

Витебск, как важный узел железных и шоссейных дорог, как заградительный щит в Прибалтике, имел для гитлеровского командования особое значение. И оно стремилось превра-

тить его в мощный узел сопротивления, в непреодолимый барьер между группами армий «Север» и «Центр». Фашисты начали готовить город к круговой обороне. Особенно сильно укреплялись его восточная и северо-восточная части, которые были ближе всего к партизанской зоне и «Витебским воротам», так хорошо послужившим народным мстителям.

В оперативной сводке штаба 4-й Ударной армии за 16 февраля 1942 года отмечалось, что на рубеже Батраки-Разувайка — кирпичный завод и на высотах восточнее Витебска противник спешно проводит оборонительные работы. Юго-западная окраина города минирована, на восточной — большое скопление артиллерии, склады горючего. В центре города расквартирован батальон пехоты, среди солдат много голландцев. В Андроновичах свыше батальона пехоты. На полевом аэродроме в Лужесно до 100 самолетов. Кроме того, на аэродроме, расположенном непосредственно в Витебске, находилось в то время до 200 самолетов. С марта 1942 года стали возводиться оборонительные сооружения в городе на Юрьевой горке, на Бешенковичской и Сенненской шоссежных дорогах. Для укрепления своей центральной армейской группировки германское командование перебросило на этот участок фронта до 23 дивизий. В феврале 1942 года из Франции в Витебск в спешном порядке прибыл 59-й немецкий армейский корпус.

О том, что увидели гитлеровские вояки, прибывшие из Франции на витебский участок фронта, лучше всего говорят их письма. Так, солдат 205 охранной дивизии 59-го армейского корпуса Отто Кюхер писал домой: «Дорогие родители! Теперь я узнал, что такое Россия и что называется войной в России. Каждый должен будет благодарить бога, если он вернется здоровым домой. Как только мы выгрузились из эшелона, с тех пор мы маршируем, спешим освободить наш полк, окруженный в г. Велиже».

«Моя дорогая! — писал жене немецкий солдат Отто Вейлас. — Россия поставила перед нами совсем другие задачи, чем Франция. Быть может, некоторые думали, что на войну против русских можно идти, как на парад. Хотел бы я, чтобы кто-либо другой на моем месте побывал на этом параде».

Гитлеровцы любой ценой стремились удержать участок фронта под Витебском, обезопасить свой тыл. Они усиливают оккупационный режим. Город и область запруживаются частями вермахта, охранными дивизиями, штурмовыми отрядами, войсками СС. Если раньше гарнизон Витебска насчитывал от двух до трех тысяч солдат и офицеров, то в 1942 году численность его возросла до 4—5 тысяч и больше. В среднем на

восемь жителей Витебска в это время приходился один вооруженный оккупант.

Сильные вражеские гарнизоны и многочисленные штабы расположились вокруг Витебска на расстоянии от 3 до 10 километров. Например, в маленьком санаторном поселке Сосновка, где стоял штаб 3-й танковой армии противника, гарнизон доходил до 2 тысяч человек. Крупные гарнизоны были в поселках Вороны, Подберезье, Должа и других.

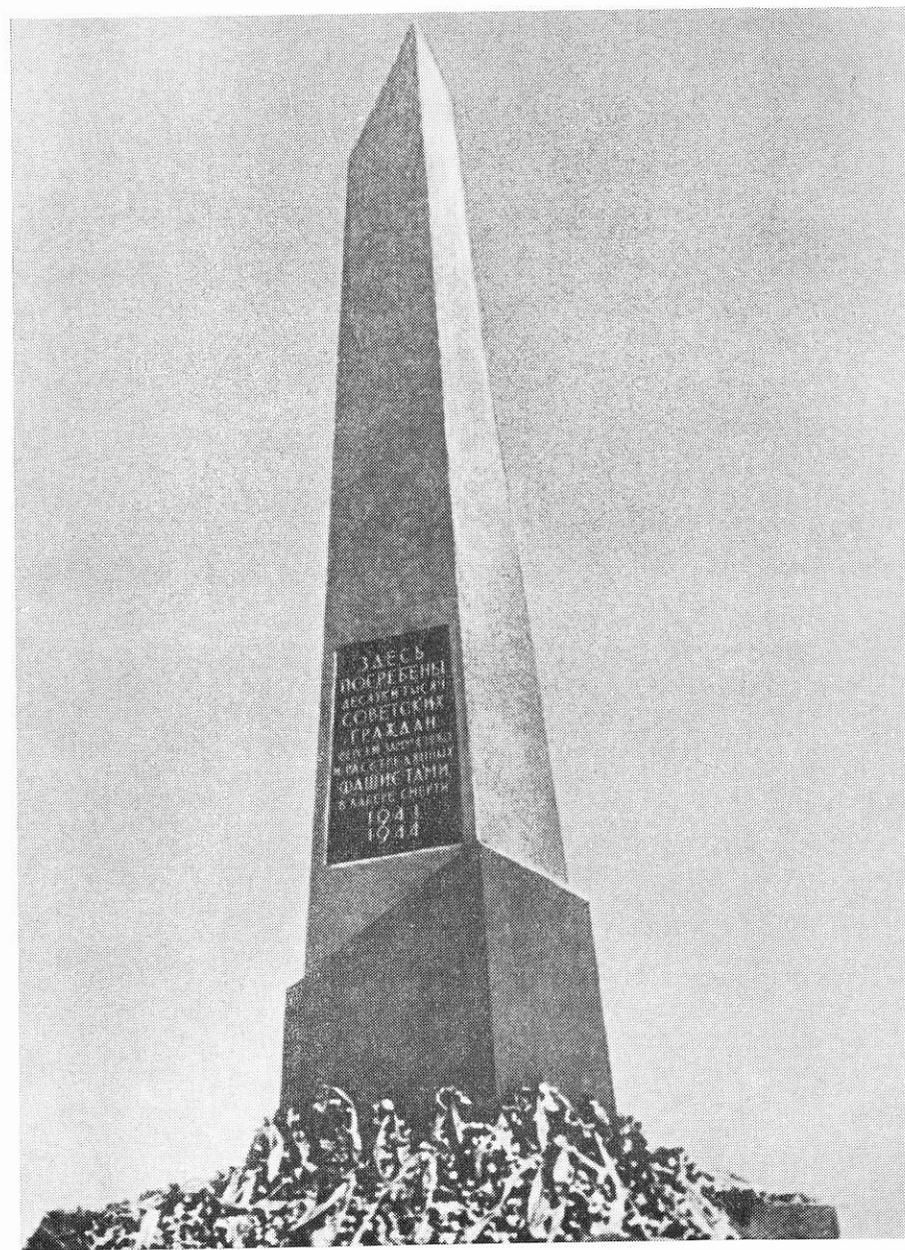
Разумеется, не от спокойной жизни немецкое командование вынуждено было держать в городе и его окрестностях воинские части.

Являясь ближайшим тыловым районом всей немецкой группы армий «Центр», Витебская область с осени 1941 года была также важнейшей продовольственной базой снабжения фронтовых частей противника от Невеля до Орши. Здесь сосредоточились многочисленные базы, склады, конторы, через которые снабжались фронтовые части гитлеровской армии не только продовольствием, но и горюче-смазочными материалами, боеприпасами и фуражом. В Витебске долгое время находился склад трофейного имущества 59-го армейского корпуса, многочисленные базы 83-й и 403-й пехотных дивизий, центральная распределительная продовольственная контора хозяйственного отдела штаба 59-го армейского корпуса, по улице Буденного — большие склады лыж и саней, обеспечивавшие всю центральную группировку войск противника.

В городе усиливается полицейский режим. Вводится строжайшая система пропусков, передвижение населения резко ограничивается, а в северо-восточном районе Витебска вовсе запрещается. 9 апреля 1942 года оккупанты издали приказ, запрещавший местному населению входить в город и выходить из него без специальных пропусков полевой комендатуры. На окраинах города устанавливаются полицейские посты.

«Ушедшие в город люди, — докладывал командованию И. А. Крицкий, начальник штаба партизанского отряда М. Ф. Бирюлина, — пока не вернулись, так как пройти туда и выйти очень трудно. Пропусков на вход и выход из города не дают, а за хождение без пропусков посылают на работы от 8 до 12 дней».

С весны 1942 года оккупанты стали выдавать к паспортам специальные вкладыши разных цветов и периодически их меняли. В июле 1942 года патриоты Витебска переслали в штаб Калининского фронта инструкцию о русских паспортах, согласно которой комендантским управлением вооруженных сил в городе вводились новые образцы немецких документов. Под-

Памятник у бывшего лагеря военнопленных, замученных гитлеровцами.

М. Ф. Шмырев

И. А. Стулов

И. Б. Поздняков

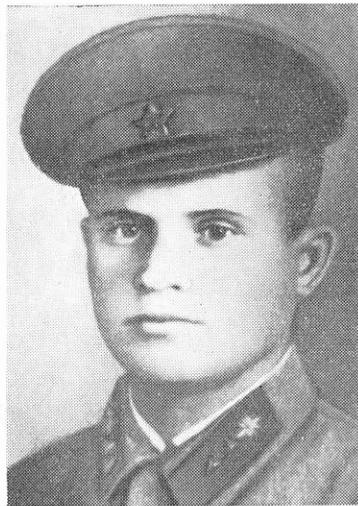
Я. А. Жилинин

Работники Витебского обкома комсомола во главе с секретарем обкома В. И. Лузгиным, действовавшие в тылу врага.

В. З. Хоружая

П. С. Смирнов

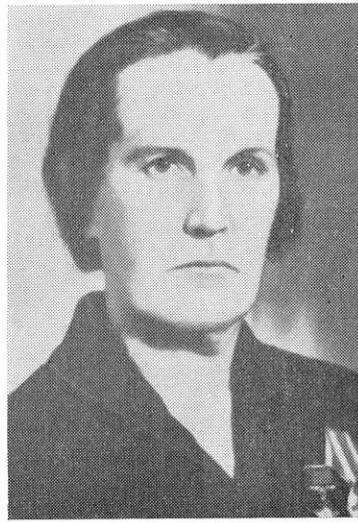
Н. С. Самуйлова

И. Г. Григорьев

В. Р. Кудинов

М. И. Маценко

А. Е. Белохвостиков

П. С. Шлякова

Подпольщики группы К. С. Околович. Слева направо: А. И. Леонова, Л. С. Леонова, Г. К. Вишневская, армейский разведчик В. И. Чирков («Володя Белицкий»), К. С. Околович и М. А. Кузнецова.

А. Г. Коноплев

М. Ф. Бирюлин

Д. Ф. Райцев

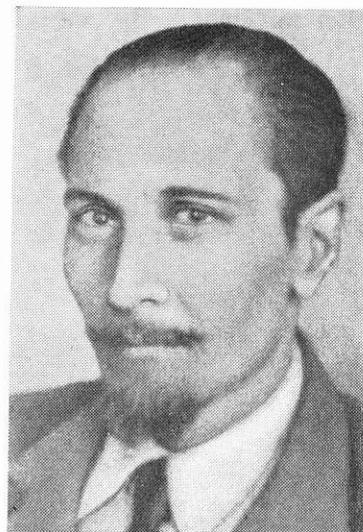
М. М. Кирюхина-Калугина

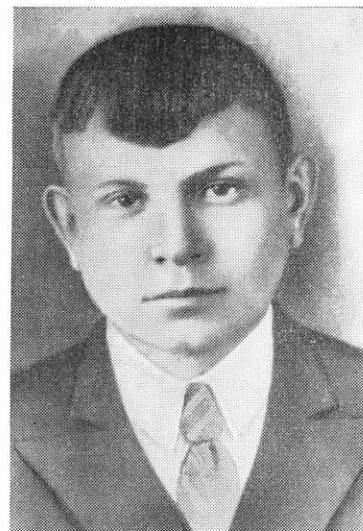
М. Р. Ефимов

Н. А. Купалов

Р. Ф. Махнов

В. Н. Пахомов

Н. Я. Нагибов

М. И. Ковалев

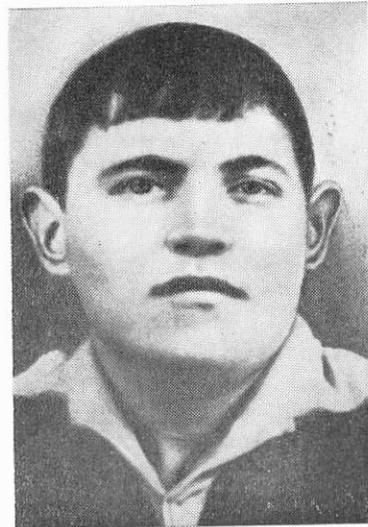
Е. С. Суранова

А. П. Максименко

З. Т. Васиљева

В. Д. Корнишонов

Л. Д. Березкина

И. И. Голдаевич

А. А. Гагуля

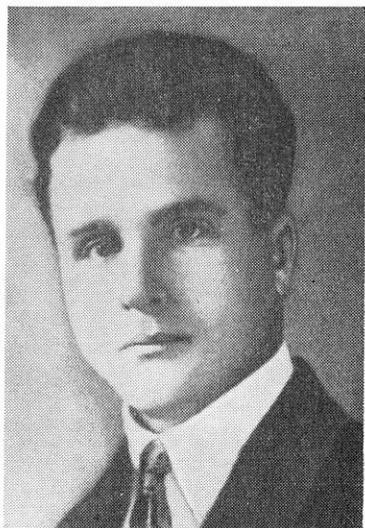
Ф. П. Грунтов

В. И. Вялова

В. А. Козловский

П. Воднев

Н. А. Шпаков с матерью
Александрой Ильиничной

В. А. Вербицкий

С. П. Бурлаков

В. Д. Шелуха

Вилим Креузигер

Н. Ф. Буйниченко

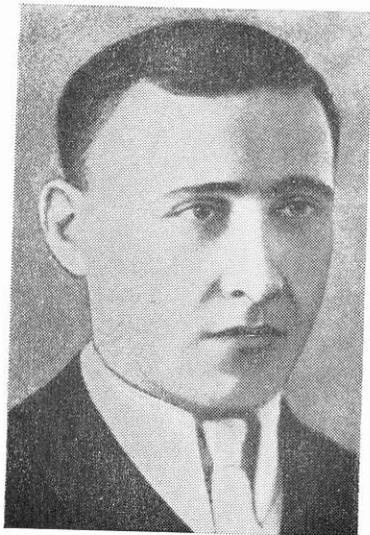
Пауль Кёрнер-Шрадер

Ф. К. Мехов

В. Ф. Кононов

М. Г. Стасенко

польщикам удалось раздобыть и переправить советскому командованию подлинники этих документов, которые очень пригодились потом.

Таким образом, условия, в которых приходилось действовать витебским подпольщикам, складывались в это время под воздействием двух противоположных факторов. С одной стороны, разгром гитлеровских войск под Москвой, приближение линии фронта и образование «Витебских ворот» улучшили условия для работы в тылу противника. Расширились связи подпольщиков с партизанскими отрядами, частями Красной Армии и партийными органами. Патриоты стали регулярно получать конкретную помощь, их деятельность приобрела более целенаправленный характер. С другой стороны, усилился оккупационный режим. Резкое ограничение передвижения и жесточайший террор карательных органов врага усложнили работу в подполье.

Вместе с тем интерес советского командования к Витебску все время возрастал. Это видно из постановления Военного совета 4-й Ударной армии от 7 июля 1942 года «О мерах расширения партизанского движения в районах перед фронтом 4-й Ударной армии». «На территории Витебской и Смоленской областей,— подчеркивал Военный совет,— проходят важнейшие стратегические коммуникации, по которым противник питает Ленинградскую и Западную группировки войсковыми резервами, боеприпасами и продовольствием».

Необходимо было парализовать эти коммуникации. А для этого прежде всего надо было хорошо поставить разведку, организовать сбор материалов о противнике, обеспечить своевременную доставку полученных данных войсковым частям. Чтобы решить эти задачи, подпольщики должны были позаботиться о насаждении своих людей в таких учреждениях оккупантов и на таких должностях, которые давали бы возможность получать доступ к важным документам врага.

В этот период Витебский обком КП(б)Б предпринимает ряд мер по усилению организационно-партийного и военного руководства партизанским движением и подпольной борьбой патриотов области. В марте 1942 года в партизанский отряд М. Ф. Шмырева из-за линии фронта прибыла группа ответственных работников обкома партии, облисполкома и обкома комсомола во главе с секретарем обкома КП(б)Б, членом Военного совета 4-й Ударной армии И. А. Стуловым, председателем облисполкома И. Н. Рябцевым и секретарем обкома ЛКСМБ В. И. Лузгиным. Вместе с ними прибыл представитель Центрального Комитета Компартии Белоруссии В. Р. Романов.

Ознакомившись на месте с обстановкой, с особенностями и характером партизанской и подпольной борьбы, работники обкома партии и облисполкома провели 4 апреля 1942 года первое совещание, на котором присутствовали командиры и комиссары партизанских отрядов суражско-витебской зоны М. Ф. Шмырев, Р. В. Шкредо, Д. Ф. Райцев, А. П. Дзик, Я. З. Захаров, П. Буранов, И. Ф. Миконенко, представитель штаба 4-й Ударной армии Радин. Совещание положило начало объединению всех партизанских отрядов в одну бригаду. Ее командиром стал прославленный Батяка Минай — М. Ф. Шмырев, комиссаром — Р. В. Шкредо, начальником штаба — кадровый офицер Красной Армии Я. З. Захаров. В состав бригады вошли отряды М. Ф. Шмырева, Д. Ф. Райцева, А. П. Дзика, Я. З. Захарова, М. Ф. Бирюлина.

Создание крупной боевой единицы изменило характер и тактику партизанской борьбы. Имея мощную ударную силу, партизаны могли осуществлять операции крупных масштабов, успешно взаимодействовать с частями Красной Армии и, опираясь на их помощь, удерживать образовавшиеся «Витебские ворота» и целые партизанские районы.

8 апреля 1942 года представитель ЦК КП(б)Б В. Р. Романов провел кустовое совещание командиров, комиссаров, начальников штабов, секретарей первичных партийных и комсомольских организаций партизанских отрядов. Оно проходило в деревне Шитики Суражского района. Обсуждались очередные задачи партизанского движения и партийно-массовой работы среди населения. Особое внимание было обращено на улучшение разведки в тылу врага, проведение смелых налетов на гарнизоны противника и усиление подпольной работы в городах и селах области.

Это второе по счету совещание, проведенное в тылу врага Центральным Комитетом КП(б)Б и Витебским обкомом партии совместно с представителями Красной Армии, показало, что образование «ворот» создало исключительно благоприятные условия для усиления руководства партизанским движением и деятельностью партийно-патриотического подполья. «Весенний период 1942 года, — писал в ЦК КП(б)Б И. А. Стулов, — ознаменовался ростом партизанского движения и активизацией деятельности партизанских отрядов. Большая тяга в партизанские отряды проявлялась у жителей прифронтовых районов Белорусской Советской Социалистической Республики... Имеются все условия для разворота всенародной партизанской борьбы. В этом направлении мы и должны усилить свою руководящую и организующую работу».

20 марта 1942 года по решению ЦК КП(б)Б в районе действия 3-й и 4-й Ударных армий была создана Северо-Западная оперативная группа. В ее состав вошли ответственные партийные, советские и комсомольские работники республики: Г. В. Эйдинов, В. Р. Романов, С. И. Сикорский, А. С. Шавров, М. В. Зимянин, П. Е. Крисанов, К. И. Бударин, Н. И. Красовский, А. М. Дядев, Л. Я. Горелик и другие. Основной базой группы являлась д. Шейно Калининской области, находившаяся в прифронтовой полосе. Группа действовала с марта по сентябрь 1942 года — до создания Белорусского штаба партизанского движения. Фактически она была преобразована в Белорусский штаб партизанского движения (БШПД). За это время через «Витебские ворота» было переправлено белорусским партизанам и подпольщикам большое количество оружия, боеприпасов, взрывчатки, литературы, заслано на территорию Белоруссии и Прибалтики много организаторских и диверсионных групп, в том числе группа В. З. Хоружей в город Витебск.

Представители ЦК КП(б)Б, Северо-Западной группы, Витебского обкома КП(б)Б и обкома комсомола постоянно находились в тылу противника, проводя большую организаторскую и массово-политическую работу как среди партизан, так и среди населения оккупированных гитлеровцами районов.

Все время были среди партизан, возглавляли их борьбу секретари Витебского обкома партии Иван Борисович Поздняков, Яким Александрович Жилиянин, Михаил Игнатович Плисс, первый секретарь Витебского обкома ЛКСМБ Василий Иванович Лузгин. Неутомимо работали в тылу противника инструкторы, ответорганизаторы и другие посланцы обкома комсомола: Александра Шкуринова, Ася Жавнерко, Вадим Позняк, Валентина Радкевич, Вадим Розин, Филат Башкинцев, Валентина Марковская, Лена Чаплинская, Лена Козюля, Валя Карпушенко, Катя Шишко, Катя Шестакова, Нина Павловская, Татьяна Барсток и многие другие советские патриоты, активно боровшиеся с фашистами.

Работники ЦК КП(б)Б, Совета Народных Комиссаров БССР и ЦК ЛКСМБ, Витебского подпольного обкома партии и подпольного обкома комсомола исколесили сотни километров по занятой гитлеровцами территории области. Пренебрегая опасностью, подстерегавшей на каждом шагу, они личным примером воодушевляли население на борьбу с врагом. Общаясь постоянно с руководящими партийными, советскими, комсомольскими работниками, партизанами, подпольщиками, наши люди, временно подпавшие под фашистское иго, ощущали свою неразрывную связь с Большой землей, с Коммунистиче-

ской партией, Советским правительством, черпали веру в победу.

Под руководством обкома КП(б)Б большую организационно-массовую работу в тылу противника проводил Витебский облисполком (председатель И. Н. Рябцев). Находясь в прифронтовой полосе, облисполком был непосредственным организатором органов Советской власти в освобожденных партизанами районах области. Уже в июне 1942 года председатель облисполкома И. Н. Рябцев докладывал Совету Народных Комиссаров БССР о том, что возобновилась работа местных органов власти в восьми сельсоветах и поселковом Совете Суражского района, а также в Николоаевском сельсовете Витебского района, в шести сельсоветах Меховского района. Подобраны председатели Советов. Установлена связь облисполкома со всеми районами области. И это под носом у оккупантов!

Вот что рассказывал летом 1942 года группе белорусских писателей, прибывших в тыл врага, о жизни в Суражском партизанском крае партизан Сенечка: «Наш район объявлен гитлеровцами вне закона как полностью партизанский. И нужно сказать, что мы себя совсем неплохо чувствуем в партизанском крае. У нас полностью восстановлены органы Советской власти. В одном из поселков на лучшем здании можно прочесть вывески: «Районный комитет КП(б) Белоруссии», «Райисполком», «Райком ЛКСМ Белоруссии». Во главе райисполкома — наш партизан из отряда Р. (имеется в виду отряд Д. Ф. Райцева. — Авт.), секретарь райкома комсомола, также партизан. В поселке открыты больница, аптека, столовая, имеются даже библиотека, хоровой и драматический кружки. Все это организовывали партизаны. Немцы берут налог за право обратиться к врачу, а наша партизанская больница лечит жителей и даже бесплатно выдает им лекарства. Население занятых врагом деревень приходит за помощью в нашу больницу. В партизанском крае полностью засеяна земля, идет подготовка к уборке урожая. Председателям колхозов мы рассказали, как надо прятать хлеб от оккупантов, как организовать защиту урожая. В поселке начали работать небольшой кожевенный завод, кустарная артель, хлебозавод. Райисполком оказывает большую помощь семьям красноармейцев, партизан и населения, пострадавшему от немецких грабителей».

В этом рассказе речь идет о поселке Пудоть — центре Суражского партизанского края, с которым связаны замечательные подвиги легендарного Батки Миная.

Таков был размах партизанского движения в Витебской области уже в начале 1942 года.

В апреле — мае 1942 года устанавливается прямая телефонная связь между 1-й Белорусской партизанской бригадой, обкомом КП(б)Б, облисполкомом и воинскими частями, а также между соседними партизанскими бригадами и внутри бригад между отрядами. Эта связь действовала бесперебойно до 26 сентября 1942 года, т. е. до закрытия «Витебских ворот», а между отрядами — до марта 1943 года.

Широкое развитие партизанского движения вокруг Витебска содействовало активизации коммунистического подполья в городе. В феврале 1942 года под Витебском появились армейские разведывательные группы, снабженные радиостанциями. В свою очередь, городские подпольные группы настойчиво искали надежные связи, куда бы можно было с пользой для дела передавать богатейшую информацию, откуда можно было бы получить советы, указания, рекомендации, взрывчатку для диверсий, политическую литературу.

Руководитель подпольной группы Кириллов 14 мая 1942 года сообщил Центральному Комитету КП(б)Б о том, что в Витебске существует организационно оформленная большая группа коммунистов, которая стремится установить связи с ЦК. Речь шла о подпольной группе З. С. Балашова — П. М. Зайцева, собиравшей разведывательные данные о противнике. П. М. Зайцев («Пленный», «Бывалый») возглавил затем одну из активных диверсионных групп. Она осуществила десятки успешных диверсий на железных дорогах под Витебском.

Многие подпольные группы города налаживают связи одновременно по нескольким направлениям, что до некоторой степени ослабляло конспирацию, но расширяло поле деятельности патриотов. 23 апреля 1942 года ответственный организатор обкома КП(б)Б по Оршанскому кусту Г. Д. Резников, информируя секретаря обкома партии о деятельности отряда Д. Ф. Райцева, писал, что «установлена почти ежедневная связь с Витебском. Выводят оттуда людей, есть возможность организовать партизанский отряд из витеблян».

Установив надежные связи с партизанскими отрядами, а через них с партийными и комсомольскими органами, с частями Красной Армии, витебские подпольщики усиливают удары по врагу, нанося ему серьезный урон. Весной 1942 года В. Р. Романов в донесении ЦК КП(б)Б писал: «Находясь в одной из партизанских групп отряда т. Райцева в 8—9 километрах от Витебска, в д. Букатино, я в ночь с 15 на 16 апреля с. г. наблюдал, как наша авиация бомбардировала немецкий гарнизон, расположенный в гор. Витебске. Между 10 и 11 часами

вечера мы с комиссаром отряда тов. Миконенко слышали шум авиационных моторов. Прислушавшись, установили, что самолеты летят на Витебск. Через несколько минут над городом появилось множество ракет. После этого мы слышали сильные взрывы сброшенных с самолетов бомб... Бомбардировка продолжалась свыше 3 часов... Над городом появилось большее зарево огня, два раза мы слышали сильные и продолжительные взрывы. Утром из Витебска пришел разведчик из отряда тов. Райцева и сообщил, что летчики уничтожили два немецких склада с боеприпасами, бензосклад и разбили несколько домов, где были расположены немецкие солдаты и офицеры. Характерно отметить, что все население д. Букатино при налете наших самолетов на Витебск вышло на улицу и, видя работу наших летчиков, рукоплескало... Слышались возгласы: «Браво нашим летчикам!», «Вот это да! Вот это молодцы!»¹.

Объекты для бомбардировки советским летчикам с помощью ракет указывали подпольщики Витебска. Примечательно, что оперативная связь между витебским подпольем и партизанскими отрядами была к этому времени настолько четкой, что уже утром партизаны имели исчерпывающую информацию о результатах ночного налета.

Деятельность партийных, советских и комсомольских органов области по развертыванию массового партизанского движения вскоре дала замечательные результаты. К лету 1942 года партизанское движение и подпольная деятельность в области достигли больших размеров. На ее территории уже действовало 17 партизанских бригад. До 16 тысяч патриотов находились в скрытых партизанских резервах и были готовы в любую минуту встать под ружье. Чтобы оперативно руководить этим движением, еще больше укрепить связи, установившиеся между подпольщиками города и партизанскими бригадами и отрядами, по решению Витебского обкома КП(б) в мае 1942 года был введен институт ответорганизаторов обкома партии. Каждый ответорганизатор осуществлял партийное руководство партизанским движением и подпольной борьбой на территории определенной группы районов. Область была разделена на четыре куста: Витебский, Оршанский, Полоцкий и Лепельский.

Витебский куст включал город Витебск, Витебский, Суражский, Городокский, Меховский и Лиозненский районы. Ответорганизатором здесь являлся Василий Романович Кудинов. Для налаживания комсомольской работы в тылу противника

были утверждены ответорганизаторы по линии обкома комсомола. По Витебскому кусту им стала Александра Николаевна Шкуринова.

Повсеместно создавались подпольные райкомы партии и комсомола. На 1 октября 1942 года в области уже действовало 16 райкомов КП(б)Б. К концу 1942 года было создано 18 подпольных райкомов комсомола, которые провели большую организаторскую работу среди партизан.

Отсутствие партийного центра в Витебске в тот период в значительной мере компенсировалось работой армейских и оперчекистских групп. Они внесли оживление в подпольную работу, активизировали деятельность ранее сформированных групп патриотов, создали много новых как в городе, так и в его окрестностях.

8 февраля 1942 года в район Витебска прибыла армейская разведгруппа Михаила Родионовича Ефимова от штаба Калининского фронта. Через месяц в шестнадцати километрах от Витебска высадилась группа Павла Васильевича Буткевича, а в апреле 1942 года в Чановской даче близ Витебска обособилась группа «Егора» — Юрия Сергеевича Рудакова. Сюда же вскоре прибыла группа Адама Оттовича Берзина. 29 июля для сбора разведанных о немецких гарнизонах Витебска и Городка прибыла спецгруппа Николая Соловьева, которую вскоре возглавил П. А. Крылатых. Для работы в самом городе 29 и 31 марта 1942 года были выброшены сразу две группы: М. М. Стаховича и В. А. Медведева. Весной 1942 года под Витебском снова появилась разведгруппа М. И. Ковалева, заброшенная сюда еще осенью 1941 года. Примерно в это же время активно стали работать на Витебск оперчекистские группы: А. П. Максименко, Ф. И. Новикова («Невского»), П. М. Зайцева и другие.

Успеху в работе этих групп способствовало то, что они, как правило, располагались в районах действия партизанских отрядов и бригад, получали от них проводников, адреса, явки. Это ускоряло и облегчало установление связей с подпольщиками.

Витебское подполье служило надежной опорой для многих спецгрупп. Их взаимные контакты и сотрудничество приносили хорошие результаты. Подпольщики помогали армейским группам легализовать в городе их людей, собирали разведанные о противнике. Подпольные организации получали от разведчиков ценные советы и практическую помощь, учились у них конспирации, перенимали методы и формы ведения разведки.

¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 385, л. 193.

Особенно тесные связи с разведчиками поддерживала группа медицинских работников города, которую возглавляла К. С. Околович. У них была настоящая база армейских разведчиков. В конце 1941 года на территорию Лиозненского района был заброшен советский разведчик В. И. Чирков. В марте 1942 года под видом бежавшего военнопленного он проник в Витебск. Многие горожане ему сочувствовали, предлагали свои услуги. Вскоре он познакомился с К. С. Околович. От нее получил документы на имя Володи Белицкого, оформил городскую прописку.

Опираясь на группу медицинских работников, Чирков успешно вел разведку в городе до конца 1942 года. К. С. Околович связала его со многими патриотами, от которых он получал информацию о всех важнейших объектах врага в различных районах города. Для разведчика было подобрано до десяти конспиративных квартир. В одних он жил и укрывался во время облав. Это квартиры сестер Леоновых, врача Т. М. Широченко и сестер Вишневских на Марковщине, Н. В. Любченко — по Городокскому шоссе. Другие были местом сосредоточения поступавшей информации, в частности квартира дяди Миши по улице Гоголя. Третьи использовались для встреч с подпольщиками. В этом отношении наиболее удобной была квартира А. С. Стояковой по улице 7-я Куйбышева, 12.

Улица была тихая, что обеспечивало скрытность подходов к дому 68-летней патриотки А. С. Стояковой. С первых дней оккупации города она активно включилась в подпольную работу. Мать троих коммунистов, сражавшихся на фронте, хотела быть достойной своих детей. Накануне вступления оккупантов в город Анна Степановна организовала пионеров и комсомольцев своей улицы на сбор бутылок. У сына-шофера взяла весь запас бензина и с помощью ребят наполнила им бутылки — для борьбы с танками противника.

Когда в город пришли гитлеровцы, она укрывала у себя коммунистов, в том числе секретаря Железнодорожного райкома партии И. Г. Григорьева, являлась связной. В своем доме Анна Степановна хранила книги политической литературы, за что подверглась аресту и избиению летом 1942 года. Ее дом вплоть до января 1943 года был местом встреч подпольщиков.

С лета 1942 года, когда в город стала регулярно поступать диверсионная техника, Анна Степановна в своей хозяйственной сумке под овощами и продуктами неутомимо разносила мины, взрывчатку по многим адресам.

21 января 1943 года А. С. Стоякова вторично попала в лапы фашистов. Ее содержали как особо опасную преступницу. По-

сле каждого допроса, длившегося по 5—6 часов, вплоть до 4 февраля 1943 года, следователь 2-го отдела службы порядка И. Петров требовал от начальника тюрьмы: «Бондареву и Стоякову отдельно по камерам и отдельно от находящихся в тюрьме Греньковой А. (камера 2) и Каминской (камера 4)». 4 февраля 1943 года славная советская патриотка А. С. Стоякова была расстреляна. Она погибла, не склонив головы перед врагом, не выдав никого из своих товарищей по подполью. За высокое мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками А. С. Стоякова посмертно награждена орденом Отечественной войны II степени.

В. И. Чирков связал медработников с армейской разведгруппой М. Р. Ефимова, а вскоре в город пришла радистка этой группы М. М. Кирюхина (ныне Калугина). К. С. Околович оформила ей паспорт на имя жительницы Витебска Виктории Степановны Троховой («Маринка», «Витя»). Более двух лет она успешно выполняла в городе задания командования.

7 и 20 мая 1942 года К. С. Околович вывела из города две группы людей, в которых насчитывалось до 30 человек. Среди них были коммунисты И. Г. Григорьев, И. К. Оскар, З. И. Козырева, П. Сафронов, А. Д. Торопин, Киршин. Многие имели медицинские справки, выданные Околович. Вот образец одной из них: «Гражданин Оскар И. К. находился на излечении во 2-й городской больнице г. Витебска с 2.IV по 1.V.42 г. от воспаления легких. Возвращается к себе домой в д. Королево Витебского округа».

После выхода из оккупированного Витебска И. Г. Григорьев докладывал обкому партии: «5 мая 1942 года ко мне на квартиру зашли Торопин и Киршин и сообщили о том, что группа коммунистов и члены их семей собираются уходить в советский тыл по направлению Барвина перевоза, и они просили меня зайти на квартиру, где жил Торопин. 6 мая пришел к Торопину, который провел на квартиру к некоему Сафронову, а Сафронов — к Оскару. Здесь я узнал, что способствует выходу из города врач Околович, которая была связана с Оскаром. 7 мая уйти из города я не мог, так как истек срок паспорта. К тому же нужно было кое-что уточнить о расположении немецких войск в городе и поселках. Я отложил уход до 20 мая. Проведя первую группу, Околович явилась ко мне на квартиру и сообщила, что все в порядке — люди благополучно ушли из города. Она ознакомила меня с приказом И. В. Сталина № 130. 20 мая при содействии Околович я с группой в 17 человек ушел из Витебска».

ПОХИЩЕНИЕ ПОЛКОВНИКА

В один из апрельских дней 1942 года из оккупированного немецко-фашистскими захватчиками Витебска была выведена к партизанам группа советских военнопленных во главе с полковником П. Н. Тищенко. Эту операцию подготовили и провели подпольные группы медицинских работников К. С. Околович и М. Л. Мурашко — Р. Ф. Махнова.

Павел Никанорович Тищенко — кадровый офицер Красной Армии, участник гражданской войны, освободительного похода в Западную Украину, войны с Финляндией. Когда началась Великая Отечественная война, он был начальником штаба 29-го стрелкового корпуса. В составе 22-й армии корпус вел тяжелые оборонительные бои. В конце августа 1941 года полковник Тищенко был тяжело ранен под Невелем, захвачен гитлеровцами и доставлен в велижскую больницу. В Велиже он пролежал до марта 1942 года. Связался там с местными патриотами и получал от них информацию о положении на фронтах.

Гитлеровцы все время не спускали глаз с полковника. Им не терпелось получить от него интересующие фашистское командование данные. Однажды в больницу пришли два гитлеровца и прямо в палате начали допрос.

— Какие боевые задачи выполнял корпус? — спросил один из них.

— Как офицер Красной Армии, отвечать на такие вопросы не могу, — отрезал Тищенко.

— Какую задачу выполняют политотделы и комиссары в Красной Армии? — не отступали гитлеровцы.

Вместо ответа на интересовавшие фашистов вопросы советский полковник говорил о неизбежности поражения фашистской Германии, о лживости геббельсовской пропаганды и подтвердил это конкретными примерами из сообщений Советского информбюро. Ошарашенные стойкостью командира Красной Армии, гитлеровцы ушли не солоно хлебавши.

...Под Велижем шли ожесточенные бои. Немецкий гарнизон города подвергался непрерывному обстрелу советской артиллерии, находился в осадном положении. 12 марта 1942 года ночью гитлеровцы эвакуировали Тищенко вместе с группой раненых из Велижа в Витебск. В сопроводительных документах указывалось общее количество прибывших военнопленных, персонально же были выделены фамилии только Тищенко и еще одного советского офицера.

Раненых долго возили по городу в поисках свободных мест. Наконец П. Н. Тищенко и еще несколько человек определили в 1-ю городскую больницу по улице Лабазной (ныне улица имени Чайковского). В первые дни Павел Никанорович внимательно присматривался к медицинскому и обслуживающему персоналу, изучал больничные режим и обстановку. Здесь лечились гражданские лица и военнопленные. Юридической ответственности за охрану больных медперсонал не нес, и это обстоятельство оказалось очень важным. Полковник не терял надежды рано или поздно вырваться на свободу. Он решил открыто поговорить об этом с главным врачом больницы Нестором Ивановичем Чертковым. Чертков заверил его, что, независимо от состояния здоровья, будет держать раненых до тех пор, пока не появится возможность выйти из города. Он позаботился о том, чтобы гражданские больные и раненые не знали, что рядом с ними лежат бойцы и командиры Красной Армии.

В дневнике П. Н. Тищенко, который он вел почти с первого дня пленения, появилась ободряющая запись: «Попал вновь в свою русскую среду...». Однако и здесь, в Витебске, гитлеровцы не оставили его в покое. 19 марта в палату зашел немецкий офицер и воскликнул:

— Наконец-то я нашел вас, господин полковник!

Он справился о его здоровье и сказал:

— Господин полковник, нам надо с вами поговорить.

— Слушаю вас, — сухо ответил Павел Никанорович.

— Завтра утром я приеду за вами, будьте готовы,— заявил офицер и быстро удалился.

Павел Никанорович привел себя в порядок, побрился и стал ждать.

На допросе П. Н. Тищенко вел себя так же мужественно и достойно, как и в Велиже. Гитлеровцы решили дождаться полного выздоровления полковника и возвратили его в больницу.

Советские патриоты окружили его заботой и вниманием. «Очень хорошо,— вспоминает П. Н. Тищенко,— к нам относилась врач Мария Брониславовна Мурашко. С ней я откровенно говорил о том, как уйти из больницы к партизанам или вначале хотя бы в деревню. Она познакомила меня с Михаилом Леонтьевичем Мурашко, который заведовал городским отделом здравоохранения. Из разговора с ним я убедился, что это настоящий советский патриот. Он задумал переправить нас в боровлянскую больницу, где, как он говорил, врачом был хороший советский человек и мы могли бы пробыть там сколько угодно, связаться с партизанами».

Но этот план не был осуществлен. Однажды Павлу Никаноровичу сообщили, что к нему пришли посетители. Опираясь на трость, он спустился на первый этаж, где его ожидали две женщины. Это очень удивило полковника — никаких знакомых у него в Витебске не было. Одна из посетительниц, молодая обаятельная девушка, назвалась Тамарой Бигус, другая — маленькая, подвижная, худощавая женщина представилась Ксенией Сергеевной Околович. Вначале беседа протекала осторожно, а потом более доверительно. Тищенко узнал, что они работают в туберкулезной больнице. К. С. Околович и ее спутница пообещали устроить полковнику и его товарищам побег из города.

Через несколько дней Тамара Бигус принесла Павлу Никаноровичу гражданский костюм и полушубок. Под предлогом прогулки Тамара и Тищенко переправились через Западную Двину и пошли в город к фотографу, где Павел Никанорович сфотографировался, затем возвратились в больницу.

К утру в подпольном паспортном столе на квартире у М. А. Кузнецовой для полковника был изготовлен паспорт на имя Терехова. Вместе с паспортом Павел Никанорович получил справку на немецком и русском языках о том, что он после излечения в больнице направляется домой в деревню Тетерки.

Как и условились, рано утром 16 апреля 1942 года в больницу явился молодой парень с повязкой полицейского на рукаве. Это был партизанский разведчик и связной армейской

группы М. Р. Ефимова — Вячеслав Эвальдович Трестер. Рабочий день еще не начался, и, кроме дежурного врача Л. Я. Посвянского, в больнице никого не было. Трестер «арестовал» П. Н. Тищенко и Л. Я. Посвянского и повел их по Городокскому шоссе на окраину города. В одном из дворов стояла подвода, специально присланная за полковником. Исчезновение дежурного врача Посвянского отводило подозрение от главврача и остального медицинского персонала больницы.

Во второй половине того же дня Тамара Бигус вывела из больницы товарищей П. Н. Тищенко — летчика А. Г. Шатиришвили и сержанта-артиллериста А. Н. Кукулина. Из 2-й городской больницы врач Т. М. Широченко и сестры Вишневецкие помогли уйти М. М. Морозову, В. С. Манову, И. И. Васькину и другим раненым советским воинам, привезенным из Велижа вместе с Тищенко.

К вечеру 16 апреля все они благополучно добрались до д. Курино, где встретились с командиром партизанского отряда Д. Ф. Райцевым и командиром армейской разведгруппы М. Р. Ефимовым. Через несколько дней П. Н. Тищенко и его товарищи перешли линию фронта.

Так с помощью витебских подпольщиков полковник П. Н. Тищенко и его боевые друзья избежали фашистского плена и вновь вернулись в ряды воинов Красной Армии.

Все дальше в прошлое уходят грозные годы Великой Отечественной войны. Но время никогда не изгладит воспоминания о суровом и непокоренном Витебске 1942 года, о его патриотах. Как самую дорогую реликвию Павел Никанорович бережет ножичек, подаренный ему перед отправкой из Витебска юным подпольщиком Митей Мурашко. С особой благодарностью вспоминает ветеран войны тех, кому он обязан своей жизнью, восхищается их подвигом.

Подпольная группа К. С. Околович была одной из наиболее многочисленных и боеспособных в городе. Члены ее не только спасали советских людей, они вели и разведывательную работу. Связные регулярно доставляли в лес исписанные мелким почерком К. С. Околович листки бумаги, содержавшие самую разнообразную информацию о противнике, о положении в городе. В мае 1942 года разведгруппа М. Р. Ефимова получила задание составить план размещения немецких штабов, зенитных установок и других военных объектов врага в Витебске. Эту сложную и опасную работу поручили К. С. Околович и радистке группы М. М. Кирюжиной (Калугиной). Под видом посещения больных на дому они исколесили весь город и собрали необходимые сведения.

К. С. Околович неоднократно ездила в партизанские отряды для оказания неотложной медицинской помощи тяжело раненым и больным. Ее группа передала партизанам большое количество различных медикаментов.

Деятельность патриотов приводила в бешенство оккупантов. Они день и ночь рыскали по городу в поисках подпольщиков. Летом 1942 года при выполнении задания был схвачен разведчик Лютко. Последовал арест К. С. Околович, так как у Лютко обнаружили выданную ею справку. На очной ставке в СД Ксения Сергеевна подтвердила, что задержанный действительно ее довоенный больная, у которого начальная форма туберкулеза. При этом она добавила, что при соответствующих условиях эта болезнь вполне излечима. На второй день она была освобождена, группа продолжала работу. Но этот случай насторожил подпольщиков.

Карательные органы оккупантов стали усиленно засылать в подполье шпионов и провокаторов, наблюдать за связями К. С. Околович. 25 августа 1942 года была арестована связная Т. И. Пилат, пришедшая к Околович от оперчекистской группы. На явочную квартиру гитлеровцы явились в сопровождении Александры Гурьевой. Посланная вместе с Таней Пилат в Витебск, она смалодушничала, выдала подругу и указала явочную квартиру, где была обнаружена медицинская справка, выданная К. С. Околович, и донесение о немецких военных объектах, написанное той же рукой. Предупрежденная хозяйкой квартиры Н. С. Трофимовой и медсестрой больницы Л. А. Поляниной о нависшей опасности, Ксения Сергеевна, в свою очередь, предупредила сестер Леоновых и М. А. Кузнецову. В результате большинство членов группы, в том числе и сама К. С. Околович, благополучно ушли в партизанскую зону.

Оставшиеся в подполье члены группы продолжали представлять информацию через связную группы Адама Берзина — Е. И. Мордвинову.

О том, что СД и полиция напали на след подпольной группы, говорят письма В. З. Хоружей, прибывшей в Витебск месяц спустя после ухода из города К. С. Околович. В одном из них она писала: «...Сообща Юрину, что Околович усиленно разыскивала полиция и конфисковала ее вещи. Может быть, ему это неизвестно, здесь о ней я слышу только хорошее».

Своей сплоченностью, целенаправленностью в подпольной деятельности медицинские работники города обязаны во многом М. Л. Мурашко. Вместе со своим ближайшим помощником Р. Ф. Махновым, который работал до войны в ветринской районной больнице, а после оккупации Витебска был назначен

М. Л. Мурашко на должность санитарного врача, они проводили большую патриотическую работу, спасли много советских людей. Пользуясь правом беспрепятственного передвижения, Р. Ф. Махнов как санитарный врач регулярно посещал лагеря военнопленных, выявлял командиров Красной Армии, наиболее изнуренных голодом и побоями красноармейцев и под видом тифозных больных размещал их в гражданских больницах. Там они получали необходимую медицинскую помощь. После выздоровления направлялись в партизанские отряды.

С помощью Махнова, хорошо знавшего кадры медработников, М. Л. Мурашко устроил на работу в ближайšie к городу больницы своих надежных людей. На боровлянский врачебный участок, например, был направлен вырвавшийся из окружения военврач В. М. Величенко. Он связался с партизанами и отправлял в ряды народных мстителей выздоравливающих больных. На здравпункте кирпичного завода на окраине Витебска работала врач-подпольщица А. И. Богданова. 1-ю горбольницу возглавил патриотически настроенный врач Н. И. Чертков. В 1941 г. М. Л. Мурашко взял из лагеря военнопленных и устроил работать дежурным врачом 1-й городской больницы Л. Я. Посвянского.

Как работник городской управы, М. Л. Мурашко был осведомлен о намерениях оккупационных властей и, когда требовалось, принимал необходимые меры. Ранней весной 1942 года, например, поступила тревожная весть из Велижа — немцы готовили расправу над тифозными больными. Р. Ф. Махнов добивается разрешения открыть в поселке Летцы тифозную больницу. Затем он посылает в Велиж несколько грузовых автомашин и вывозит оттуда всех больных. Когда Летцы приглянулись гитлеровцам и они разместили там свои штабы, больницу перенесли в д. Якутино. Эта деревня находилась вблизи партизанской зоны. Р. Ф. Махнов просит послать его работать главврачом якутинской больницы. Опираясь на местных подпольщиков из группы П. К. Ляховского и на Летчанскую группу Михайловской и Гиро, он развертывает большую патриотическую деятельность, привлекая к ней новых людей. Ближайшими его помощниками становятся заведующая аптекой М. Д. Виниченко, которой он сразу же наказал, чтобы она аккуратно «сводила концы с концами» в расходе медикаментов, медсестра М. А. Гончарова, его жена Н. П. Круглова, работники больницы А. И. Давыдова, С. И. Рамицан и другие.

Теперь из лагеря смерти на территории бывшего 5-го железнодорожного полка под видом тифозных больных в якутинскую больницу стали регулярно поступать военнопленные, а

также оказавшиеся там партизаны и подпольщики. Фельдшер Григорий Соколов безошибочно умел отбирать из лагеря нужных людей. Заметит во время обхода истерзанного пытками узника лагеря — ставит против его фамилии: «Тиф». Гитлеровцы боялись этой болезни и немедленно санкционировали эвакуацию подобных «больных». Лепельская комсомолка-подпольщица Аня Парфинчук, партизанки Нина Подъяельская, Людмила Застаринская и Надежда Овчинникова были таким образом вывезены из лагеря и переправлены в партизанский отряд через якутинскую больницу.

В 1942 году гитлеровцы неоднократно предпринимали против партизан карательные экспедиции. Росло число раненых народных мстителей, которые нуждались в медицинской помощи. Увеличилась потребность в медикаментах и перевязочном материале. Р. Ф. Махнов через Н. П. Круглову, Дарью Тяпкину и М. Д. Виниченко регулярно обеспечивал медикаментами партизан Сиротинского района, а через учительницу В. П. Брухнову (Янович) и О. С. Свечкину — партизанскую бригаду «Алексея». Поставляли медикаменты отрядам врач Т. М. Широченко и фармацевт М. И. Старовойтова. Через связных Надю Проворную, Аню Киташеву и юного разведчика П. Л. Лебедева снабжал партизан не только разведанными, но и медикаментами Н. И. Чертков. Врач-гинеколог А. И. Богданова обеспечивала лекарствами и перевязочными материалами партизанский отряд А. А. Погорелова. Сестры В. Г. Дунке и А. Г. Липатова шефствовали над отрядом «Моряк» бригады «Алексея». Неоднократно получала медикаменты для народных мстителей из витебской аптеки на площади Свободы комсомолка Валя Лебедева. Дважды с аптечного склада в Витебске по заявкам лизозненской больницы получали большое количество медикаментов для партизан бригады «Алексея» витебские подпольщицы М. К. Свечкина-Блохина и Н. И. Воронова.

Связи витебских подпольщиков выходили и за пределы области. Известно, например, что смоленские партизанские полки Садчикова и Гришина засылали своих разведчиков в Витебск, чтобы через городских патриотов добыть медикаменты, разведать намерения врага. Н. И. Москвин в своей книге «Партизанскими тропами» пишет, что через витебских подпольщиков смоленские партизаны в сентябре 1942 г. узнали о готовящейся против них карательной экспедиции.

ПОБЕГ ИЗ ПЛЕНА

Используя методы насилия, шантажа, принуждения и идеологической обработки, оккупанты пытались склонить к себе на службу советских военнопленных, местных жителей. Но в практическом осуществлении этих планов они сразу же натолкнулись на решительное сопротивление советских людей.

Воины Красной Армии давали себе отчет, что плен никогда не был в чести, всегда являлся позором для солдата и командира любого ранга. Поэтому, оказавшись в силу тех или иных тяжелых обстоятельств в лапах врага, советские воины искали пути возвращения в ряды активных защитников своей Родины.

Хорошо понимали это подпольщики и партизаны. Спасение военнопленных, вывод из вражеских гарнизонов трудоспособного гражданского населения они рассматривали как одну из важнейших своих задач.

В 1942 году эта деятельность приняла крупные масштабы. Военнопленные стали совершать побегі целыми группами. Побегі готовились заранее, совместными усилиями подпольщиков и партизан. Часто люди уезжали из города в лес на автомашинах противника, увозя оружие, военное имущество, снаряжение, медикаменты, горючее.

В мае 1942 года в одном из донесений командования партизанского отряда М. Ф. Бирюлина сообщалось, что в их рас-

положение на автомашине прибыли из Витебска шесть человек с оружием. Это были военнопленные И. Г. Фролов, И. Р. Наумов, А. Е. Подзоров, И. Мухитдинов и двое их товарищей. Они обслуживали немецкую роту связи, расположенную в Витебске по улице Комсомольской. Простые белорусские женщины П. П. Крылова, М. Б. Шолохова, Д. А. Богданова приняли горячее участие в судьбе советских воинов и связали их с армейскими разведчиками Аней Трухан и Василием Чирковым.

Разработав подробный план побега, патриоты ждали удобного момента. Вскоре он представился. В начале мая 1942 года гитлеровские молодчики отмечали какой-то праздник. Военнопленные в это время возили воду из Западной Двины. Подвыпив, фашисты ослабили надзор за военнопленными, в распоряжении которых оказалась исправная автомашина. Наумов надел мундир немецкого офицера, уселся в кабину рядом с шофером И. Г. Фроловым, и они выехали на Городокское шоссе, где их ждали армейские разведчики. По пути в одной из деревень прихватили с собой местного старосту-предателя, забрали медикаменты в сельской аптеке и вскоре были в партизанском отряде. Спohватившись, гитлеровцы послали вслед за беглецами бронетранспортер. Но доехав до ближайшего леса, солдаты струсили и возвратились в Витебск.

Инициатор побега И. Г. Фролов вскоре стал начальником штаба отряда № 5 бригады П. З. Потепенко, а затем храбро сражался с врагом в рядах Красной Армии, участвовал в штурме Берлина. Мужественными народными мстителями показали себя и остальные участники побега.

10 июня 1942 года из витебской фельдкомендатуры в бригаду «Алексея» на автомашине уехали еще шесть военнопленных во главе с И. С. Волковым (подлинная фамилия Рапопорт). Полевая жандармерия объявила их розыск. Во все гарнизоны области полетело срочное сообщение: «Крытая машина марки «оппель», мотор № 37653, с желтым треугольником на левом переднем крыле и на дверях, 10.VI.42 г. была использована 6 членами рабочего взвода военнопленных для побега из Витебска. Беглецами являются: Бреев Иван, сильного телосложения, волос темный; Сахаров Сергей, маленький, свежее розовое лицо, русый; Шпартюк Николай, маленький, хилый, темный цвет лица и волос; Стародубов Алексей, высокий, стройный, здоровый цвет лица, разговаривает медленно и монотонно, что сразу бросается в глаза, темно-русые волосы; Третьяк Сергей, высокий, сильный, шрам на левой стороне лица сверху, темные пышные волосы; Волков Илья, среднего ро-

ста, крепкий, полное бледное лицо, волос слегка русый, хорошо говорит по-немецки. Удравшие имеют свидетельства и нарукавные повязки учреждения с полевым номером 30924. Сообщения посылать в полевую комендатуру 815 (V), полевая жандармерия.

Вейнгарт, штабс-фельдфебель полевой жандармерии».

Коллективный побег военнопленных среди бела дня из гнезда фашистских карателей произвел большое впечатление в городе. Распространялись самые фантастические версии. Гитлеровцы учинили допрос всем военнопленным, работавшим при фельдкомендатуре, арестовали многих жителей, но так и не могли ничего добиться. Тогда они стали распускать слухи, что беглецы пойманы. Но этому никто не верил.

Побег был хорошо подготовлен и успешно совершен с помощью витебских подпольщиков. А это было так. Военнопленные жили в одном из корпусов ветеринарного института, во дворе фельдкомендатуры. Рядом находился склад медикаментов, где работали подпольщицы Виктория Дунке и ее сестра Анна Липатова — жена советского командира. Они были знакомы с Сергеем Сахаровым, Ильей Волковым и другими военнопленными, обслуживавшими комендатуру, знали об их намерении уйти к партизанам. Сестры Дунке организовали Сахарову встречу с начальником штаба партизанского отряда «Володи» бригады «Алексея» — Владимиром Левшиным. Встреча состоялась в Витебске, буквально под окнами фельдкомендатуры. Обо всем подробно договорились. Через сестер Аню, Марию, Галю и Зину Солодухиных были уточнены детали побега, назначен конкретный день, час и место встречи. Согласно договоренности, партизаны должны были ждать Илью Волкова и его товарищей 9 или 10 июня за деревней Поддубье на кладбище с трех часов дня до вечера.

«9-го нам выехать не удалось, — вспоминает Волков-Рапопорт. — 10 июня в час дня, когда немцы ушли на обед в столовую, Сахаров, работавший шофером, выехал из гаража для заправки машины. Заправившись, он приехал на проспект Фрунзе. Я и мои товарищи разными путями пришли к машине, сели и уехали за город». До партизанской зоны их сопровождали двое витебских подпольщиков. В деревне Поддубье бежавших встретили партизаны. Илья Волков-Рапопорт возглавлял агентурную разведку бригады «Алексея».

Вскоре гитлеровцам стало известно о связях военнопленных с семьей Солодухиных. В числе арестованных оказалась Анна Солодухина, но за неимением улик была отпущена. Она не стала ждать следующего ареста и своевременно ушла

к партизанам. Все четыре сестры Солодухиных стали партизанскими и армейскими разведчицами. В рядах Красной Армии закончила войну и Виктория Дунке.

А вот еще один документ, подтверждающий хорошо организованную работу витебских подпольщиков по выводу из города военнопленных. В письме В. З. Хоружей из Витебска от 25 октября 1942 года говорится: «На днях уехали к вам на машине 8 пленных. Остальных пленных взяли под конвой. Многие девушки вызываются на допросы, пока никого не арестовали. Пленные работали 23 октября на аэродроме... Степан — пленный, уехавший к вам, работал переводчиком на аэродроме, многое знает...» Как видно, В. З. Хоружая была в курсе этого коллективного побега. Получая постоянно информацию с аэродрома через М. К. Оскер и А. Я. Лукашенко, она следила за подготовкой побега, его осуществлением и последствиями, не связываясь, однако, лично ни с организаторами, ни с участниками побега.

Непосредственным организатором его была подпольщица Люба Матвеева. По договоренности с нею в назначенный день под предлогом сбора запчастей для ремонта автомашины военнопленные Степан Бубель, Виктор Крылов, Степан Хрущев, Костя Божедонов, Николай Еремин, Сергей Дунин, Георгий Чумаченко и Антон Соколовский выехали на Смоленское шоссе. У развилки дорог на Смоленск и Оршу их встретила связанная Женя Колобанова. Через каких-либо полчаса они уже были под надежным прикрытием партизан.

Комсомолка Матвеева отличалась большой находчивостью и смелостью. Работая на аэродроме, она старалась как можно больше общаться с военнопленными, с гитлеровскими солдатами и офицерами и часто добывала у них нужные сведения. Ей ничего не стоило во время встречи со своими знакомыми между смехом и шутками вдруг заявить: «Давайте сделаем что-нибудь сногшибательное — пойдем, например, в партизаны». Не все принимали это всерьез, но часто такое предложение попадало, что называется, в цель. С ее помощью с аэродрома кроме группы С. Х. Бубеля были выведены многие военнопленные. Ее сведения об аэродроме представляли большую ценность. За мужество и отвагу Л. А. Матвеева (ныне Любимова) награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

ВЕРА ХОРУЖАЯ В ВИТЕБСКЕ

В 1942 году борьба против оккупантов на Витебщине принимает широкий размах, усиливается партийное руководство партизанским движением и подпольными организациями в городах и других населенных пунктах. К концу года уже почти во всех районах области действовали подпольные райкомы партии и райкомы комсомола. Обстановка настоятельно требовала создания самостоятельного партийного центра и для Витебска. Областной комитет КП(б)В понимал, что ответорганизатору обкома по Витебскому кусту В. Р. Кудинову трудно было обеспечить руководство всеми сторонами борьбы патриотов, главное внимание он сосредоточивал на налаживании партийной работы в партизанских отрядах. Для улучшения партийного руководства городским подпольем обком в сентябре 1942 г. освободил В. Р. Кудинова от обязанностей ответорганизатора по кусту и утвердил его ответорганизатором обкома только по городу Витебску. Инструктором обкома по городу была утверждена М. И. Маценко, работавшая до войны секретарем партийной организации швейной фабрики «Знамя индустриализации». Вопросами связи и создания подпольных комсомольских организаций в городе было поручено заниматься уполномоченному обкома комсомола А. Н. Немыкину, который еще в июле 1941 года в составе небольшого отряда был

направлен в тыл противника под Витебск для ведения подрывной работы против фашистов.

Выбор на Немыкина пал не случайно. В течение осени и зимы 1941 года он и Афанасий Стрельцов, заброшенный в тыл врага военной разведкой, создали подпольные комсомольско-молодежные группы в деревнях Ложок и Башни Сиротинского района. В июне 1942 года Немыкин, присоединившись к жителям деревень, мобилизованным для отбытия трудовой повинности, проник на витебский аэродром и в течение трех месяцев изучал обстановку в городе. Он установил связи с некоторыми комсомольцами. Докладывая обкому ЛКСМБ о проделанной работе, Немыкин писал:

«Связь с городом и дальнейшая работа подпольных комсомольских организаций осуществлялась через подобранных мною связанных комсомолок Зайцеву Ольгу и Гренькову Аню. В октябре 1942 года было создано 2 подпольные комсомольские организации, которыми руководят Гелицкий и Красовский. В каждой организации насчитывается по 4—5 комсомольцев. Объектом их внимания являются аэродром и железная дорога».

О большой работе партийных и комсомольских органов области по развертыванию подпольной борьбы в Витебске говорит рост сети подпольных организаций. За 1942 год в городе были созданы 34 новые группы. А всего их стало 56. Активно действовали группы: Свечкиных — Стадионный поселок, Т. А. Морудова — Первомайский район, В. А. Вербицкого — промышленная Марковщина, В. С. Шарендо — район бывшего 5-го железнодорожного полка, И. А. Бекишева — аэродром и кирпичный завод, сестер Журинских — хлебозавод № 1, Е. А. Соколовой и П. А. Пепеляевой — район Песковатика, В. Н. Орловского — аэродром, И. С. Вялова — вокзал и Смоленское шоссе, Г. И. Пушкарева — фанерный завод, братьев Скоробогатовых — вагонное и паровозное депо, Г. А. Красиной (Деркач) — электростанция, В. Д. Шелухо — поселок Тарокомбината, В. Н. Денисова — хлебозавод № 2, Т. А. Ломоносенко (Бородиной) — район Авиационной улицы, В. Т. Омельченко — ХКП-620, З. Ф. Кочетовой — пригородные деревни Разувайка и Батраки, Зароновская группа и другие.

Эта огромная армия патриотов наносила весьма ощутимые удары по врагу. Но для того чтобы их действия были еще более эффективными, нужно было усилить руководство подпольем в городе. Посылка в витебское подполье опытной и закаленной революционерки-подпольщицы Веры Захаровны Хоружей и было попыткой создать руководящий центр в городе.

Группа В. З. Хоружей состояла из 18 человек. Через «Витебские ворота» она прибыла в район торфопредприятия «XX лет Октября», где находилась база партизанского отряда М. Ф. Бирюлина. В группу входили: боевая подруга Веры Захаровны по подпольной работе в Западной Белоруссии, член КПЗБ Софья Сергеевна Панкова («Антонина Заско»); витеблянка-коммунистка Дуся Суранова («Мария Петровская»); учительницы А. П. Иванькова и М. Ф. Исакова; Тоня Ермакович («Зинаида Воробьева»), Женя Иванова; Лиза Добротина, Мария Яцко, Ефросинья Трусова и другие. Никто из них, за исключением самой Веры Хоружей и Софьи Панковой, не имел опыта подпольной работы. Вера Захаровна учитывала это и упорно сколачивала коллектив, готовила его к активной, самоотверженной борьбе с врагом в сложных условиях. Она проводила беседы с каждым членом группы в отдельности, учила конспирации, выносливости, умению хранить тайну, передавала свой опыт работы в подполье. Она детально изучала незнакомый ей город по описаниям, картам и планам.

Опыт Хоружей по воспитанию коллектива подпольщиков представляет большой интерес. Здесь особенно ярко проявился педагогический талант Веры Захаровны. Манеры поведения, взаимоотношения, образ мыслей каждого члена группы, каждое слово, сказанное ими, — ничто не ускользало от ее внимания. Она решительно пресекала малейшие проявления эгоизма, повышенный тон в обращении друг с другом, недомолвки в разговоре, то есть все, что могло внести в коллектив раздор, обиду, подозрительность, нарушить теплоту и чистоту человеческих взаимоотношений.

Особое внимание обращала Вера Захаровна на воспитание у членов группы выдержки, умения молчать, хранить тайну. Давала конкретные задания. Проверяла. Но делала все это с большим тактом, так что никто и не подозревал, что его проверяют. Вера испытывала подруг на сообразительность, находчивость. Очень ревностно следила за поведением девушек, старалась предотвратить необдуманные поступки.

Перед уходом за линию фронта Вера Захаровна попросила С. О. Притыцкого, опытного подпольщика, побеседовать с девушками. Он дал много ценных советов, как вести себя в тылу врага. До этого с ними беседовали секретари ЦК КП(б)Б Н. Е. Авхимович и Г. Б. Эйдинов, ответственные работники Витебского обкома партии.

Наконец подошло время, когда группа, изучив обстановку и получив адреса в Витебске, могла приступить к выполнению задания. 27 сентября 1942 года партизанская связная

Клавдия Болдачева (Шадурская) — «Береза» — провела в Витебск Дусю Суранову и Тоню Ермакович. Дуся остановилась у своих родственников Воробьевых по улице Тракторной, 4. Тоня Ермакович, вернувшись в группу, подробно доложила Вере Захаровне об обстановке в городе, о результатах посещения некоторых явочных квартир, в частности, квартиры родственников инструктора обкома партии по городу Витебску М. И. Маценко — семьи А. П. Волот. Все складывалось благополучно.

1 октября 1942 года Ермакович провела в город Веру Хоружую. Прошли без особых осложнений, если не считать, что на подходе к Витебску их остановил постовой и проверил паспорта. Все документы у Веры были оформлены на имя Анны Сергеевны Корниловой. И это не случайно. Имя и отчество ей напоминали имена дочери и сына — Ани и Сережи, оставшихся в советском тылу, а фамилия — мужа-партизана, героически погибшего в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Уходя на выполнение ответственного и опасного задания партии, Вера хотела, чтобы рядом с нею хотя бы символически были самые дорогие и близкие ей люди.

В первые же дни пребывания в Витебске Вера Захаровна убедилась, что их документы, особенно паспорта, никуда не годятся, а разработанный заранее план деятельности не учитывал всей сложности обстановки и его надо было менять. Полученные от ответственного обкома партии по городу Витебску В. Р. Кудинова и собранные ею самой 104 адреса требовали тщательной проверки, на это уходило много времени. Но не в характере Веры было пасовать перед трудностями. Человек деятельный, энергичный, она умела быстро сблизиться с людьми, раскрывать их сердца, располагать к себе, распознавать характер человека.

Придя в Витебск, Вера Хоружая побывала на нескольких явках, познакомилась со многими людьми, определила надежных, на кого можно опереться, у кого можно спокойно переночевать, получить помощь и поддержку. На первых порах вместе с Дусей Сурановой она остановилась в семье Воробьевых. Эта семья состояла из бабушки Маши — семидесятилетней Марии Игнатьевны Воробьевой, ее сына В. С. Воробьева, его жены Агафьи Максимовны и их двоих детей. Вместе с ними жила вторая невестка бабушки Маши — Анна Васильевна, а рядом, в доме 4а, жила дочь бабушки Маши — З. С. Воробьева-Антонова с мужем Сергеем Даниловичем и дочерью Валентиной. Оба дома находились на одном приусадебном участке, прилегавшем к тихой Кладбищенской улице. Жили все эти

люди очень дружно. Семья Воробьевых была связана с партизанами еще до прихода Веры.

Оккупированный гитлеровцами Витебск производил на нового человека тяжелое впечатление. На площадях и улицах — виселицы. Кругом развалины, мрак, голод, запустение. Не проходило дня без облав или проверки документов. Вера ходила на явочные квартиры, выявляла нужных людей. Она внимательно слушала, что говорили прохожие на улицах, осторожно вступала в разговоры. Уже на третий день после прихода в Витебск она шлет через связную письмо Центральному Комитету КП(б)Б, в котором сообщает ценные сведения, пишет, что есть много нового, интересного, что «почва для работы подготовлена прекрасно».

Хоружая работает неутомимо. Она сразу же взяла под наблюдение важнейшие в военном отношении объекты города: аэродром, железнодорожный узел, Смоленское и Суражское шоссе, по которым больше всего передвигалось войск противника. Вера часто бывала на Смоленском рынке и в других многолюдных местах, где в людской суете черпала немало нужных ей сведений.

В своих письмах из Витебска Вера ярко и образно рассказывает о настроениях жителей города, их материальном положении и моральном состоянии, восхищается их патриотизмом. «Эти чудесные люди непоколебимы в своей ненависти к врагу и в своей любви к Родине, — пишет она в одном из донесений. — Что бы с ними ни случилось, они останутся советскими людьми, советскими патриотами». Как сообщала Вера Захаровна, одна знакомая ей старушка, у которой три сына и три зятя были на фронте, так выразила свое отношение к оккупантам после очередного налета советской авиации: «Надо их бомбить каждый день, бомбить их заводы, их поезда так, чтобы щепки от них на семь верст летели. Когда прилетает наш самолет, я на коленях перед образом молюсь, чтобы бог его спас, чтобы помог ему, чтобы дал ему меткость в его рученьки, светлую ясность в его глазоньки, чтобы каждая бомба попадала прямо в цель и била, на куски рвала проклятую нечистую силу».

В письме от 26 октября 1942 года В. З. Хоружая сообщает, что на аэродроме постоянно находится около 50 самолетов, и спрашивает: «Почему давно нет наших самолетов? Жители очень просят прилететь. Это для них большая радость». Она с гордостью подчеркивает, что «ненависть ширится и крепнет, бурлит и клокочет», что «каждый день и каждый час рождает новые волны ненависти на улице, на работе, дома».

Несмотря на сложность обстановки, на серьезные трудности, В. З. Хоружая постепенно расширяет связи, закрепляет их. 25 октября 1942 года она сообщает обкому КП(б)У: «Сейчас у нас 20 человек. Хочу закрепить основательно, использовать пока этих».

Кто же эти 20 человек, рука об руку работавших с В. З. Хоружей? До сих пор знали только о семье Воробьевых и Антоновых, об остальных членах витебской подпольной группы Хоружей ничего не было известно. В послевоенной литературе, посвященной деятельности В. З. Хоружей в витебском подполье, много написано о бабушке Маше и ее семье. Вера Захаровна не случайно восхищалась мужеством и преданностью Родине подпольщиков Воробьевых и Антоновых. У них Вера встречалась с отдельными членами группы, принимала связанных. Здесь она отдыхала, писала свои вдохновенные письма. Но этим не исчерпывались связи В. Хоружей с витебским подпольем.

Несколько раз В. З. Хоружая ночевала в доме А. П. Волот по улице 3-я Гуторовская, 33. Хозяйка доставала ей свежие газеты оккупантов. Вера внимательно читала их, анализировала. Вечерами, при свете керосинки, засиживалась допоздна, много писала, обобщал дневные наблюдения и собранные разведанные.

Не раз Вера Захаровна бывала и у матери М. И. Маценко — Ольги Августиновны Маценко, проживавшей в подвале кирпичного дома по ул. 2-я Ветреная (ныне Грибоедова). Здесь она встречалась с коммунисткой Марией Ивановной Гульбе, хорошо владевшей немецким языком. До войны она заведовала хозяйством витебской психиатрической больницы. Вера часто давала ей поручения. К сожалению, Мария Ивановна умерла в 1943 году, и ничего неизвестно о содержании длительных бесед, которые вели эти мужественные патриотки, об их совместной работе в подполье.

На месте, где сейчас находится ресторан «Аврора» по улице Ленина, в 1942 году располагалась прачечная, обслуживавшая немецкие воинские части. Работали в ней преимущественно местные граждане китайской национальности. Среди них были старые коммунисты, участники гражданской войны Андрей Лип-ти и Сергей Сюдоболь. Возглавлял прачечную патриот Василий Чу Ча-лин.

С весны 1942 года эта группа поддерживала связь с партизанами и армейскими разведчиками. Связными были Клавдия Болдачева (Шадурская) и Ирина Жан Ван-фу. Через Клавдию Болдачеву подпольщики из прачечной передавали

ценные сведения Вере Хоружей. Дело в том, что по количеству и маркировке проходившего через прачечную белья можно было более-менее точно определить численность и дислокацию тех или иных воинских частей противника. Прачечная была удобным местом для встреч подпольщиков. Впоследствии группа Андрея Лип-ти была схвачена гитлеровцами, многих подпольщиков, в том числе и А. И. Лип-ти, расстреляли.

Судя по письмам В. З. Хоружей из Витебска, ее внимание особенно привлекал аэродром. Чтобы получать оттуда регулярно сведения, необходимо было иметь на аэродроме постоянных информаторов.

Уходя в Витебск, Вера Захаровна получила адрес Матрены Климентьевны Оскер, одной из активных участниц витебского подполья. Проживала она в районе аэродрома, на узенькой, затененной зеленой улице 5-я Винчевская, 17. Недалеко располагались авиачасти противника, его летный и инженерно-технический состав, а также бараки военнопленных, обслуживавших аэродром. На первый взгляд хозяйка дома казалась человеком беспомощным, она была инвалидом, ходила на протезе. На самом деле это была женщина большой силы воли, пламенная советская патриотка. М. К. Оскер включилась в подпольную работу с первых дней оккупации города, когда из Белостокской области пришел ее брат коммунист И. К. Оскер. Она снабжала гражданской одеждой военнопленных, перешивая ее из всего, что для этих целей подходило. Скромная портниха-инвалид долгое время не вызывала у оккупантов подозрений.

После ухода брата в мае 1942 года в партизанский отряд квартира М. К. Оскер стала местом явок. Сюда приходили разведчики армейской группы М. Р. Ефимова. До мая 1942 года на этой квартире встречались подпольщики-коммунисты И. Г. Григорьев, А. Д. Торопин, И. К. Оскер и другие. Для того чтобы представить образ этой мужественной женщины, достаточно привести характеристику, данную ей армейской разведчицей М. М. Кирюхиной, которая не раз пользовалась гостеприимством и услугами М. К. Оскер.

«Милая Матрена Климентьевна! — пишет М. М. Кирюхина. — Она заменяла мне мать, когда прикладывала к моим потертым ногам содовые компрессы (приходилось ходить до города босиком), поила чаем и оберегала как могла мой покой. Вот она, женщина-мать! Мы были в курсе того, что творилось на аэродроме. И, конечно, очень приятно было наблюдать, когда наши самолеты бомбили аэродром. Мы

с Матреной Климентьевной в таких случаях прятались в окопе, выкопанном у нее на огороде».

М. К. Оскер не только тепло приняла В. З. Хоружую, но и стала ее активной помощницей, подключила к работе свою соседку А. Я. Лукашенко и ее мужа. В свою очередь Вера очень внимательно относилась к Матрене Климентьевне. Зная ее нежную привязанность к брату и его детям, Вера пишет в своем письме В. Р. Кудинову 25 октября 1942 года: «Передай О., что сестра живет благополучно. Это замечательная женщина. Пусть он напишет ей несколько слов, или ты сам напиши мне о нем и его детях».

Дом М. К. Оскер был для Веры надежным почтовым ящиком по сбору сведений об аэродроме. В ряде послевоенных изданий упоминается «темная комната», в которой В. З. Хоружая встречалась с «невестой партизана Володи Германовича», работавшей на аэродроме, и передала ей личную записку от довоенного друга. Но кто такая «невеста Германовича» и у кого конкретно происходила встреча, не было установлено. Не упоминается и М. К. Оскер, хотя именно она организовала Вере Хоружей эту встречу в своем доме.

Во время одной из первых встреч с Матреной Климентьевной В. З. Хоружая назвала ей адрес «невесты Германовича». М. К. Оскер вызвалась пригласить «невесту» к себе домой. Условились, что встреча состоится вечером. Как вспоминает Зина Шерякова (это и была «невеста Германовича»), однажды под вечер к ним зашла прихрамывающая женщина и сказала, что ее желает видеть один человек по очень важному вопросу. Рассказала, куда и как пройти, но адрес не назвала. Спрашивать надо было «тетю Аню».

Зина нашла дом. В его хозяйке девушка узнала ту женщину, которая приходила к ней. Это и была Матрена Климентьевна. Она пригласила Зину в другую комнату, где было совершенно темно. Находившаяся там Вера Хоружая взяла Зину за руку, подвела к столу и предложила сесть.

— Знаете ли вы Володю Германовича? — спросила незнакомка.

— Знаю. Это хороший друг моего детства. Скажите, где он сейчас?

— Он поручил мне передать вам горячий привет и вот эту записочку. Можете выйти в переднюю и прочесть, а потом опять зайдете.

Володя писал, что он среди своих людей, живет хорошо, вернется только с победой. В заключение просил сделать для «тети Ани» все, что потребуется.

Зина снова зашла в темную комнату. Незнакомка протянула ей свою нежную теплую руку и спросила:

— Ну, как? Согласны вы помогать мне?

— Я не знаю, чем конкретно могу быть вам полезной, — поинтересовалась в свою очередь Зина.

— Вы работаете на аэродроме. Нам надо знать все, что там делается: сколько и какие там самолеты, где расположены бомбо- и бензохранилища, их емкость, загруженность и т. д.

— Где и когда мы с вами сможем встретиться?

— Меня здесь не ищите и вообще не пытайтесь искать. Когда потребуется — я сама вас найду. Все, что сочтете нужным и важным, передавайте, по возможности ежедневно, хозяйке этого дома Матрене Климентьевне. Только никаких записок, никаких разговоров о нашей встрече. Запоминайте все хорошенько и передавайте только устно, только лично.

— Ну что вы! Я вас хорошо понимаю, — заверила Зина.

— А теперь давайте поговорим, — предложила Вера. — Расскажите, пожалуйста, все до мелочей о прошедшем дне, о своих впечатлениях, переживаниях, наблюдениях, с кем встречались, что видели и слышали, о чем и с кем говорили.

Зина постаралась вспомнить до мельчайших подробностей события минувшего дня. Говорила долго, стараясь ничего не упустить. Вера слушала ее молча, не перебивала, а когда пауза затягивалась, просила продолжать. Вера Захаровна поблагодарила девушку за наблюдательность, посоветовала быть внимательной и осторожной. На этом они расстались.

С этого дня Зинаида Шерякова (ныне Матвиевич) стала боевой помощницей Веры Хоружей. Ежедневно, по вечерам, Зина приходила в домик по 5-й Винчевской, 17, дважды стучала в дверь, ей открывала М. К. Оскер, которой она подробно рассказывала о результатах наблюдений за аэродромом. Так продолжалось больше месяца. Но однажды ей не открыли дверь на условный стук. В последующие дни повторилось то же самое. Почуввав что-то неладное, Шерякова прекратила посещение дома М. К. Оскер.

З. А. Шерякова-Матвиевич живет и работает в Витебске. С большой теплотой она вспоминает «тетю Аню», но до последнего времени и не подозревала, что «тетя Аня» это и была В. З. Хоружая.

Через А. Я. Лукашенко и М. К. Оскер В. З. Хоружая лично познакомилась с военнопленным Степаном, который работал на аэродроме, и привлекла его для сбора разведывательных данных. Теперь информацию об одном из важнейших

военных объектов врага она получала по нескольким каналам. Все ее задания Степан выполнял безукоризненно. Его информация не расходилась с данными Зины Шеряковой, а иногда была даже более обстоятельной. Вера Захаровна знала о подготовке и осуществлении побега к партизанам группы военнопленных с аэродрома во главе со Степаном Бубелем.

В своих письмах из Витебска В. З. Хоружая сообщает о боевых делах подпольщиков, которые использовали все средства и возможности для борьбы с гитлеровскими захватчиками. Так, в письме от 13 октября 1943 года она пишет:

«Вчерашней ночью на станции «нечаянно» столкнулись два состава. На лесозаводе то и дело портятся станки, выполняющие самые срочные заказы военным организациям. На строительстве укреплений обваливается земля и давит немца-конвоира. Возле железнодорожного моста эшелон с бензином наехал на мину. Сгорело 50 цистерн, поврежден путь. Иначе не может быть...»

Вместе с тем она с ненавистью говорит о ничтожной кучке негодяев, которые продали свою душу и тело фашистам за тарелку похлебки, за плитку шоколада, за возможность нажить себе капиталец путем спекуляции, разграбления складов, домов и квартир, оставленных населением.

За короткое время Вера Хоружая полностью освоилась с обстановкой в Витебске. Советские люди открывали ей свои сердца, помогали собирать необходимую информацию, которую она, тщательно перепроверяя и уточняя, посылала по назначению. Вера сообщала подробные данные о расположении воинских частей врага, о складах боеприпасов, о количестве самолетов на аэродроме, о передвижении частей противника, точно указывала объекты для ударов советской авиации и сообщала результаты бомбежек. От внимательного глаза подпольщицы не ускользали и новинки фашистской военной техники. Хорошо владея немецким языком, она узнавала от солдат и офицеров многие важные сведения. Нужно ли говорить о том, какую ценность представляли все ее сообщения для командования Красной Армии и партизан.

Поражает знание В. З. Хоружей города, его географии, планировки. Читаешь письма, и кажется, что человек, писавший их, прожил здесь всю жизнь, — ему знакома каждая улица, каждый скверик, местное название того или иного уголка.

Письма Веры Захаровны Хоружей из витебского подполья — это волнующие документы о жизни, настроениях и несгибаемой воле советских людей, временно попавших под фашистское иго. Всего она написала 12 писем. Они были

опубликованы и широко известны читателям. Последнее датировано 6 ноября 1942 года. Через неделю, 13 ноября, к ней на связь были посланы Софья Панкова и Клавдия Болдачева («Береза»). Прошел условленный срок, но они не возвращались.

Для выяснения причины нарушения связи с Верой и задержки К. Д. Болдачевой 26 ноября 1942 года в город направляется А. П. Иванькова. Здесь она узнала страшную весть: В. З. Хоружая, Евдокия Суранова, Софья Панкова, Клавдия Болдачева и Воробьевы, всего восемь человек, 13 ноября 1942 года арестованы гитлеровцами. В доме бабушки Маши А. П. Иванькова застала лишь Анну Васильеву, которая тоже арестовывалась, но затем оказалась на свободе. Арест В. З. Хоружей, ее подруг и Воробьевых подтвердили и на другой явочной квартире по Песочной, 25.

То, что провал произошел именно в тот день, подтверждается архивными документами. В сводке витебской городской тюрьмы за 13 ноября 1942 года есть пометка, что в этот день из 2-го отдела полиции прибыли: Клавдия Болдачева, Василий Воробьев, Анна Корнилова, Антонина Заско, Мария Воробьева, Агафья Воробьева, Анна Васильева и Мария Петровская.

В тюрьме по Суражскому шоссе они пробыли пять дней, а 18 ноября 1942 года все были переданы в СД на Успенку. Сначала сидели все вместе, но после первого допроса Веру Хоружую, Софью Панкову и Дусю Суранову бросили в отдельную камеру, изолировав от семьи Воробьевых и связной Клавды Болдачевой. Начались многодневные допросы и пытки.

Двадцать два дня нечеловеческих истязаний выдержали Вера Хоружая и ее боевые друзья. Но никто не сказал фашистам ни слова, кроме А. Васильевой — второй невестки бабушки Маши, которая на очной ставке назвала не псевдоним, а настоящее имя Хоружей. Все вели себя мужественно, стойко, с достоинством, которое приводило в бешенство гитлеровцев. Суранова гневно клеймила фашистских палачей. Агафья Воробьева игнорировала все распоряжения гитлеровцев. Бабушка Маша, человек редких душевных качеств и несгибаемой веры в нашу победу, потрясенная неожиданным провалом, еле держалась на ногах, но не теряла твердости духа.

Нелегко найти свидетелей последних часов жизни этих замечательных советских патриотов. Из кровавых застенков СД на Успенке живыми выходили немногие. Правда, еще до освобождения Витебска от немецко-фашистских захватчиков подпольным горкомом партии предпринимались попытки вы-

яснить время и обстоятельства гибели В. З. Хоружей. Тогда удалось установить, что 4 декабря 1942 года на рассвете из одной камеры было взято сразу двадцать пять человек, в том числе связанная Клавдия Болдачева и семья Воробьевых. Обратившись в камеру никто из них не вернулся. Подробностей гибели Веры Хоружей установить не удалось. Но рассказ одного очевидца заслуживает внимания.

...2 декабря 1942 года в лапы фашистов попала Аня Киташева — разведчица армейской разведгруппы П. В. Будкевича. 3 декабря ее бросили в одну из камер в подвалах СД на Успенской горке. Камеру окутывал полнейший мрак. Лишь изредка вспыхивала тусклая лампочка, когда кого-то вызывали на допрос или приносили тюремную баланду. В эти минуты можно было рассмотреть своих соседей, выбрать более удобное местечко. Из обитателей камеры внимание Ани Киташевой привлекла женщина, которую называли учительницей. Ее мужеством и выносливостью восхищались все, хотя она ни с кем и ни о чем не говорила. За полутора суток, проведенных А. С. Киташевой в этой группе заключенных, «учительница» не произнесла ни одного слова.

В ночь перед казнью она лежала молча и только время от времени тихо стонала. Все ее тело и ноги были в ссадинах и синяках, лицо опухло до неузнаваемости. Подняться она не могла, часто просила пить. Воду в консервной банке ей подавала подруга, одетая во все темное, с черными короткими волосами и редкими зубами. «Учительница» была женщина средних лет, очень худая, с тонкой длинной шеей. Волосы у нее были светлые, короткие, с легкими завитушками на лбу. На ней — темная юбка и желтоватая кофточка. Подруга выглядела старше, но выделялась своей подвижностью, несмотря на следы серьезных побоев.

4 декабря 1942 года, примерно в пять-шесть часов утра, на пороге камеры появились жандармы с собакой. Все стали подниматься. Поднялась и «учительница». С помощью подруги она встала на ноги и что-то шепнула ей. Та метнулась зачем-то к стенке, но в это время гитлеровец ударил «учительницу» дубинкой, и подруга быстро вернулась назад, чтобы поддержать ее. Возможно, это была попытка оставить на стене память о себе, но было уже поздно. Начали вызывать по фамилиям и по одному быстро выводить во двор. Камера опустела. В ней остался единственный обитатель, брошенный сюда накануне, — Аня Киташева. Когда щелкнул замок, ее охватил ужас. Она принялась стучать в дверь и кричать: «Заберите и меня!».

Вскоре всех оставшихся в камерах узников вызвали в коридор и заставили сортировать одежду, сваленную тут же в огромную кучу. Среди многочисленных вещей А. С. Киташева обнаружила знакомую одежду, в том числе бусы женщины, сидевшей с ней рядом в камере. Судьба забранных утром людей не вызвала сомнений. Судя по количеству одежды, похоже, что в тот день состоялась «генеральная» чистка подвалов СД, гитлеровцы уничтожили большое количество советских патриотов.

Анализируя факты, сопоставляя детали, учитывая время и место действия, поведение «учительницы», одежду и внешние признаки патриотов, можно утверждать, что в числе расстрелянных были Вера Захаровна Хоружая и Софья Сергеевна Панкова. В тот же день фашисты расстреляли Воробьевых, Клавдию Болдачеву и Дусю Суранову.

Известно также, что большинство подпольщиков, потерпевших провал в декабре 1942 года, а также в январе — марте 1943 года, было расстреляно на территории бывшего 5-го железнодорожного полка. Именно там, среди десятков тысяч жертв фашизма, покоится прах В. З. Хоружей и ее боевых подруг. Они погибли, как солдаты в бою.

...Так была перевернута последняя страница жизни Веры Захаровны Хоружей. Ей не довелось дожить до светлого дня Победы, ходить по дорогам обновленной земли, любоваться чистыми, солнечными улицами восстановленных городов и деревень.

Жизнь В. З. Хоружей неотделима от партии. Очень хорошо об этом сказала сама Вера в 1937 году, когда по ложным наветам она оказалась перед судом военного трибунала: «У меня нет и никогда не было других, отдельно от партии, интересов. Что выгодно и нужно партии, то выгодно и нужно мне... Партия является для меня самым дорогим в моей жизни».

Во имя торжества великого дела Коммунистической партии, счастья Родины она отправилась и на свой последний подвиг в Витебск. За активное участие в революционной деятельности и проявленный героизм в борьбе против немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны Вере Захаровне Хоружей посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Трудящиеся Витебска свято хранят память о своей легендарной Вере. Ее именем названы бывшая улица Тракторная и средняя школа № 19. О ней поют песни.

ПРАВДА ПРОТИВ ЛЖИ

Преступным целям грабежа и насилия, захвата чужих территорий и порабощения других народов была подчинена также устная и печатная пропаганда оккупантов. Геббельсовские словоблуды пытались внушить советским людям мысль о том, что Красная Армия разбита, с Советами покончено, что германское оружие непобедимо, а поэтому сопротивление бесполезно. Для идеологической обработки населения применялись самые различные формы и методы пропаганды. Она велась при помощи радио, печати, церкви, лекций, докладов. Часть клеветнической литературы фашисты заготовили еще до начала войны с Советским Союзом. По мере оккупации отдельных районов нашей страны гитлеровцы сразу же начали распространять среди населения газеты, листовки, книги, пропитанные враньем, клеветой и членовеконенавистничеством. В них всячески восхвалялся так называемый «новый порядок».

Министерство пропаганды гитлеровской Германии во главе с Геббельсом не жалело средств на пропаганду, не стеснялось врать и обманывать, скрывая от населения оккупированных районов правду о положении на фронтах. Например, заняв Витебск, гитлеровцы поспешили заявить, что их войска уже вступили в Москву и Ленинград.

О разнузданной фашистской пропаганде на территории Белоруссии сообщал в своей докладной в ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко 19 августа 1941 года: «...Немцы развили в занятых областях бешеную агитацию и пропаганду, построенную на лжи, провокации и обмане. Она имеет следующее направление: а) внушение всем мысли о непобедимости германского оружия... в) распространение провокационных слухов и материалов о положении в Советском Союзе, Красной Армии и клевета на вождей, г) ...разбудить у крестьянина мелкособственнические инстинкты, восстановить его против колхозного строя... А чтобы ослабить нашу пропаганду, у населения отобраны все радиоприемники... За поднятие нашей листовки — расстрел».

Гитлеровцы стремились сделать все, чтобы не допустить распространения среди населения правды о положении на фронтах, о героической борьбе нашего народа против фашистских поработителей. С этой целью они забирали радиоприемники, жестоко расправлялись с людьми за чтение и распространение советских листовок.

Антисоветской пропагандой занимались не только штатные пропагандистские работники, но и коменданты, попы, бургомистры и другие ставленники фашистов. Активными пособниками оккупантов в проведении антисоветской пропаганды в Витебске являлись отдел культуры и просвещения городской управы во главе с белорусским националистом, агентом германской разведки Михаилом Рогудей и «Белорусский народный дом» (БНД), где часто выступали националисты и восхваляли «новый порядок», клеветали на нашу страну, налаживались театральные представления и другие мероприятия, направленные на воспитание молодежи в антисоветском духе.

В своей гнусной пропагандистской работе гитлеровцы не пренебрегали услугами предателей из местной интеллигенции. В Витебске их было не так уж много, но и без них не обошлось. Это отец и сын Брандты, журналисты Щербаков («Витбич») и Никита Печенежский, которые организовали издание и стали редактировать лживые фашистские газеты «Новый путь» и «Белорусское слово». В местной типографии миллионными тиражами печатались различные антисоветские листовки, авторами которых чаще всего были ярые антисоветчики Никита Печенежский и Екатерина Гольц. Потoki лжи и клеветы на нашу Родину, на советский народ изрыгал ежедневно городской радиоузел. Специальные агитмашины с радиовещательными установками разъезжали по

улицам города, изощряясь в клеветнических пропагандистских трюках.

Играя на религиозных чувствах отдельных граждан, оккупанты всячески поощряли возрождение церквей, молитвенных домов, различных религиозных сект. В Витебске они открыли церкви на Марковщине, по улице Гоголя, четыре молитвенных дома и множество различных общин. Во главе этих религиозных учреждений находились платные агенты фашистов, в обязанности которых входило насаждать и внедрять в сознание советских граждан реакционную религиозную мораль и чуждую им идеологию, использовать церковный аппарат для шпионажа. Церковный отдел витебской городской управы, во главе которого стоял Павел Пароменский, практиковал издание различных печатных трудов религиозного содержания, предназначенных для распространения среди верующих. Одной из таких книг, изданных в Витебске, был «Краткий молитвослов».

Мутному потоку лживой фашистской пропаганды необходимо было противопоставить правдивое большевистское слово и тем самым дать достойный отпор фашизму в идеологической области. Поэтому политическая работа среди населения имела не меньшее значение, чем борьба против врага с оружием в руках. Надо было использовать такие формы устной и печатной пропаганды, которые бы соответствовали местным условиям, реальной обстановке и были действительными и эффективными в борьбе против фашистской пропаганды.

Зная и понимая силу большевистского слова, оставшиеся в городе коммунисты и комсомольцы старались использовать все возможные источники и материалы для ведения политической работы среди населения. Они припрятали радиоприемники, слушали передачи Москвы, писали на машинке или от руки листовки и распространяли их в городе и окрестных селах. Вторым важным источником сведений о положении на фронте и в советском тылу были листовки и газеты, сбрасываемые с самолетов.

Макар Бабахин и семья Грунтовых, проживавшие в пригородном поселке Подберезье, спрятали радиоприемник и пишущую машинку. Ежедневно они записывали сводки Совинформбюро, размножали их на машинке и распространяли в городе и поселке. Правда о положении на фронтах передавалась из уст в уста.

Более четырех месяцев хранил радиоприемник Андрей Коноплев. Изо дня в день он записывал сводки Совинформ-

бюро и знакомил с их содержанием своих знакомых. Коноплев был связан по подпольной работе с Яковом Анащенко, которому через связную Е. Е. Войтенко-Бруеву передавал последние новости из Москвы. Он не пропускал ни одного сообщения Советского информбюро. По его данным патриоты корректировали карту военных действий на советско-германском фронте, которую немцы вывесили на площади Свободы. Гитлеровцы выдвинули флажки, обозначающие линию фронта, вперед, а ночью подпольщики их отодвинули на положенное место.

С помощью провокаторов фашистам удалось выследить отважного подпольщика. В середине декабря 1941 года Коноплев был схвачен и заключен в казематы СД, где на протяжении нескольких дней подвергался жесточайшим пыткам. 19 декабря 1941 года под усиленным конвоем, со скрученными проволокой руками, его доставили к виселице, сооруженной напротив здания нынешнего областного краеведческого музея. С обнаженной головой, на которой красовались пышные темные волосы, спокойно он шел к месту казни. На груди патриота висела доска с надписью: «Андрей Коноплев. Наказан смертью за хранение радиоприемника и распространение ложных слухов о поражении германских войск под Москвой». Взглянув на надпись, Андрей Георгиевич Коноплев гордо поднял голову, послал последнее приветствие людям и принял смерть, как подобает герою.

Несмотря на угрозу смертной казни, не сдали радиоприемники и слушали передачи Москвы многие другие патриоты города и окрестных деревень. Не подчинился приказу оккупантов и бывший рабочий санатория «Сосновка» комсомолец В. А. Шенковяко. Радиоприемник он прятал под полом. Каждый вечер Володя записывал сводки Совинформбюро, знакомил с ними своих друзей, а через них правда о положении на фронтах распространялась среди всего населения. Вскоре Шенковяко нашел в лесу немецкую радиостанцию и наладил ее работу, пытался связаться с Большой землей. Гитлеровцам стало известно об этом. Во время обыска они обнаружили у Володи приемник и радиостанцию. Фашисты тут же схватили его и через несколько дней расстреляли.

Слушал передачи из Москвы и коммунист А. С. Бобровский — житель д. Старое Село под Витебском. Осенью 1941 года он познакомился с вышедшим из окружения лейтенантом Красной Армии коммунистом Т. А. Морудовым и пригласил его послушать радиопередачи Москвы. С этого времени вокруг них стали группироваться патриоты, объеди-

нившиеся в две самостоятельные подпольные группы. Старосельскую группу возглавил учитель из Витебска П. К. Ляховский, а Т. А. Морудов стал руководителем одной из подпольных групп в городе. Работали они в тесном контакте. Радиоприемник, находившийся в доме Бобровского, помогал патриотам вести политическую работу среди населения, разоблачать фашистских клеветников.

На Витебской электростанции действовала подпольная группа комсомольца В. А. Козловского. Отважный юноша, один из организаторов молодежных отрядов народного ополчения в Витебске, несмотря на ранение, полученное во время оборонительных боев за город, сразу же после возвращения в оккупированный Витебск активно включился в подпольную работу. С помощью друзей Володя собрал радиоприемник и установил его на чердаке в сарае. Ночью патриоты принимали сводки Совинформбюро, а к утру в городе появлялись написанные ими от руки листовки. Активно работала в группе В. А. Козловского комсомолка Г. А. Крастина, возглавившая затем самостоятельную подпольную группу в городе.

Большую политическую работу проводила в оккупированном Витебске подпольная комсомольская группа, в которую входили Л. Д. Березкина, З. Т. Васильева, Н. И. Захаров, В. Д. Корнешонок, Е. Я. Волчок, Н. В. Воробьев, П. И. Гауберг-Иванова и другие юноши и девушки. Лидия Березкина часто приходила к Андрею Коноплеву послушать новости из Москвы, затем сообщала их своим друзьям и соседям. Помогала ему размножать сводки. Позже бесстрашные патриоты из группы Березкиной установили связь с партизанами А. Ф. Данукалова. По заданию партизан они добывали нужные бланки и документы, собирали сведения о немецких воинских частях, приобретали медикаменты, спасали советских военнопленных. Явочная квартира подпольщиков находилась у П. И. Гауберг-Ивановой по улице Замковой, 3.

Постепенно группа крепла и мужала, накапливала опыт. В 1942 году она совершала диверсионные акты, наладила печатание листовок типографским способом.

В начале сентября 1942 года патриоты разработали план уничтожения немецкого узла связи. 7 сентября Лидия Березкина принесла Н. В. Воробьеву, работавшему на телефонной станции, мины и взрывчатку. Комсомолка не подозревала, что за нею вел наблюдение провокатор Анатолий Беячиц. Лидия Березкина и Николай Воробьев были схвачены. По-

следовал обыск в квартире Н. И. Захарова, у которого проживала подпольщица. При обыске были обнаружены мины и листовки. В застенки СД-9 попали Николай Захаров, Зина Васильева, а также Евгений Волчок и Василий Корнешонок, которые были схвачены в тот момент, когда они набирали антифашистские листовки в типографии газеты «Новый путь».

Почти две недели героев-подпольщиков подвергали самым изощренным пыткам в кровавых застенках СД. Судьба патриотов была предрешена. Они прекрасно понимали это и мужественно держались до конца. Об этом свидетельствуют надписи, оставленные ими на стенах камер в подвалах СД. Вот одна из них: «Евсеев Вера, Березкина Лида, 18 лет». Дальше приписка: «Расстрел». Вторая надпись: «Зина, Лида, Коля Захаров». Подпись: «Бомба». Это подпольный псевдоним Лидии Березкиной.

Фашисты решили устроить публичную казнь советских патриотов. Герои-комсомольцы Лидия Демьяновна Березкина, Зинаида Тимофеевна Васильева, Евгений Яковлевич Волчок, Василий Данилович Корнешонок, их старшие товарищи Николай Владимирович Воробьев и Николай Игнатьевич Захаров были повешены 22 сентября 1942 года возле Смоленского рынка.

За агитационно-пропагандистскую деятельность 7 июня 1942 года был казнен гитлеровцами патриот-железнодорожник П. И. Воднев. В распоряжении полевого коменданта майора Рейнгардта говорилось: «Я наказываю русского Прохора Воднева за агитационные речи на работе смертной казнью через повешение».

...Для антифашистской пропаганды подпольщики использовали любую возможность, каждый удобный случай. В первые же дни оккупации Витебска гитлеровцы вывесили на кинотеатре «Спартак» табличку: «Только для немецких солдат». Кто-то из патриотов зачеркнул слово «солдат» и написал «грабителей». Вывесили оккупанты напротив вокзала и на площади Свободы портреты Гитлера. Через несколько дней подпольщик Парфиль Гурин выколол на обоих портретах фюреру глаза. У вокзала по утрам всегда было много народу. Рассказывают, что первой заметила портрет Гитлера с дырками в глазах одна старушка. Всплеснув руками, она, забыв об опасности, воскликнула:

— Ослеп, окаянный! Скорее бы ты, ирод, окошел!

Стоило фашистам вывесить какой-либо приказ или объявление, как рядом появлялись антифашистские листовки. На-

пример, в феврале 1942 года оккупационные власти повсюду наклеили объявления, призывавшие население идти на службу в немецкие учреждения. Каждому за это обещались пища, деньги, табак. Точно такие же объявления, но с иным текстом, появились назавтра на месте прежних. Они призывали идти не на службу к гитлеровцам, а подыматься на борьбу с ними.

Нередко газета «Новый путь» выходила с буквенными опечатками, искажавшими политический смысл написанного. Поскольку группа Лиды Березкиной была единственной в Витебске, связанной с типографией и наладившей там выпуск листовок, то можно утверждать, что делали это подпольщики ее группы.

Во многих семьях отмечались советские праздники. 6 ноября 1941 года в доме М. А. Кузнецовой по Клубному переулку, 6 собрались К. С. Околович, Л. С. Леонова, А. И. Леонова, Тамара Бигус, Г. К. Вишневская, Т. К. Бельская, Вася Кудрявцев, Иван Галузо, спасенный патриотами советский танкист К. А. Галасев. Исполнили «Интернационал», провозгласили тосты: «За Родину!», «За партию!», «За грядущую победу!» Поклялись быть верными Родине и друг другу до конца, бороться с врагом до последней капли крови. Отметим годовщину Октября и подпольщики группы Т. А. Морудова. Краткий доклад сделал руководитель группы. Он рассказал о выступлении И. В. Сталина на торжественном заседании в Москве. Ему удалось прослушать его по радио на квартире у довоенного знакомого, воспользовавшись отсутствием постояльца — немецкого офицера, у которого был приемник.

В праздничные дни 7 ноября и 1 Мая в различных уголках города появлялись красные флаги. «Я сама видела, — вспоминает Варвара Турок (Старовойтова), — красный флаг 7 ноября на здании «Зеркалки» (так называли тогда зеркальную фабрику). Он был небольшой, примерно с метр, не очень яркого цвета. Трудно описать, какое чувство испытали все мы, увидев красный флаг в черной ночи фашистской оккупации».

Несмотря на отсутствие постоянных связей с обкомом в 1941 году, подпольщики Витебска правильно понимали цели и задачи борьбы с врагом, значение политической работы среди населения. Она требовала больших усилий, мужества и самопожертвования.

Большую роль в улучшении политической пропаганды в тылу врага сыграли «Витебские ворота». Через них с февраля 1942 года в глубокий немецкий тыл в большом количестве начали поступать газеты, листовки, плакаты и другие материалы. В каждой листовке содержался призыв: «Прочти и пере-

дай товарищу!». Когда в город поступало большое количество листовок, их разбрасывали в наиболее многолюдных местах, расклеивали на стенах, столбах, заборах, на досках рядом с распоряжениями немецких властей. Это бесило фашистов, но ничего они не могли сделать.

В начале 1942 года ЦК Компартии Белоруссии, Витебский обком КП(б)Б и обком комсомола осуществили ряд мер по расширению политической пропаганды на оккупированной территории. Для транспортировки литературы в тыл врага при отделе пропаганды и агитации Центрального Комитета была создана специальная экспедиция во главе с И. С. Кравченко. 24 мая 1942 года бюро Витебского обкома партии приняло постановление «Об организации пропаганды и распространении печати в Витебской области». Предусматривался регулярный выпуск листовок, указывалось на необходимость их широкого распространения среди населения, на целесообразность использования Западной Двины для засылки в тыл врага листовок в закупоренных бутылках. Была создана культбаза обкома КП(б)Б, через которую политической литературой обеспечивались населенные пункты не только Витебской области, но и многих других областей Белоруссии, а также Прибалтики. Только в августе 1942 года культбаза отправила в тыл свыше двух миллионов экземпляров листовок, большое количество газет, брошюр и агитплакатов.

О чем говорили и к чему призывали листовки? Тематика их была разнообразная, но всегда злободневная. Так, в июле 1942 года Витебский обком партии издал листовку — «К населению Витебской области». В ней подводились итоги первого года войны и содержался призыв вступать «под знамя священной борьбы за честь и независимость своей Отчизны!». В листовке «Гитлеровские бандиты уничтожают белорусский народ» говорилось: «Пролитая кровь белорусских сынов и дочерей, черные пепелища городов и деревень, издевательства над женщинами, тысячи убитых и искалеченных людей — вот следы пребывания фашистских палачей на нашей родной белорусской земле». Здесь же приводились факты чудовищных преступлений гитлеровских убийц в различных уголках области. Страстным призывом звучали заключительные слова листовки: «Разве мы можем терпеть это дальше? Все, как один, поднимайтесь на священную войну. За пролитую кровь отцов, братьев, сестер и детей отомстим фашистским палачам! Кровь за кровь! Смерть за смерть! Бейте, уничтожайте немецких оккупантов и их прислужников всеми средствами и везде, где бы они ни появлялись!»

Вступайте в ряды народных мстителей — партизан! Помогите Красной Армии уничтожать фашистских захватчиков!»

Это было прямое обращение к массам, пробуждавшее и воспаменявшее их патриотические чувства, помогавшее им определить свое место в борьбе против фашизма.

«Всмотрись в этот портрет!» — так называлась листовка-плакат, изданная ЦК КП(б)Б в 1942 году. Она была широко распространена в Витебской и других областях Белоруссии. На листовке штриховой портрет Гитлера. Каждая деталь его лица состоит из искусно вкрапленных художником картин чудовищных преступлений этого кровавого главаря немецких фашистов. Вокруг портрета острый обличительный текст:

«Всмотрись в это лицо. Это тот, по вине которого началась кровопролитная, убийственная война.

Всмотрись. Это тот, который физически истребляет часть нашего народа, а остальных хочет сделать рабами немецких баронов и помещиков.

Всмотрись внимательно. В этом лице ты увидишь горящие города и села родной Белоруссии.

Всмотрись, и ты увидишь повешенных братьев, родных и близких.

Всмотрись, и ты увидишь изнасилованных женщин, растерзанных детей.

Всмотрись в эти страшные глаза людоеда, и ты увидишь смерть.

Всмотрись. Это тот, по приказу которого вешают и сжигают лучших людей на кострах.

Всмотрись. Это тот, кто отправляет на немецкую каторгу наших юношей и девушек.

Это кровавый Гитлер! Смерть Гитлеру и его разбойничьей банде!».

Такие листовки звали на подвиги во имя свободы и независимости любимой Родины. Распространение их было чрезвычайно опасным делом, но ничто не могло остановить советских патриотов.

Политическая работа среди населения приобрела еще больший размах после того, как в июне 1942 года возобновился выход областной газеты «Віцебскі рабочы» (редактор В. Е. Самутин) и многих районных газет. Первой на Витебщине подпольной районной газетой была «Калгасная праўда» — орган Городокского подпольного райкома партии, которая стала издаваться в апреле 1942 года.

«Газета «Віцебскі рабочы», — вспоминал бывший председатель Витебского облисполкома И. Н. Рябцев, — сыграла боль-

шую роль в мобилизации населения на борьбу с врагом. Она рассказывала правду о войне, о положении на фронтах и в нашей стране, разоблачала фашистский «новый порядок», зверства оккупантов. Газета распространялась в Минской, Витебской и даже в Гомельской областях. Был случай, когда к нам вернулся один экземпляр газеты, обошедший Вилейскую и Минскую области. Он был зачитан до дыр».

От распространителей газет, плакатов, брошюр и листовок требовались смелость, находчивость и смекалка. В июле 1942 года, например, партизаны отряда Д. Ф. Райцева начинили листовками тысячи бутылок, собранных на бывшем стеклозаводе «Новка», плотно закупорили их и пустили по Западной Двине. Этот пропагандистский «ледоход», прибывший по течению в Витебск, ошеломил гитлеровцев.

По мере нарастания народного сопротивления политическая работа партизан и подпольщиков среди населения усиливалась. За период с октября 1942 года по июль 1943 года только комсомольскими подпольными организациями Витебска было распространено и расклеено на улицах города более трех с половиной тысяч экземпляров советских газет и листовок, сводок Совинформбюро. К осени 1943 года на территории области в подпольных типографиях издавалось семнадцать районных газет, огромная масса листовок.

Политическая работа давала замечательные плоды. Население города и его окрестностей всячески поддерживало партизан и подпольщиков, укрывало их, оказывало содействие в проводимой ими работе. Переставали верить фашистской пропаганде многие заблуждавшиеся и вставали на путь активной борьбы с фашистскими оккупантами. В партизанские отряды стали уходить целыми семьями. Участились групповые побеги военнопленных из города. За август — октябрь 1943 года только в 1-ю Витебскую партизанскую бригаду влилось более ста горожан. Почти треть личного состава партизанского отряда П. З. Потапенко составляли военнопленные, бежавшие из Витебска. Подпольщик П. И. Вишневский лично переправил в партизанскую зону 80 военнопленных и жителей города. Столько же людей вывела из Витебска руководитель подпольной группы Т. П. Суторман совместно с А. М. Козловой.

Значительную работу проводили подпольщики по разложению войск противника. С большим риском они распространяли среди гитлеровских солдат листовки на немецком языке. Так, подпольщик Александр Крицкий, работавший на железной дороге, получил для распространения среди немецких солдат обращение комитета «Свободная Германия». Там, где обычно хо-

длии гитлеровцы, охранявшие станцию, он положил несколько листовок и стал наблюдать. Подошел один солдат, поднял листовку, осмотрелся и спрятал ее в сапог. Другой сделал то же самое. Тогда подпольщик решил пойти на риск и стал вручать листовки прямо в руки солдатам, невинно говоря при этом: нашел, мол, какой-то листок, но не понимаю, что здесь написано. Гитлеровцы охотно принимали листовки, прятали их, а Крицкому говорили: «Гут! Гут!». Под воздействием правдивой и убедительной советской пропаганды и деятельности комитета «Свободная Германия» некоторые немецкие военнослужащие переходили на сторону партизан.

БОЕВОЕ БРАТСТВО

В июне 1943 г. к партизанам 1-й Белорусской бригады пришел из Витебска солдат немецкой воинской части Иоганн Гансович Лойда. «Я пришел к вам, — сказал он, — как чех, понимающий, что нет нужды бороться за фашистскую Германию. Вместе с тем я хотел бы предупредить вас о том, что немцы дешифруют ваши телеграммы, что связано иногда с большими потерями в людях и технике. Если вы считаете, что я принес этим пользу вашей Родине в деле борьбы с фашистами, то мне больше ничего не надо». Иоганн Гансович, или, как себя он называл, Иван Иванович, передал командованию бригады сведения, представлявшие ценность не только для партизан, но и для Советских Вооруженных Сил в целом. В частности, он сообщил данные о характере, количестве и размещении немецких воинских частей в Витебске, о системе и результатах немецкой радиоразведки.

Иоганн Лойда служил в немецком подразделении, которое занималось расшифровкой радиogramм Красной Армии и партизанских бригад. Для осуществления радиоразведки оно имело 60—70 автомашин с опознавательными знаками «Стрела», а с мая 1943 года — «Голова слона с двумя ушами», как символ подслушивания. Десятки самых совершенных по тому времени радиоприемников и семь пеленгаторных установок,

расположенных в Витебске, Сураже и других пунктах области, работали круглосуточно. С их помощью гитлеровскому командованию удалось засесть радиостанции 3-й и 4-й Ударных армий, рации более десяти партизанских бригад и вести за ними постоянное наблюдение, расшифровывать важнейшие радиogramмы. Чешский патриот рассказал, какие системы советских шифров наиболее легко поддаются расшифровке и что необходимо сделать для снижения эффективности немецкого радиопионажа.

Иоганн Гансович Лойда рассказывал о себе, что он родился в 1912 году, в саксонском городе Матвайда, в семье рабочего, ставшего позже коммунистом. Учился в машиностроительном институте. Собирался стать гражданским специалистом, посвятить себя мирной профессии. Он не хотел воевать. Но, помимо своего желания, был призван в немецко-фашистскую армию и в 1942 году отправлен на советско-германский фронт. В 1943 году в составе 619-й роты радиоразведки прибыл в Витебск.

С первых дней службы в фашистской армии И. Г. Лойда подыскивал удобный момент, чтобы вырваться из окружения нацистов. В Витебске он познакомился с комсомолками Галиной Лятохо и ее подругой Валентиной Крыжевич, с Н. В. Кочетовым и его женой Зинаидой Филатовной, попав таким образом в одну из подпольных организаций, действовавших в пригороде Витебска — в деревне Разувайка. После нескольких встреч и откровенных бесед Иоганн Лойда стал просить Галию Лятохо помочь ему перейти к партизанам, так как он не хочет воевать против своих. С каждым днем его просьбы становились все более настойчивыми. Иоганн заверял, что он не может больше ждать: речь идет об очень важных делах, касающихся Красной Армии. Немцы знают, где находятся партизаны и что они передают на Большую землю, какие у них силы и потребности.

И вот однажды Лятохо предложила ему готовиться в партизаны, хотя где-то в душе таилось сомнение. А вдруг провокация? Через своего друга Яна Вильковича и Нину, жившую на Песковатике, Галя сообщила в 1-ю Белорусскую партизанскую бригаду, что к ним хочет перейти солдат немецких войск, чех по национальности. Во избежание каких-либо недоразумений было решено дать ему маршрут по деревням, и если он честный человек, не потянет за собой «хвост», то его встретят партизаны.

Чтобы запутать следы и скрыть от гитлеровцев действительную причину исчезновения Лойды, был разработан такой

план: оставить на берегу Западной Двины немецкую форму Лойды, часть его писем и фотокарточек и, таким образом, навести гитлеровцев на мысль, что он купался и утонул. Так и было сделано. Гитлеровцы несколько дней искали пропавшего, опрашивали население, в том числе и Лятохо, нашли на берегу обрывки писем, порванную фотокарточку, носки (одежда за это время куда-то исчезла). На этом поиски Лойды прекратились. Операция «Иван Иванович» была проведена успешно. Лойда находился в партизанском отряде.

Сохранился волнующий документ — приветственная открытка Иоганна Лойды, адресованная Галине Лятохо в 1943 году по случаю дня ее рождения. Он писал: «Моя милая Галя! Ко дню Вашего рождения желаю Вам от полного сердца асаго хорошего, много счастья, здоровья. Также желаю в будущем году пожать Вашу руку и видеть перед нами уже ясное будущее. Ваш Иван Иванович».

Но 1944 год, как желал И. Г. Лойда, не был для Гали Лятохо и ее друзей по подполью счастливым. По доносу предателя Константина Ананьева она, три ее сестры и Ян Вилькович в сентябре 1943 года были схвачены гитлеровцами, подверглись жестокому пыткам, а затем были отправлены в лагерь смерти «Освенцим». Там погибла ее сестра Зинаида. Галя участвовала в лагерном патриотическом подполье. Из лагеря ее освободила Красная Армия.

За героизм и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Галина Филатовна Лятохо (ныне Дворникова) удостоена высокой правительственной награды. Она живет и работает в городе Вильнюсе.

Фашисты боялись идейного влияния, которое могли оказать советские люди на «рыцарей похода на Восток». Не случайно в секретной инструкции, изданной еще 1 июня 1941 года в Берлине под названием «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими», давался наказ будущим оккупантам: «Остерегайтесь русской интеллигенции, как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция... обладает особым обаянием и искусством влиять на характер немца. Этим свойством обладает русский мужчина и еще в большей степени русская женщина... Не заражайтесь коммунистическим духом».

Но никакие, даже самые строгие инструкции и уставы не могли предотвратить общение немецких солдат и офицеров с мирным населением, с советскими людьми. В процессе этого общения и под воздействием политической пропаганды партизан и подпольщиков в армии вермахта появлялось все боль-

ше и больше военнослужащих, враждебно настроенных к гитлеровскому режиму и войне.

...Угроза гибели детей от голода заставила жену советского офицера Анну Алексеевну Сеткину пойти работать в подсобное хозяйство немецкой авиационной части. Здесь она имела возможность незаметно прихватить иной раз кое-что из овощей и накормить троих малолетних детей.

За продуктами в хозяйство обычно приезжал немецкий шофер Эрих Паленга. Анна Алексеевна долго и внимательно присматривалась к нему, все чаще вступала в разговоры. Постепенно они познакомились настолько, что могли говорить совершенно откровенно. Эрих часто в шутку называл Сеткину партизанкой. Она вначале бледнела от страха, молчала. Однажды, когда вблизи никого не было, Паленга сказал:

— Партизан — это хорошо!

— Почему же вы здесь, если «партизан — это хорошо»? — спросила его Анна Алексеевна.

— Если бы я знал, где они! — в голосе Эриха чувствовалось искреннее сожаление.

— Хорошо, я попытаюсь узнать, — пообещала Сеткина, хотя лично еще не имела связей с партизанами. Она знала, что Надя Лебедева (ныне Жбанкова) бывает у партизан, и решила посоветоваться с ней, что сказать немецкому солдату, как поступить дальше.

Через несколько дней, получив положительный ответ от Нади, Анна Алексеевна сообщила Эриху, что встретила человека, который может провести его в партизаны. Паленга очень обрадовался и предложил совершить побег на грузовой автомашине. Так и сделали. 19 октября 1943 года, прихватив с собой Анну Алексеевну Сеткину с детьми и патриотов Ивана Жбанкова и Казимира Поплавского, Эрих Паленга выехал из Витебска по старой Сенненской дороге. За городом их встретил партизанский проводник. В тот же день они прибыли в партизанскую бригаду «Алексея» и были определены в отряд «Прогресс».

В связи с побегом К. Поплавского и И. Жбанкова группа тайной полевой полиции (ГФП-703) докладывала командование 3-й танковой армии: «Эти два молодых человека работали на аэродроме, и их должны были увезти на работу в Германию. Они удрали из вагонов... 19.10. они удрали из Витебска вместе с дезертиром ефрейтором Эрихом Паленга... Они поехали на грузовой машине. Паленга взял с собой Анну Сеткину, шесть канистр бензина, две винтовки, три ящика боеприпасов и отвез все это партизанам».

Более шести месяцев отважно сражался с гитлеровцами тридцатисемилетний немецкий антифашист Эрих Францевич Паленга. Когда в апреле 1944 года фашистские каратели плотным кольцом окружили партизан Полоцко-Лепельской зоны, Эрих Паленга был среди тех, кто стоял насмерть, кто ходил в рукопашные схватки с врагом, кто показал высокое мужество в ожесточенной битве с немецко-фашистскими карателями у озера Палик.

Многие партизаны Богушевской бригады и бригады «Алексея» хорошо помнят учительницу Скридлевской неполной средней школы, отважную разведчицу комсомолку Валентину Демьяновну Шелуху. Когда немецко-фашистские войска подходили к району, Валентина обратилась в райком комсомола с просьбой оставить ее для работы в тылу врага. Получив задание, подробный инструктаж и явки, молодая учительница осталась в богушевском партийно-комсомольском подполье. Жила она в родной деревне Застодолье. Валентина и ее друзья Ольга Войтихова, Ольга Сидоренко, Александр Молчанов, Мария Соловьева и Мария Кавалкина собирали оружие и передавали его партизанам, обеспечивали продуктами армейские группы, оставшиеся в окрестных лесах после окружения, распространяли среди населения сводки Совинформбюро и листовки.

По заданию Богушевского подпольного райкома партии осенью 1941 года Валентина Шелуха часто ходила в оккупированный Витебск для налаживания связей с городским подпольем и сбора разведывательных данных. В этом ей помогали коммунист В. А. Пятницкий и его дочь Алла. Позже вся семья Пятницких была расстреляна гитлеровцами.

В июле 1942 года, выполняя задание подпольного райкома партии и партизанской бригады «Алексея», Валентина пришла в Витебск и остановилась у коллеги по довоенной работе Лидии Николаевны Овсянкиной (ныне Ходоренко). Жила она в поселке Тарокомбината, по соседству с немецким военным городком. Лучшее место для ведения разведки трудно было подобрать. Здесь все на глазах, а главное — много словоохотливых гитлеровских солдат. Были они разные: и отъявленные фашисты, и такие, которые не прочь поболтать о положении на фронте, о последних новостях. В беседах девушки старались узнать мнение солдат о перспективах войны и таким образом определяли их моральный дух, политические настроения.

К Лидии Николаевне часто приходили местные учителя Мария Тимофеевна Цветкова (ныне Махонина), Клавдия Ивановна Потапенко, Александра Николаевна Овсянкина и ученица 17 средней школы города Витебска Зина Гальня, спасшая

знамя своей школы и передавшая его партизанскому отряду. Так возникла подпольная группа; возглавила ее Валентина Шелуха.

На связь к партизанам и для передачи им необходимых сведений ходили Валентина Шелуха, Лидия Овсянкина, Мария Цветкова. Неутомимыми их помощниками были молодые учителя из деревень Застодолье и Обухово — Ольга Сидоренко и Валентина Абозовская. Через них разведчицы получали от партизан задания, листовки, сводки Совинформбюро, продукты, а им посылали разведывательные данные и медикаменты.

По вечерам девушки часто собирались вместе на квартире у Лидии или Марии, чтобы обменяться впечатлениями, накопившимися за день, обобщить собранные сведения, наметить план на завтра, договориться, кто пойдет на связь в бригаду. Поселок Тарокомбината стоял особняком за Двиной. Люди здесь жили дружные, самоотверженные. Тарокомбинат являлся удобным местом для проникновения в город армейских и партизанских разведчиков и выхода из города. Десятки советских военнопленных получали здесь помощь и приют перед тем как уйти в партизаны.

В поселке иногда устраивались вечеринки. Но молодежь собиралась не для того, чтобы веселиться. Это был единственный способ обойти рогатки оккупационного режима, открыто собраться вместе, лучше узнать друг друга, услышать что-либо новое, встретиться с нужным человеком.

Часто на вечеринки приходили немецкие солдаты. Многим из них нравились русские и белорусские народные песни и танцы. Иногда попросит немецкий солдат:

— Рус, сырай «Катюшу»! — И над настороженным поселком вдруг взлетал знакомый напев. Парни и девчата с радостью подхватывали любимую песню. В такие минуты они представляли иные «Катюши», первые залпы которых еще летом 1941 года прогремели под Оршей, мысленно были рядом со своими отцами и братьями, сражавшимися с фашистскими ордами на фронтах войны.

Валя, Лида и Мария старались не пропускать вечеринок. Здесь можно было услышать, о чем говорят люди, видеть, кто как себя ведет. Можно было вступить в разговор с солдатом или офицером гитлеровской армии, узнать, откуда и когда он прибыл, когда и почему собирается уезжать.

В один из воскресных августовских вечеров 1943 года девушки заглянули на очередную вечеринку. Заняли, как обычно, свое место у порога, уклоняясь под разными предлогами от приглашений потанцевать. Вечер был в разгаре, когда зашли

двое в форме немецких солдат. Раньше их здесь не примечали — значит, новички. Вели они себя довольно скромно, и это сразу бросилось в глаза. Стали позади девушек и смотрели на танцующих через открытую дверь, обмениваясь короткими репликами. Их речь не походила на немецкую. Девушки переглянулись. Один из них на ломаном русском языке обратился к Марии:

— Почему девушки не танцуют?

— А вы почему? — вопросом на вопрос ответила Мария.

— Нет настроения. Не такое сейчас время, чтобы танцевать.

— В таком случае пора и домой, — сказала Валя, чувствуя, что перед ними хорошие и нужные люди.

Вышли на улицу. Оказавшись наедине с девушками, один из попутчиков, как бы продолжая начатый в доме разговор, бросил им упрек:

— Нехорошо, девушки, ваши братья на фронте погибают, а вы здесь танцуете.

— А что же мы должны делать? — наивно спросила Валя.

— Надо воевать!

— Где? С кем? — поинтересовались девушки.

— В партизанском отряде.

— В партизанском отряде? — удивилась Валя. — Не собираетесь ли и вы воевать в партизанском отряде?

— Да, собираюсь!

Наступило неловкое молчание. «Кто они? — думала Валя. — Кто скрывается под мундиром фашистского солдата? Не провокация ли?». В бригаде предупреждали, что в городе действуют провокаторы, провалилось много подпольщиков. Перебрав в памяти все только что услышанное, Валентина отбросила эту мысль и, очнувшись от минутного оцепенения, спокойно, как будто и не было никакого разговора, сказала:

— Ну, нам пора. Порядок есть порядок — скоро комендантский час. — И, не останавливаясь, девушки повернули на квартиру к Овсянкиной.

На следующий день Валя, Лида и Мария решили никуда не выходить, отсидеться дома. «Так лучше», — думали они. Но мысль о вчерашней встрече не давала покоя. С таким трудом и риском придираться отбывавать каждого человека в лагере врага, из десятков и сотен отбирать того, кто нужен, кто не подведет, кто поможет в выполнении ответственного задания бригады. А тут вроде сами просят.

Что-то подкупающее, искреннее чувствовалось в этих солдатах. У них не было самоуверенности и наглой навязчиво-

сти, характерной для большинства гитлеровских солдат и офицеров. Даже внезапно прерванный разговор и поспешный их уход не вызвал у них раздражения. Молча, застыв на месте, солдаты провожали их взглядами до самой квартиры.

— Завтра пойду в бригаду, расскажу об этой встрече, — заявила Валя подругам. — Посоветуюсь, что делать дальше. Вот так, прямо, могут говорить или друзья или провокаторы. Попробуй разберись.

Так и порешили. День клонился к закату. Вместе собрали узелок с нехитрыми пожитками для «обмена» в деревне на продукты. Хотя пропуск у Вали был настоящий, но осторожность всегда нужна. Поели картошки в мундирах с солью, залили холодной водой и стали готовиться ко сну.

В дверь постучали. Лида взглянула в окно и, бросившись прикрывать разобранную постель, прошептала:

— Девушки, вчерашние знакомые!

— Ну, что же, продолжим разговор, — оживилась Валя и пошла открывать дверь.

— Милости просим, господа партизаны! — отвечивая низкий поклон и уступая дорогу, встретила она незваных гостей.

— А почему бы и нет, — в тон ей ответил среднего роста, стройный темноволосый солдат.

— Нет, вы это серьезно? Вот здорово! Непобедимые немецкие солдаты, и вдруг захотели в партизаны! Отчего бы это? Офицеры, а может, сам Гитлер обидел? — захлебывалась от смеха Валя.

— Не надо смеяться, девушки, — совершенно серьезно заявил он. — Давайте лучше знакомиться. Я — Вилим, а это мой друг Вацлав.

— Валя, Лида и Мария — учительницы без учеников, — представила разом всех Шелухо. — Чем можем служить?

— Мы не фашисты и даже не немцы, — присаживаясь к столу, заговорил Вилим. — Мы чехи, чешские комсомольцы. Не по своей воле носим эти мундиры. Они жгут тело. Мы ненавидим фашистов. Они поработили народы Европы, в том числе и нашу родину — прекрасную Чехословакию. Теперь в опасности первая в мире страна социализма. Верим — Россия победит, но и мы не можем стоять в стороне. Помогите нам связаться с партизанами. Вам это легче сделать. Видим, вы настоящие советские девушки.

Вилим и Вацлав рассказали о себе, как они оказались в войсках вермахта, о давно задуманном плане побега. Но как и куда? Здесь они никого не знают.

Расставаясь, Валя сказала:

— Не знаю, что вам и посоветовать. Люди мы городские, а партизаны, говорят, находятся в лесах. Пойду завтра в деревню добывать продукты — попытаюсь расспросить. Заходите.

Так Валентина Шелухо, Лида Овсянкина, Мария Цветкова, а затем и Клавдия Потапенко познакомились с чешскими патриотами Вилимом Креузигером и Вацлавом Шмоком, которые работали в немецких полевых авиаремонтных мастерских на витебском аэродроме, а через них — с немецким антифашистом Фрицем Шнайдером.

Вилим Губертлович Креузигер родился 20 ноября 1914 года, был членом Союза Коммунистической молодежи Чехословакии с 1930 года. Неоднократно арестовывался и сидел в тюрьмах за политическую деятельность, лишился права проживать в родном городе Юзофове и его окрестностях. В период фашистской оккупации страны активно участвовал в рабочем движении. В конце 1942 года был мобилизован в вермахт и в составе легкой полевой авиамастерской отправлен на советско-германский фронт в качестве авиаслесаря. Весной 1943 года он попал на витебский аэродром. С первого же дня службы в армии Вилим делал все, чтобы поступающие в мастерскую немецкие боевые самолеты как можно дольше находились там или направлялись для капитального ремонта на военные заводы в Германию.

На витебском аэродроме он привлек к подрывной работе своего соотечественника Вацлава Шмока и немецкого антифашиста Фрица Шнайдера, работавшего механиком по электроприборному оборудованию. Так возникла группа диверсантов, действовавшая на аэродроме на протяжении четырех-пяти месяцев 1943 года. Будучи высококвалифицированными специалистами, Вилим, Вацлав и Фриц устраивали скрытые дефекты в бензобаках, приборах, системе энергопитания и сигнализации самолетов, ослабляли узлы крепления, уничтожали гидравлическое масло, острый недостаток в котором испытывали немцы.

Установив контакт с группой В. Д. Шелухо, антифашисты еще больше активизировались. Они распространяли листовки, полученные от подпольщиц, вели агитационную работу среди немецких солдат, добывали медикаменты для партизанского госпиталя, сопровождали девушек по городу для сбора разведывательных данных, передавали подробнейшую информацию об аэродроме, подавали сигналы советским самолетам, взрывали склады боеприпасов и продовольствия.

Столкнувшись с фактами саботажа на аэродроме, гитлеровцы взяли под подозрение всех, кто имел отношение к ремонту самолетов. Чтобы предотвратить провал, Вилим Креузигер и Вацлав Шмок получили указание уйти в лес. 10 октября 1943 года в сопровождении Валентины Шелухо и Лидии Овсянкиной они прибыли в партизанскую бригаду «Алексея». Партизаны тепло встретили своих чехословацких братьев.

Вилим Креузигер возглавил в бригаде интернациональную группу, состоявшую из чехов, словаков, югославов и немцев. Они храбро сражались с фашистскими захватчиками, участвовали во многих боевых операциях, в том числе в боях с карателями у озера Палик. Вацлав Шмок входил в группу подрывников, которая спустила под откос два эшелона с живой силой и техникой противника: 16 октября 1943 года в районе станции Сосновка и 18 октября в районе станции Замосточье. Он штурмовал вместе с партизанами многие гарнизоны противника, восемь раз подрывал рельсы на железных дорогах. Только в апреле 1944 года уничтожил из своей снайперской винтовки 20 гитлеровцев. Был дважды ранен. На боевом счету у Вилима Креузигера 7 подорванных автомашин, 2 бронемашины, 12 уничтоженных мостов и до 10 километров линий телефонной связи противника. Вот один из примеров храбрости и мужества Вилима Креузигера.

Уже девять дней бригада «Алексея» отражала бешеный натиск фашистских карателей в Ушачском районе. Отряд «Прогресс», в котором находился Креузигер, держал оборону на дороге Логи — Бушенка. 25 апреля 1944 года две роты отряда были брошены в обход гитлеровцев, угрожавших прорвать оборону между соседними партизанскими бригадами. Оставшиеся две роты были внезапно атакованы пехотным батальоном противника. Завязалась жестокая схватка. Казалось, вот-вот гитлеровцы сомкнут передовые линии партизан. В этот критический момент на бруствере окопа выросла стройная худощавая фигура Вилима Креузигера. Презирая смерть, он поднял автомат над головой и крикнул: «Вперед, товарищи, за Родину!» Громовое «Ура!» потрясло поле боя, и партизаны все, как один, бросились вперед. Противник не выдержал натиска и обратился в бегство. Партизаны уничтожили 45 гитлеровцев, в том числе командира батальона.

После соединения с частями Красной Армии в июле 1944 года чехословацкие патриоты участвовали в освобождении своей родины в составе корпуса генерала Свободы, сражались под Дуклой, Ратибором, Опавой, Моравской-Оставой.

...Проводив Креузигера и Шмока в лес, Шелухо и Овсян-

кина возвратились в Витебск, чтобы отправить к партизанам группу немецких антифашистов. Но было уже поздно. Часть, в которой они служили, неожиданно отправили на фронт.

Однажды Валентина Демьяновна Шелухо получила задание добыть план Витебска с нанесенными на него военными объектами врага. Задание не из легких. Для выполнения его необходимо было проникнуть, что называется, в самое логово оккупантов в городе. Партизанская разведчица снова решила прибегнуть к помощи антифашистов.

В октябре 1942 года Валентина познакомилась с сотрудником витебской фельдкомендатуры. Он назвал ей только свое имя — Эрих. Как затем выяснилось, Эрих был немецким коммунистом, журналистом по профессии, ненавидел фашизм, но действовал исключительно осторожно. Прежде чем довериться Валентине, он долго проверял ее. Когда убедился, что она действительно ненавидит фашизм и активно борется с ним, начал помогать нашей разведчице. Эрих выдал ей специальный пропуск фельдкомендатуры, неоднократно давал бланки пропуска с подписями и печатью для партизанских связей.

Из бригады «Алексея» Валентина приносила в город сводки Совинформбюро, газеты, листовки. Эрих разбрасывал и расклеивал их в самых опасных местах: в комендатуре, на дверях штабов немецких воинских частей, на приказах и объявлениях гитлеровцев, подкладывал в служебные папки немецких офицеров. Он дважды предупредил партизан о предстоящих карательных экспедициях против них. Свои донесения он подписывал: «Таинственный друг». Как представителю фельдкомендатуры, Эриху не составляло особого труда вести разведку. Он заходил в любую воинскую часть, предьявлял свое удостоверение, получал необходимые данные и затем передавал их Шелухо. «Таинственный друг» помог нашей разведчице добыть и план Витебска, нанести на него военные объекты врага. По этому случаю в дневнике партизанской бригады «Алексея» имеется следующая запись: «Подпольщицей Шелухо Валентиной из витебской фельдкомендатуры был добыт план города Витебска». За этими скупыми словами таится напряженная работа, требовавшая величайшей собранности и риска, непоколебимой веры в победу нашего справедливого дела.

О «Таинственном друге», к сожалению, нам известно очень мало, только его имя. В свое время на предложение Валентины Демьяновны уйти в партизанский отряд Эрих ответил:

— Борьбу с фашизмом можно вести везде. В армии для меня более выгодная позиция. Находясь здесь, я принесу больше пользы для вас, чем в партизанском отряде.

На этом они и расстались осенью 1943 года, когда Валентина получила указание уйти из города.

После войны В. Д. Шелухо и ее боевые друзья вновь работают на ниве народного просвещения. Им есть что вспомнить, есть о чем рассказать нашему подрастающему поколению.

В августе 1966 года в Праге состоялся XVIII Всемирный конгресс Международной организации преподавателей художественных дисциплин. В числе делегатов конгресса была и заслуженная учительница БССР В. Д. Шелухо. Но самое радостное событие для нее произошло после конгресса. 14 августа 1966 года, после двадцатилетней разлуки, Валентина Демьяновна встретила в городе Карвина с Вилимом Креузигером, познакомилась с его семьей: женой Марией — заслуженной учительницей школ ЧССР, дочерью Евой и сыном Петей. Встреча вылилась в настоящий праздник братской дружбы. Приветствовать В. Г. Креузигера и В. Д. Шелухо пришли товарищи Вилима по работе. Друзья вспоминали боевые эпизоды из подпольной и партизанской борьбы на Витебщине в годы Великой Отечественной войны. Под аккомпанемент Евы исполнили любимые партизанские песни. В семье Креузигера все любят и хорошо знают русский язык, часто говорят на нем, читают произведения советских писателей.

Дружба чехословацкого коммуниста Вилима Губертовича Креузигера с бывшими витебскими подпольщиками продолжается и после войны. 16 ноября 1965 года он писал бывшему партизану — алексеевцу Владимиру Гавриленко:

«В течение 20 лет я с чувством любви и гордости вспоминал нашу партизанскую семью. Я люблю советских людей, которые принесли большие жертвы в борьбе за свободу народов мира. В большой любви к Советскому Союзу и советскому народу я воспитываю своих детей и ежедневно напоминаю им, что без помощи Советского Союза мы не были бы свободны. Для чешского народа и народов социалистического лагеря только один путь — путь вечной дружбы с Советским Союзом — нашим освободителем. В дружбе с СССР — гарантия нашей свободы и счастливой жизни».

В ноябре 1968 года Вилим Креузигер вместе с женой Марией посетил Витебск, встречался с друзьями по оружию, со студенческой молодежью, в своих выступлениях разоблачал контрреволюцию, пытавшуюся восстановить в Чехословакии капитализм, горячо приветствовал помощь войск стран Варшавского договора.

А через год, 2 ноября 1969 года, он с радостью сообщал В. Д. Шелухо: «Положение в партии и стране консолидирует-

ся. Дружба с Советским Союзом укрепляется, и мы переживаем дни радости. Мы их переживаем потому, что ни на минуту не отступали от принципов пролетарского интернационализма, что мы в самое тяжелое время публично защищали дружбу с Советским Союзом, что мы остались верны марксизму-ленинизму. Войска Советской Армии мы встретили 21 августа 1968 года как своих братьев.

23 октября 1969 года я был единогласно избран председателем общезаводского комитета партии, и наша мамочка (Мария Креузигер. — Авт.) председателем народного фронта в нашем поселке».

Бывший витебский подпольщик, партизан и сейчас в центре активной партийной и общественной жизни социалистической Чехословакии, работает секретарем парторганизации крупного химического комбината.

...Летом 1942 года в художественной мастерской Б. С. Шарендо появился немецкий солдат и попросил нарисовать картину. Позже, когда они ближе познакомились, он назвался «геноссе Яном» из Вены и сказал, что любит свой народ, свой город Вену и ненавидит Гитлера и войну, которая отняла у него двух сыновей. За нарисованные картины Ян приносил подпольщикам медикаменты и индивидуальные пакеты. Завоевав их доверие, он все чаще стал приходить к Шарендо и члену группы В. Т. Романову, предупреждал, когда будет облава или проверка документов в городе, а однажды явился без предупреждения к руководителю группы на квартиру и принес четыре гранаты и сотню патронов. Заметив испуг на лицах домочадцев, он заявил: «Если вам это не надо, то передайте лесным камрадам».

Несколько позже «геноссе Ян» познакомил подпольщиков с двумя своими товарищами, простыми рабочими из Берлина Эрнстом и Максом. Первый работал кладовщиком в лагере военнопленных, другой, как и Ян, в охране лагеря. Все трое охотно приобщились к подпольной работе. Эрнст доставал одежду и готовил к побегу военнопленных, а охранники Ян и Макс обеспечили уход из лагеря.

Чтобы ослабить воздействие коммунистической пропаганды, фашистская газета «Новый путь» периодически публиковала статьи под рубрикой «Большевистские листовки», объявляя их лживыми. Но здесь же гитлеровцы вынуждены были признать, что «пропаганда большевиков занимает видное место в работе в тылу немецких войск, панические слухи проникают кое-куда, мешая нормальному течению жизни». Всем жителям предлагалось сдавать найденные советские листовки в

полицию, иначе — наказание вплоть до расстрела. Однако и после такого грозного предупреждения патриоты города не прекратили политической работы среди вражеских солдат.

Большой победой витебских подпольщиков явился переход на сторону партизан 825-го волго-татарского батальона. Национальные формирования из военнопленных татар, башкир и других народов Поволжья стали создаваться фашистской Германией вскоре после поражения немецких войск под Москвой. Тотальная мобилизация не помогла, дивизии таяли, гитлеровское командование усиленно искало резервы для укрепления своей пошатнувшейся военной мощи. Вербовка в легион «Идель-Урал» (Идель — по-татарски Волга) началась в 1942 году по всем лагерям военнопленных. Люди шли в легион под угрозой смерти. Ценой огромных усилий фашистам удалось создать несколько национальных батальонов, в том числе и 825-й, который должен был первым выступить с оружием в руках против своей Родины. Но гитлеровцы просчитались. К моменту отправки из города Радома на Восточный фронт, благодаря усилиям патриотов-татар во главе с поэтом Мусой Джалилем, в батальоне была создана крепкая подпольная антифашистская организация. Члены ее дали клятву, что волжские татары не выпустят ни одной пули против партизан или Красной Армии.

После соответствующей военной подготовки и идеологической обработки батальон был обмундирован, хорошо вооружен и 14 февраля 1943 года специальным эшелоном отправлен на восток. Гитлеровское командование возлагало на него большие надежды. Он направлялся на помощь немецкой дивизии, которая в это время участвовала в карательной экспедиции против витебских партизан.

Прибыв в Витебск в ночь на 19 февраля 1943 года, батальон был срочно разгружен и с ходу двинулся по Суражскому шоссе в район Бабинич и Бельнович. В эту же ночь подпольщики сообщили партизанам подробнейшие данные о наименовании, составе, целях и задачах батальона. К исходу 20 февраля он разместился в деревнях Сеньково, Сувори и Гралево Бабиничского сельсовета. На противоположном берегу Западной Двины в это время держала оборону 1-я Витебская партизанская бригада под командованием М. Ф. Бирюлина. Их разделяла теперь только скованная льдом Западная Двина.

Понимая, что с часу на час батальон может быть брошен в бой против партизан, руководители подпольной группы батальона сразу же стали искать связи с партизанами. Инициативу перехода к ним взяли на себя батальонный врач Григо-

рий Жуков, ветеринарный врач Анатолий Муталло, адъютант командира батальона немецкого майора Зекса — Таджиев, командиры взводов Юсупов, А. З. Галеев, Александр Трубкин, В. Х. Лутфуллин, командир штабной роты Х. С. Мухамедов, помощник командира штабной роты Латыпов, Рахимов из хозяйственной части и другие.

В деревне Сеньково Григорий Жуков, Анатолий Муталло и Рахимов встретили восьмилетнего Толю Прохоренко и попросили его показать им девушку, которая не дружит с немцами. Толя привел их в дом Нины Буйниченко. Мальчик, конечно, не знал, что комсомолка Нина Буйниченко являлась разведчицей партизанского отряда Г. И. Сысоева, но какое-то подсознательное чувство привело его именно к ней. Нина и ее подруга Софья Небылова приняли деятельное участие в судьбе батальона. Они помогли патриотам связаться с комиссаром партизанского отряда И. Г. Григорьевым и начальником разведки отряда Игорем Тимощенко. В качестве пропуска Нина дала им свою красную косынку и записку. Жуков передал подпольщице пачку каких-то документов, которые она переправила в отряд.

Восстание батальона и его переход на сторону партизан произошли спустя несколько дней. Вот как описывает это событие партизан А. Н. Немыкин, который был его очевидцем. «Настало утро 22 февраля 1943 года. День ясный, слегка морозный. Я, Старанцов и Матюшевский-младший, маскируясь, шли по берегу Западной Двины. Около поселка Руба с противоположного берега навстречу нам направились три человека. Они представились и попросили разрешения дать белую ракету — сигнал, означавший, что связались с партизанами. В ответ получили ракету — сигнал принят.

Они заявили, что ночью батальон должен перейти на сторону партизан, ибо завтра будет поздно — начнется карательная экспедиция. Вскоре прибыли заместитель командира партизанской бригады Яков Анащенко, командир отряда Г. И. Сысоев и комиссар И. Г. Григорьев. Договорились, что переход начнется в 0 часов 30 минут по сигналу красного фонарика».

В 24.00 на левом берегу Двины раздались взрывы гранат и автоматные очереди — татары и башкиры уничтожали гитлеровский командный состав. Через полчаса все затихло. К восьми утра в 1-ю Витебскую партизанскую бригаду влилось около шестисот воинов-татар со всей техникой, боеприпасами, продовольствием, снаряжением и лошадьми. Это произошло в день 25-й годовщины Красной Армии. Радовались партизаны, радовались братья-татары, у многих на глазах были слезы.

Но не всем патриотам суждено было расплатиться с фашистами за свои муки и унижения. Предупрежденный шофером, майор Зекс успел вызвать помощь. Гитлеровцы срочно направили из Витебска в деревню Сеньково группу карателей. Налетев внезапно, они арестовали Григория Жукова, Таджиева, Рахимова и многих других, которые должны были уходить последними. Анатолий Муталло погиб при попытке перерезать связь с городом. Очевидцы рассказывают, что фашисты зверски расправились с патриотами-татарами.

Перешедшие на сторону партизан воины-татары и башкиры были распределены по бригадам Витебской зоны и мужественно боролись против фашистских захватчиков. Так, уже 28 февраля партизанский отряд Г. И. Сысоева, в котором осталась основная группа татар, прорвал кольцо окружения карателей в щелбовских лесах и нанес им сокрушительный удар с тыла. Через некоторое время в районе деревни Поповичи отряд уничтожил шесть фашистских танков, автомашину и захватил в плен несколько гитлеровских солдат. В этой операции особенно отличились партизаны Тимощенко, Сергиенко, Хафизов, Юсупов и Сейфудинов. Высокий героизм проявили боец Гарнаев и комсорг созданного из татар истребительного батальона Ахмет Зиятдинович Галеев. Комсомольская организация отряда возбудила ходатайство перед Суражским подпольным райкомом комсомола о даче ему рекомендации для вступления в партию. Грозой для гитлеровцев была партизанская рота под командованием Латыпова, состоявшая из татар. На витебской земле крепло и закалялось в битвах с врагом братство белорусского и татарского народов.

Муса Джалиль и его товарищи по подполью в Германии, получив известие о восстании и переходе на сторону витебских партизан 825-го батальона, были безмерно счастливы. Их усилия не пропали даром. Очевидно, именно это вдохновило Мусу Джалиля написать в октябре 1943 года свое проникновенное поэтическое обращение «К Двине». Исследователи Мобитского цикла Мусы Джалиля не дают прямого ответа, что побудило поэта написать это стихотворение, почему он обращается к реке, на берегах которой никогда не был. История 825-го батальона разъясняет эту загадку. Вспомним, о чем мечтает Муса Джалиль:

Двина! Где взять мне силы, чтобы вспять
Твое течение плавное погнать?
Чтоб я, твоей окутанный волной,
Был унесен на родину, домой?

На гребень бурь всегда стремился я,
Плечом раздвинуть грозовой простор.
Зачем же в рабстве гаснет жизнь моя?
И вынесу ли я такой позор?

О, если бы не только твой поток,
Но жизнь мою поворотить я мог,—
Я б, не колеблясь, повернул ее,
Чтоб снова петь отечество мое.

Нет! Я бы там не только песни пел.
Нет! Я бы там пловцом отважным был,
Все трудности бы я перетерпел,
Отдав труду ума и сердца пыл.

На родине и смерть была б легка:
Своя земля укрыла бы, как мать,
И над моей могилой песнь моя
Осталась бы как памятник стоять.

Душа моя не мирится с ярмом.
Одна лишь дума голову гнетет:
«Возьми меня, неси меня, Двина,
В объятиях быстробегущих вод!»

Быть может, утешенье я найду,
Качаясь на седых твоих волнах,
И мой народ любовь мою поймет,
Увидев возвращающийся прах...

Двина, Двина!

О, если б только вспять
Твое течение гордое погнать,—
Ты принесла б на родину мою
Меня и песнь свободную мою.

Западная Двина течет с востока на запад. Поэтому вполне логично желание поэта повернуть ее течение вспять, чтобы, избавившись от горечи фашистского плена, вернуться на Родину и отдать ей «ума и сердца пыл».

Восстание 825-го батальона, в котором деятельное участие приняли витебские подпольщики, было первой ласточкой полного краха организаторов и вдохновителей «Идель-Урала». Как известно, его примеру последовали и остальные батальоны легиона, показав, что советские люди остаются верными Родине до конца. Бредовая идея германского фашизма заставила советских людей воевать против своего народа с треском провалилась.

Наша партия через своих представителей в тылу врага проделала огромную работу по сплочению советских людей на борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Формы и ме-

тоды этой работы менялись и совершенствовались применительно к конкретной обстановке. Политическая пропаганда, проводившаяся партизанами и подпольщиками на временно оккупированной гитлеровскими войсками советской территории, разъясняла населению, что для его спасения есть только один путь — всем до единого подняться на всенародную партизанскую войну. И советские люди встали на этот путь.

Они смело и решительно громили немецко-фашистских захватчиков, устраивали засады на путях движения противника, совершали диверсии на железной дороге, взрывали мосты, нападали на вражеские гарнизоны. Земля горела под ногами непрошенных гостей. Советские люди мужественно и стойко защищали завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Никакие карательные экспедиции не могли сломить свободолюбивого духа народных мстителей.

РАЗВЕДЧИКИ ДЕЙСТВУЮТ

Витебские подпольщики оказывали действенную помощь советским разведчикам. Выше уже говорилось, что 29 и 31 марта 1942 года командование Красной Армии забросило в город разведывательные группы М. М. Стаховича («Макса») и В. А. Медведева («Исполина») с радиостанциями. Спустя две недели в эфир полетели первые позывные: «Я — «Исполин»! «Я — «Исполин»! Почти пять месяцев в оккупированном немецко-фашистскими захватчиками Витебске, по Верхне-Набережной, 75, работала советская радиостанция. В условленные дни и часы на Большую землю летели шифрованные радиogramмы, содержавшие информацию о состоянии вражеского гарнизона, полицейских мероприятиях в городе, о переброске войск и грузов противника через Витебск.

Все члены группы В. А. Медведева в короткий срок легализовались. Двое (в том числе и руководитель группы) устроились на работу в городскую управу, а двое — на железную дорогу. Это стало возможным благодаря помощи патриотов города. Решающую роль в легализации группы и обеспечении успеха ее работы сыграла семья заместителя командира группы витеблянина А. К. Горбатова: мать разведчика А. П. Лукашенко и его сестра А. К. Гребенькова, возглавлявшая одну из подпольных групп. Она окружила советских разведчиков за-

ботой и вниманием. Квартира А. П. Лукашенко на первых порах стала убежищем для всей группы вместе с рацией, а затем патриоты подобрали членам группы надежные квартиры, помогали продуктами питания и главное — обеспечили безопасную работу радиостанции.

Для сбора разведывательных данных А. К. Гребенькова подключила всю свою подпольную группу, в том числе сына пионера Эдуарда, сестру Е. К. Лукашенко, брата Ивана. Боевыми помощниками разведчиков стали К. С. Гребеньков и его сын Дементий, А. П. Шашкова и ее семья.

Провал произошел неожиданно. Он явился результатом слабой конспирации. 27 августа 1942 года начались аресты. Были схвачены члены групп «Макса» и «Исполина». Подпольная группа Гребеньковых — Лукашенко продолжала работу до февраля 1943 года. В результате нового провала в руки СД-9 попали и погибли почти все подпольщики этой группы.

Гитлеровцы подвергали арестованных ужасным пыткам. Как вспоминают сестры Мария и Зинаида Солодухины, сидевшие в СД по обвинению в связях с партизанами, особенно измывались фашисты над комсомольцами Фрузой Лукашенко и ее братом Иваном. Допросы велись почти ежедневно. На Фрузе и Ване живого места не было. У Вани заплыли глаза, все лицо было синим: палачи методически били его по лицу плетью, требуя сведений о разведчиках, партизанах.

Но комсомольцы держались мужественно. После войны в каземате СД-9 на Успенке на стене была обнаружена надпись: «Эдуард Гребеньков. 27.11.43 г. расстрелян». Как герои погибли А. К. Гребенькова, Е. К. Лукашенко, И. К. Лукашенко, К. С. Гребеньков, Д. К. Гребеньков. Чудом уцелела лишь А. П. Лукашенко. Она случайно избежала ареста. А. П. Лукашенко и сейчас живет в Витебске. Она персональная пенсионерка. С болью в сердце и вместе с тем с законной гордостью рассказывает Анна Петровна о подвиге своих четверых детей и внука, отдавших жизнь за Родину, героически сражаясь с врагом в рядах витебского подполья.

Пятнадцать месяцев успешно вела работу вблизи Витебска и в самом городе группа разведчиков Красной Армии, которой руководил студент Московского авиационного технологического института имени Серго Орджоникидзе Юрий Рудаков («Жорж», «Егор»). Группа прибыла под Витебск 20 апреля 1942 года. Через три дня к ней присоединился Николай Шпаков — студент того же института, уроженец деревни Старое Село Витебского района, заброшенный в тыл врага еще в 1941 году.

Благодаря широким связям своего отца А. И. Шпакова, работавшего старостой старосельской общины, Николай получил документы, наладил связи со многими довоенными знакомыми и стал ближайшим помощником Ю. С. Рудакова. Перед группой стояла задача — передавать информацию о военных перевозках врага по транспортным магистралям области и в первую очередь по железной дороге Витебск — Полоцк, являвшейся важной артерией, питавшей центральную группировку противника. Советское командование интересовало также изменения в составе немецких гарнизонов в Витебске и окружающей его зоне.

Для выполнения задания разведчикам требовались надежные помощники. Обладая незаурядными организаторскими способностями и имея специальную подготовку, Ю. С. Рудаков и Н. А. Шпаков в короткий срок сумели установить контакт с подпольными группами, действовавшими в городе и его окрестностях. Они смело вовлекали в работу патриотов, создавали новые подпольные группы.

На первых порах Н. А. Шпаков возглавил подпольную группу в Старом Селе, в которую вошла вся его семья, а также учитель П. К. Ляховский, сестры Мария и Ольга Гончаровы, Станислав Рамицан, Зина Богданова, ее отец, работавший переводчиком в немецкой комендатуре на станции Старое Село, Игнат и Яков Голубовские и Александр Бобровский. К сбору разведывательных данных была привлечена подпольная группа, действовавшая на станции Летцы, которую возглавляли Е. В. Михайловская и Р. М. Гиро. В состав ее входили Тоня и Наталья Скуратовы, Рая Туманович, Надежда Барченко и другие.

Подпольные группы на станциях Старое Село и Летцы начали действовать еще в 1941 году. Ко времени прибытия Ю. С. Рудакова они уже собрали много оружия, всячески саботировали мероприятия оккупантов, слушали советские радиопередачи на квартире А. С. Бобровского и вели политическую работу среди населения. Теперь же они получили конкретное задание и с честью его выполняли. Командование Красной Армии получало исчерпывающую информацию. Летчанская группа вела также наблюдение за домом отдыха «Летцы», где часто останавливались штабы немецких воинских частей, держала в поле зрения вражеский аэродром.

Закрепившись на ближних подступах к Витебску, Н. А. Шпаков и Ю. С. Рудаков начали готовить почву для работы в самом городе. С этой целью Николай Шпаков переехал в Витебск, устроился в оружейную мастерскую склада утвари

59-го немецкого армейского корпуса, размещавшуюся в 18-й средней школе, и стал старшим резидентом группы Рудакова в городе. Он создал широкую сеть разведчиков-информаторов, установил тесный контакт с действующими и формировал новые подпольные группы. По совету Николая на курсы переводчиков при «Белорусском народном доме» (БНД) поступила его сестра Нина. В подпольной работе активно участвовал отец, имевший, как староста, лошадей и право свободного посещения Витебска в любое время. Мать Николая Александра Ильинична была членом партии. Ей сын доверял все свои тайны. Она была для него не только матерью, но и большим другом, помощником по подполью. Николай привлек себе в помощники Никиту Панкова и Ивана Бекишева, с которыми еще в 1941 году намеревался создать партизанский отряд. Бывший старшина Красной Армии, попавший в окружение, коммунист И. А. Бекишев создал самостоятельную подпольную группу. Она обеспечивала армейских разведчиков информацией с такого важного военного объекта, как аэродром.

Ответственные поручения выполнял Никита Панков — комсомолец, бывший чекист. Он слыл неплохим часовым мастером, и поэтому его общение с людьми не вызывало подозрений. Но не знали фашисты о других способностях «часового ремесленника». Н. А. Панков был искусным гравером, изготавливал штампы и всевозможные печати, так необходимые в подполье.

В мае 1942 года Николай Шпаков через Панкова приобрел себе незаменимого помощника в лице Элеоноры Барановской-Гуго («Зоя»). Она, в свою очередь, привлекла к работе мать, сестру Викторину и тетю Марию Николаевну. Патриотки попеременно вели наблюдение за железной дорогой Витебск — Смоленск. Эта дорога хорошо просматривалась из их квартиры, находившейся рядом с железнодорожным мостом по улице Стекланной, 2. К тому же Элеонора хорошо владела немецким языком.

Вдумчивый и наблюдательный разведчик, Н. А. Шпаков быстро и безошибочно находил нужных ему людей, смело вовлекал их в подпольную работу, искал и постоянно совершенствовал формы и методы сбора разведывательных данных. Он много внимания уделял старшим подпольных групп, учил, помогал им. Отдельным подпольщикам давал план города для нанесения важнейших военных объектов врага. Но эта работа оказалась трудоемкой, сложной. Пришлось искать более простые и эффективные формы сбора необходимой информации.

В сентябре 1942 года Н. А. Шпаков вынужден был покинуть Витебск в связи с тем, что его личностью заинтересовалось СД. Вводить в город нового резидента не было необходимости. Подпольные группы, на которые опирались армейские разведчики, окрепли, закалились, накопили богатый опыт работы и могли действовать самостоятельно через систему связанных.

Так, группа коммуниста И. А. Бекишева («Андрей») к этому времени насчитывала до 25 человек. В нее входили А. И. Богданова, ее сестра Е. И. Матошина, медсестра Варя Турок (Старовойтова), Никита Панков, комсомолки Нюра Яроновская и Катя Семенова, Д. Я. Семенов и его жена А. Г. Ключко, сестра «Андрея» А. А. Бекишева и его мать Феодосия Емельяновна, К. И. Слимборский и другие подпольщики. Связь с Ю. С. Рудаковым группа поддерживала через самого «Андрея», Нину Шпакову, пионера Леню Быкова («Петьку»), Якова Голубовского — старосту д. Новое Житье Старосельской волости — и комсомолку Дусю Спиридонову (ныне Пирожкову), которая до войны работала на чулочно-трикотажной фабрике «КИМ». Наличие такого количества связанных позволяло пересылать собранные сведения в спецгруппу Рудакова почти ежедневно. Каждая группа имела свой шифр. В группе И. А. Бекишева, например, информация зашифровывалась в обычной тетради ученика 5-го класса по арифметике. Этот способ пересылки разведывательных данных успешно выдержал проверку на практике.

В 1942 году группа «Андрея» больше всего занималась разведкой, вела политическую работу среди населения. Позже, в 1943 году, она начала осуществлять диверсии.

И. А. Бекишев работал электриком на аэродроме. Чтобы добыть необходимые сведения, он часто в штабной землянке портил электролинию. Гитлеровцы вызывали его для устранения неисправности. Получалось, что подпольщик Бекишев портил электропроводку, а электрик Бекишев чинил ее. Во время ремонта электросети офицер штаба иногда выходил из землянки. На столе оставалась раскрытая карта, оперативные бумаги. Иван Андреевич успевал запомнить важнейшие условные обозначения, цифры, даты. Это были очень ценные и достоверные сведения, как говорят, сведения из первых рук.

Гитлеровцы решили дезориентировать советских летчиков, прилетавших бомбить их военные объекты. Они тайно начали оборудовать ложный аэродром севернее Витебска. Для устройства там электросигнализации направили И. А. Бекишева и Г. Ф. Коноплева. В тот же день «Андрей» сообщил в спецгруп-

пу об этой уловке врага. Советская авиация по-прежнему наносила безошибочные удары по настоящему аэродрому, выводила из строя боевые самолеты противника.

Активным членом группы была жена Бекишева Анна Ильинична Богданова, врач-гинеколог. Она добывала медикаменты, перевязочный материал и инструменты, наблюдала за движением войск на проходившей рядом шоссею дороге Витебск—Сураж. Под видом приема больных на дому Анна Ильинична поддерживала связь с членами группы, не вызывая особых подозрений. Очень много сделала А. И. Богданова для спасения молодежи от угона в немецкое рабство, выдавая фиктивные справки о болезнях или вызывая временные заболевания. Вместе с медсестрой Варей Турок (Старовойтовой) она отправляла военнопленных в партизанские отряды. Почти ежедневно, после рабочего дня, Богданова сообщала мужу о том, что завтра смогут уйти в лес два-три человека, и требовала проводника. Богданова и Турок вели разведку и добывали оружие. Перед уходом в партизанский отряд в октябре 1943 года А. И. Богданова забрала личное оружие у своего главного шефа на заводе.

Активно действовала и другая подпольная группа, связанная со Шпаковым, которую возглавлял коммунист Т. А. Морудов («Федя»). В нее входила вся семья Морудовых: жена Валерия Петровна, мать Мария Иосифовна, Л. П. Цыганова, а также вся семья патриотов Барановских, в том числе и Элеонора Барановская.

Большую работу в составе группы Морудова, а затем самостоятельно проводил коммунист Г. Н. Озеров-Стройков — человек большой души и несгибаемой воли. Его подпольная деятельность — наглядное свидетельство стойкости и мужества коммуниста. До войны Геннадий Николаевич Озеров работал в Москве в системе «Союзпечать». В первые дни войны он вступил в народное ополчение. В боях под Вязьмой попал в плен и очутился в лагере военнопленных в Витебске. Как и многих других, его спасла простая советская женщина, работница чулочно-трикотажной фабрики «КИМ» Наталья Федоровна Лынченко. Документы оформили на имя ее родственника Стройкова.

Вступив в подпольную группу Т. А. Морудова, Г. Н. Озеров-Стройков по ее заданию устроился работать стрелочником на железную дорогу, а дома сапожничал. Пароль для связи с ним был установлен такой: «У вас галоши поклеить можно?». При правильном вопросе следовал ответ: «Посидите минуточку, сапожник сейчас придет». По рекомендации Озерова в подполь-

ную группу были вовлечены А. П. Скуман, Андрей и Татьяна Словасы.

Домик, в котором проживали Н. Ф. Лынченко с тремя детьми и Г. Н. Озеров, стоял на улице академика Павлова, неподалеку от железнодорожной ветки на Смоленск. По улице почти непрерывно двигались вражеские автомашины на Марковщину и в центр города. За этими двумя транспортными магистралями Г. Н. Озеров-Стройков вел постоянное наблюдение. Находясь на работе, он и А. Словас собирали данные о железнодорожном узле. Их информация, по оценке командира армейской разведгруппы Ю. С. Рудакова, всегда была ценной и достоверной.

В конце 1942 года по указанию Ю. С. Рудакова коммунист Озеров с группной товарищей стал работать самостоятельно. Теперь на квартире у Н. Ф. Лынченко сосредоточивалась почта от группы Морудова. Сюда часто передавали свои шифровки и бланки документов подпольщики из Старого Села и Летцев. Связными работали Н. Ф. Лынченко, Дуся Спиридонова и подросток Павлик Соколовский.

Исключительно важную роль в деятельности группы Т. А. Морудова играла в это время Элеонора Барановская. В мае 1942 года ей удалось устроиться на работу в качестве счетовода в продовольственную контору штаба 59-го армейского корпуса. Она ведала там выдачей хлебных карточек и начислением зарплат рабочим, заполняла пропуска, удостоверения на право хождения по городу с наступлением комендантского часа. Таким образом открылась возможность добывать бланки пропусков для членов подпольной группы. Но главное — через руки Элеоноры проходили ведомости на отпуск продуктов и фуража для немецких воинских частей. Эти ведомости оказались настоящим кладом. В них указывалось наименование и место дислокации части, количество личного состава, на который отпускались продукты. Наши разведчики стали получать сведения, которые раньше удавалось добывать с огромным трудом, причем не только по Витебску, но и по Невелю, Рудне, Суражу.

Непосредственным начальником Э. Барановской был немецкий инспектор Гойстер. Он руководил всеми русскими рабочими, давал задания, проверял их выполнение. Рабочее место Элеоноры было в маленькой прихожей. В кабинет Гойстера можно было попасть только через эту приемную. Все команды и распоряжения инспектор подавал через дверь.

— Эй ты, дикарь, принеси ведомость на зарплату рабочим. Что-то эти свиньи плохо работают,— обычно кричал он.

Другого обращения с подчиненными Гойстер не допускал. Для него наши люди не имели ни имени, ни фамилии, считались низшими существами.

Уходя из кабинета, Гойстер закрывал дверь на замок и обычно дергал за ручку — надежно ли. Но иногда в спешке забывал закрыть кабинет. Тогда Элеонора бежала к столу, брала необходимые бланки, ставила печать и возвращалась на свое рабочее место. Однажды в руках у нее оказалась ведомость на получение продуктов для штаба 3-й немецкой танковой армии, прибывшего в поселок Сосновку. Ценные сведения были немедленно переданы спецгруппе, за что патриотка получила благодарность командования Калининского фронта.

В апреле 1942 года возникла подпольная группа Бориса Шарендо («Шуры»), в которую вошли: Василий Романов, Ефим Трофимов, Евгений Бородулин, Николай Быковский, Галина Алексеенко. Однако в течение лета 1942 года разведчики не привлекали ее к активной деятельности, она находилась в резерве. Этот период подпольщики должны были использовать для полной легализации и трудоустройства с таким расчетом, чтобы в нужный момент сразу же приступить к выполнению заданий.

Анализ работы разведгруппы Ю. С. Рудакова показывает, что она располагала исключительно широкой сетью в городе и его окрестностях. Разве не примечательно, что за короткий срок вокруг трех армейских разведчиков, прибывших вместе с Рудаковым, сплотилось до 60 патриотов. Но среди этих шестидесяти человек, перечисленных в отчете Рудакова, были руководители подпольных групп, в которых насчитывалось от десяти до двадцати человек, о них не упоминается в отчете армейской группы. Если подсчитать состав групп, связанных с Ю. С. Рудаковым, Н. А. Шпаковым и Аней Бибиковой (членом этой же армейской группы), то получится, что их агентурная сеть насчитывала до 170 человек.

Эта сеть была тщательно законспирирована. Группы и разведчики-одиночки, как правило, не знали друг друга, что уменьшало возможность провалов. Наличие большого количества надежных помощников позволяло разведчикам иметь всегда исчерпывающую информацию о витебском гарнизоне, его изменениях, о передвижении войск и техники противника. Не случайно многочисленные удары советской авиации по фашистским войскам и военным объектам в Витебске всегда отличались исключительной точностью. Вместе с тем, на примере деятельности группы Ю. С. Рудакова ярко видны массовость витебского подполья, высокий патриотический дух и предан-

ность Родине трудящихся оккупированного, но не покоренного гитлеровскими захватчиками города.

Ю. С. Рудаков очень ценил Леонида Ивановича Хрипача. Познакомился он с ним через учительницу Швейкус-Жилинскую, проживавшую в д. Авдеевичи и являвшуюся связной группы Л. И. Хрипача. Во время одной из бесед в декабре 1942 года Хрипач сообщил Рудакову, что он давно имеет группу надежных людей и был связан с Витебским обкомом партии, но уже около двух месяцев связь потерял и не знает, как ее восстановить. Скопилось много ценных сведений. Л. И. Хрипач охотно принял предложение Рудакова сотрудничать с ним.

Группа Л. И. Хрипача, как уже говорилось выше, объединяла подпольщиков, работавших на торфопредприятиях области. В нее входили: его жена Анна Карловна, учительница Швейкус-Жилинская, счетный работник торфоуправления Л. С. Лебедева, техничка Е. И. Каштанова, Григорий Серебро с торфопредприятия «1 Мая» Чашникского района и еще 8 человек, фамилии которых пока неизвестны.

За топливом на торфопредприятие приезжали все воинские части противника, располагавшиеся вблизи Витебска, и даже из Рудни-Смоленской. В накладных на получение торфа указывались не только номера воинских частей, но и место их расположения, количество получаемого торфа и срок на топливное довольствие. Поэтому сведения с торфопредприятий области давали почти точную картину дислокации войск противника в Витебске и вокруг него. Благодаря хорошо налаженной связи ценная информация со всех точек поступала Рудакову оперативно.

Особый интерес для командования Красной Армии и партизан на протяжении 1942 и 1943 гг. представляла Сосновка, где почти с первых месяцев оккупации и до освобождения области располагались крупные штабы и карательные органы противника. Так, с января по апрель 1942 года и весь 1943 год в этом поселке стоял штаб 3-й немецкой танковой армии, летом и осенью 1942 года размещались штабы 59-го армейского корпуса и группы Шевалери. На протяжении всего 1943 года там находились ГФП-703 и Абвергруппа-210, которые чинили кровавую расправу над советскими людьми.

Сосновской подпольной группе А. Н. Козлова приходилось работать в очень сложной обстановке. Надо было постоянно изобретать и совершенствовать формы связи с Витебском для оперативной передачи собранной информации. А ее было много. Кроме систематических сведений с торфопредприятия «Городнянский мох» группа передавала данные о передвижении

войск и грузов противника по железной дороге Витебск — Орша, о строительстве новых военных объектов, сообщала о состоянии гарнизона Сосновки.

Пользуясь служебными поездками, А. Н. Козлов сам доставлял собранные сведения в Витебск Л. И. Хрипачу, а с весны 1942 года ему помогал в этом сын Леонид. Семья Козлова была музыкальной. Два его сына сражались на фронте, а младшие, Леонид и Владимир, стали помощниками отца в подполье. По совету отца Леонид поступил работать баянистом в концертную бригаду и получил постоянный пропуск на право посещения Витебска. Это облегчало ему выполнение обязанностей связного.

Информацию о противнике группа А. Н. Козлова передавала партизанам Сенненского района через часевого мастера в Витебске П. Д. Богдановского и армейским разведгруппам Ю. Рудакова и М. Ефимова через сыновей Козлова и Л. И. Хрипача.

Для более оперативного сбора сведений от подпольщиков, работавших на отдаленных от города торфопредприятиях, Л. И. Хрипач нередко использовал транспорт своего шефа. Под видом инспекторских поездок он систематически бывал на объектах, встречался со своими людьми, получал у них разведданные, давал новые задания. В феврале 1943 года группа Л. И. Хрипача составила подробный план укреплений города Витебска и передала его по назначению. Разведотдел штаба Калининского фронта высоко оценивал деятельность группы Хрипача. Он отмечал, что эта группа являлась крупным разведывательным центром с отделениями в различных районах области, работала успешно, давала ценную информацию о противнике.

Об эффективной деятельности этой подпольной группы, о ее взаимодействии с партизанами свидетельствуют документы противника. В телеграмме хозяйственной инспекции района «Центр» экономическому штабу «Восток» в Берлине от 5 сентября 1942 года говорилось: «Во время шести партизанских налетов, преимущественно на торфоразработки в районе Витебска, было уничтожено 6 локомотивов, 2 машины для добычи торфа и все оборудование на двух разработках».

Разнообразные ответственные поручения армейских разведчиков выполняли семьи Грунтовых и Кулагиных. Бланками паспортов снабжал разведчиков бургомистр Стрелищанской волости Владимир Матусевич. Семья Залесских в д. Зароново выполняла различные оперативные поручения, а их дом служил почтовым ящиком.

Так витебские подпольщики работали с группой Ю. С. Рудакова до сентября 1943 года. Затем, в связи с болезнью Рудакова, вся разведывательная сеть была передана спецгруппе М. Р. Ефимова. К ней присоединился и Николай Шпаков с двумя разведчиками. В июне 1944 года Н. Шпаков был отозван в Москву и направлен в разведгруппу капитана П. А. Крылатых. С 26 июля по 26 сентября 1944 года Шпаков возглавлял разведывательную группу «Джек» в Восточной Пруссии.

Разведгруппы М. Р. Ефимова, П. А. Крылатых, П. В. Буткевича и другие имели в Витебске и его окрестностях не менее обширную подпольную сеть, чем группа Ю. С. Рудакова. Вместе с партийными и комсомольскими органами области, партизанскими формированиями армейские разведчики сыграли большую роль в активизации подполья в Витебске и прилегающей к нему зоне.

Как известно, в оккупационный аппарат гитлеровцы старались подбирать сотрудников из числа людей, обиженных Советской властью, судимых за те или иные преступления. Особую ставку они делали на граждан, подвергавшихся репрессиям в 1937—1938 годах. Чтобы усилить недовольство и перетянуть на свою сторону больше таких людей, в газете «Новый путь» печатались статьи в виде бесед с бывшими репрессированными или их родственниками. Как правило, с особым старанием рисовались «ужасы и зверства НКВД», людей запугивали и призывали мстить Советской власти.

Но оккупанты просчитались. Только единицы из этой категории людей стали на путь измены Родине. Большинство же остались верными Советской власти. Умело пользуясь своим положением «обиженных Советами», они проникали в наиболее важные учреждения врага и вели там большую патристическую работу, помогали подпольщикам.

Примером этому может служить деятельность бургомистра Бабиничской волости И. А. Побудей («Большак»). В 1937 году по ложному обвинению он был осужден и пробыл в заключении до мая 1941 года. Но Побудей не затаил обиды на Советскую власть, он остался преданным Родине человеком. Так называемое «черное пятно» своей биографии он умело использовал для того, чтобы войти в доверие к оккупантам и вести активную подпольную работу.

Приняв в августе 1941 года предложение бургомистра Витебска Родько возглавить волостную управу в Бабиничах, И. А. Побудей сразу же включился в подпольную работу. Он вовлек в нее свою жену Татьяну Михайловну, работавшую врачом, сестер Лидию и Татьяну Клименковых, И. Д. Грубинова,

его дочь Нину, медсестру Ольгу Федорову, агронома волостной управы Евдокию Ильющенко, Максима Сидоренко и других. Подпольщики саботировали мероприятия оккупантов, спасали военнопленных, еврейские семьи. Побудей выдавал жителям волости необходимые документы, а жена — справки о болезнях, которые позволяли людям уклоняться от работы на оккупантов. Они снабжали партизан медикаментами, предоставляли им укрытие, следили за передвижением вражеских войск по шоссе Витебск — Сураж.

В феврале 1942 года фашистам донесли, что бабиничский бургомистр на самом деле не тот, за кого себя выдает, что он вовсе не Побудей, а имеет другую фамилию. 21 февраля 1942 года бургомистр был арестован. Последовал допрос в полевой жандармерии.

— С кем имею честь говорить? — не без злорадства спросил лейтенант полевой жандармерии Бюхель.

— Меня зовут Игнатий Побудей.

— С каких пор вы стали Побудеем?

— Это имя я ношу со дня моего рождения.

— Мы располагаем точными данными, что вы не Побудей. Какая ваша настоящая фамилия? — пытался ошарашить его Бюхель, пододвигая к себе какую-то папку.

— Повторяю, меня зовут Игнатий Побудей, — несколько раздраженно сказал Игнатий Антонович. — Я родился Побудеем, крестился Побудеем, был Побудеем и останусь Побудеем.

— Вы коммунист?

— С апреля 1937 года по май 1941 года я находился в ссылке в Сибири. Из этого можно заключить, что я не был в партии.

— Где и кем вы работали после возвращения из лагеря?

— Жил в Витебске, работал в пивоварне юрисконсульт.

— Когда и как вы стали бургомистром? — уже более мягко спросил лейтенант.

— В начале августа 1941 года был назначен бургомистром общины Бабиничи лично господином Родько, — ответил И. А. Побудей.

Гитлеровцы вынуждены были отпустить Игнатия Антоновича и оставили его на прежней должности.

Так подпольщик И. А. Сидоренко, принявший во время войны фамилию жены, вышел победителем из первого открытого поединка. Он с еще большей настойчивостью продолжал борьбу, срывал мобилизацию молодежи 1925—1926 гг. рождения в Германию.

На патриота поступает новый донос. Следователь Витебской районной полиции Н. А. Астафьев выносит следующее постановление:

«Я, следователь службы порядка Витебского района Астафьев Н. А., имея в виду, что граждане Побудей Игнатий Антонович и Побудей Татьяна Михайловна подозреваются в связях с партизанами, в снабжении партизан медикаментами и выдаче еврейской семье паспорта на русскую фамилию, постановил:

Граждан Побудеев — Игнатия Антоновича и Татьяну Михайловну — до окончания следствия подвергнуть задержанию в витебской тюрьме, куда заключить их при копии настоящего постановления, о чем объявить задержанным».

21 сентября 1942 года это постановление утверждает начальник полиции Витебского района Ксенжонок, и в тот же день патриотов отправляют в витебскую тюрьму у Смоленского рынка. Семьдесят дней и ночей провели Игнатий Антонович и Татьяна Михайловна в тюремных застенках. В это время гитлеровцы и их пособники собирали улики, устраивали очные ставки, проводили допросы, изобретали различные провокации, чтобы уличить подпольщиков. Но стойкость и выдержка патриотов победили и на этот раз. 29 ноября 1942 года И. А. Сидоренко и его жена были выпущены из тюрьмы. Они не перестали бороться против оккупантов, работали в подполье вплоть до освобождения города, спасли от гибели и угона в рабство сотни советских людей и за это удостоены правительственных наград.

Обширную подпольную сеть в Витебске имела оперчекистская группа, которую возглавлял А. П. Максименко, а затем Ян Мишин. На протяжении всего 1942 года, вплоть до закрытия «Витебских ворот», руководящая часть группы располагалась в поселке Пудоть. В составе группы работали многие патриоты города: В. Ф. Кононов, Е. П. Кононова, И. П. Наудюнас, М. Г. Стасенко, Е. Г. Филимонов, М. М. Савицкая, А. П. Лебедева, М. С. Котова, А. К. Захарова, Л. Ф. Корнатова (ныне Дятел), З. П. Рожкова, Л. З. Калино (Молянова), А. И. Турчинович, В. П. Дехтерева (Губарь), В. Н. Сходкина (Дюбянова), М. Ф. Мартынова (Чернецова), М. А. Дорожкина, И. Е. Голубев, И. Г. Голубев и многие другие. Кроме того, чекисты привлекли к выполнению своих заданий в городе подпольные группы Ф. К. Мехова, А. А. Гоголи.

Многие жители города стремились воспользоваться «Витебскими воротами», чтобы уйти за линию фронта. Их путь лежал через поселок Пудоть, где обосновались чекисты. Во время

бесед с выходящими из города они изучали обстановку в Витебске, паспортный режим, условия передвижения. Группа отличалась хорошей конспирацией, высокой бдительностью и поэтому не имела провалов. Если случалось, что тот или иной связной попадал под подозрение оккупантов, его немедленно отзывали из города и направляли в партизанский отряд, а в Витебск посылали новых людей.

Членам группы, работавшим в городе, разрешалось самостоятельно подбирать себе помощников. В результате каждый из них со временем создавал подпольную группу, которая помогала ему выполнять различные задания. Руководители группы установили связи с подпольщиками, оставленными в городе еще в 1941 году.

Советские патриоты проявляли настоящее мужество в борьбе, ни перед чем не останавливались ради достижения поставленной цели. В этом отношении показателен пример М. М. Савицкой. До войны она работала секретарем-машинисткой в Витебском медицинском институте. Весной 1942 года Мария Михайловна с двумя сыновьями, старшему из которых было семнадцать лет, ушла из города в партизанскую зону. Там она встретила с разведчиками из оперчеккистской группы. По их совету возвратилась в Витебск и стала работать в подполье. Муж Марии Михайловны принял предложение оккупантов и работал комендантом улицы. Он добросовестно служил гитлеровским захватчикам и, заподозрив жену в связях с подпольщиками, стал угрожать ей. М. М. Савицкой удалось вывести мужа из города. Он был изолирован, а Мария Михайловна продолжала работать в подполье.

Познакомившись с К. С. Околович, Савицкая стала регулярно получать от нее медикаменты и передавала их партизанам. Она привлекла к подпольной работе медсестру инфекционной больницы А. П. Лебедеву и ее сына Георгия. Работая старшей медсестрой, Лебедева без особого труда доставала медикаменты. В ее обязанности входило также собирать все немецкие газеты и передавать Савицкой.

Учитывая смелость и находчивость Марии Михайловны, руководители группы поручали ей самые ответственные задания. Она собирала сведения о численности войск противника в городе, их вооружении, техническом оснащении. В круг обязанностей подпольщицы входило изучение настроения населения, морального духа гитлеровских солдат, а также сбор сведений о зверствах оккупантов. М. М. Савицкая была тесно связана с армейским разведчиком П. С. Татариновым, которого хорошо знала до войны. Он был преподавателем физкультуры

в Витебском текстильном техникуме. Помогала ему в сборе сведений, указывала наиболее безопасные маршруты выхода из города. Когда М. М. Савицкой нельзя было больше оставаться в Витебске, ее переправили в советский тыл, где она также честно выполняла свой долг.

На протяжении лета и осени 1942 года успешно выполняла задания оперчеккистской группы ткачиха витебской льнопрядильной фабрики «Двина» Л. Ф. Корнатова. В июне 1942 года она ушла из города, чтобы спасти дочь от голодной смерти. В партизанской зоне Корнатова установила связь с чекистами и возвратилась в Витебск для работы в подполье. Действовала она смело и решительно. Обзавелась в городе надежными помощниками. Каждый вступающий в ее группу давал клятву на верность Родине, текст которой написала Корнатова. Сохранилась письменная клятва учительницы Л. З. Калино. В ней говорится: «В тылу врага буду работать для Советской Родины честно, добросовестно. Данные мне задания обязуюсь выполнять и не разглашать их содержания... Моя к. «Звезда».

Из Витебска в оперчеккистскую группу регулярно поступали сведения за подписью «Звезда». В них сообщалось о воинских частях противника, прибывающих в город и убывающих из него, о количестве эшелонов, проходивших по железной дороге Витебск — Полоцк, о зенитных и прожекторных установках, о численности персонала и характере ремонтной воинской части, в которую Калино удалось устроиться работать на кухню. Вот одно из ее донесений, сохранившееся в подлиннике:

«Витебск. Часть расположена в Марковщине в бывшей 17 школе. Название части ХКП. Часть ремонтирует автомашины, прибывающие с фронта. Ремонт — на бывшей льнопрядильной фабрике в Марковщине и в городе на бывшей очковой фабрике. Количество немцев в ХКП — 340, пленных — 65, унтеров и фельдфебелей — 25, офицеров — 7, инспектор — 1, гауптманов — 3, оберлейтенантов — 3, оберцальмейстер — 1».

Летом 1942 года Л. Ф. Корнатова связала с чекистской группой А. П. Максименко коммуниста З. П. Рожкову, которая дважды встречалась с ее руководителем и получала от него задания. В отчете группы тайной полевой полиции (ГФП-703) за май 1943 года говорилось: «Зинаида Рожкова. Была членом коммунистической партии. В сентябре 1942 года установила контакт с шефом НКВД Максименко, который находился вместе с бандой на торфоразработке севернее Двины. Получала от него поручение вербовать женщин-агентов... Имела постоянную связь с Вербицким. Нет сомнения, что она продолжительное время сотрудничала с бандитами».

Л. Ф. Корнатова вовлекла в подпольную борьбу против оккупантов токаря паровозного депо И. В. Голубева и бежавшего из фашистского плена и осевшего в деревне Бороники под Витебском А. И. Турчиновича. Только летом 1942 года Голубев около двадцати раз встречался с А. П. Максименко, докладывал ему о выполнении заданий и получал новые. Турчинович наблюдал за гарнизоном в Борониках, прилегавших к городскому поселку Лучеса. Свои донесения он подписывал кличкой «Ус». Одна из составленных им схем расположения зенитных батарей и оборонительных сооружений противника в районе Бороник и Лучесы, персланная в группу в 1942 году, сохранилась. Чтобы составить ее, Адольф Иосифович Турчинович исходил весь обследуемый район.

Оперчекистские группы были теснейшим образом связаны с патриотами города. Чекисты внесли в их работу высокую организованность, дисциплину, целеустремленность, передавали им свой богатый опыт, учили, как надо бороться с врагом в суровых условиях подполья.

ВЫСТРЕЛ НА ПРОЛЕТАРСКОМ БУЛЬВАРЕ

1 декабря 1942 года газета «Новый путь» вышла в траурной рамке. Вся третья полоса посвящалась памяти А. Л. Брандта. Газета сообщала, что «26 ноября 1942 года утром, по пути на работу, выстрелом в спину был убит главный редактор газеты «Новый путь» Александр Львович Брандт». Но и без этого сообщения весть о справедливом народном возмездии с быстротой молнии облетела город и его окрестности.

Десять месяцев назад бесславно закончил свой путь заместитель бургомистра Витебска Л. Г. Брандт. Теперь партизанская пуля сразила Брандта-младшего. По этому поводу в городе говорили: «Еще одним подлецом стало меньше». Предатель А. Л. Брандт был одним из активнейших организаторов городской управы, руководителем ее информационного отдела, издателем и редактором продажно-бульварной газеты «Новый путь». В октябре 1942 года он совершил поездку в фашистскую Германию. 9 ноября выступил с пространным речью в «Белорусском народном доме», в которой всычески восхвалял «райскую» жизнь в Германии, призывал молодежь добровольно ехать на работу в рейх. В газете «Новый путь» он публиковал свои статьи, в которых клеветал на нашу страну, на наш народ. Надо было пресечь анти-

советскую деятельность фашистского прихвостня. Приговор изменнику Родины мог быть только один — смерть.

Приведение народного приговора в исполнение было поручено участникам витебского подполья, а затем членам спецгруппы «Мстители» комсомольцу Владимиру Фомичу Кононову и коммунисту И. П. Наудюнасу. Выбор на них пал не случайно. В. Ф. Кононов родился и вырос в Витебске. Перед войной окончил 1-ю среднюю школу, в которой одновременно возглавлял военно-физкультурную работу. Он был хорошо подготовлен физически, отличался ловкостью, сообразительностью и смелостью. Кононов знал Брандта как школьного учителя и как соседа. Жили они по Пролетарскому бульвару. Брандт — в доме № 14, Кононов — в доме № 20. И. П. Наудюнас также до войны жил и работал в Витебске.

В период оккупации В. Ф. Кононов некоторое время работал в справочном столе горуправы. Он принимал активное участие в деятельности партийно-патриотического подполья: распространял советские газеты и листовки, добывал паспорта и пропуска для подпольщиков. В июне 1942 года к нему пришла связная Витебского обкома партии и спецгруппы «Мстители» Таиса Ивченко и передала указания о дальнейшей работе. С этого времени обязанности связной начала выполнять и мать Владимира — Е. П. Коконова. С Таисой Ивченко встречались на квартире у А. С. Стояковой.

С 11 ноября они стали вести тщательное наблюдение за домом Брандта, чтобы точно установить, в какое время он уходит на работу, есть ли у него охрана, и заодно изучить маршрут отхода после приведения приговора в исполнение.

Однажды знакомая И. П. Наудюнаса Е. С. Мазикова как-то сказала, что двое хороших парней желают уйти к партизанам. Первая встреча с ними состоялась 23 ноября. Это были М. Г. Стасенко и Е. Г. Филимонов. Кононов и Наудюнас решили их проверить на деле.

— Если вы действительно желаете бороться с фашистами, — сказал им Владимир Фомич, — то докажите это.

— Что мы должны сделать? — спросил Стасенко.

— Задание очень трудное и, главное, опасное, — ответил Кононов. — Подумайте до завтра. Если будете согласны — приходите. Только конкретным делом сейчас можно доказать свое отношение к Советской власти.

Стасенко имел хорошую армейскую закалку, действительную службу он проходил на советско-турецкой границе. Семнадцатилетний Филимонов производил впечатление энергичного и смелого юноши. Одним словом, ребята понрави-

лись Кононову и Наудюнасу и они решили привлечь их к выполнению задания. Такое решение диктовалось еще и тем, что Брандт хорошо знал Владимира Кононова в лицо. Имея двоих помощников, совершенно незнакомых Брандту, можно было рассчитывать на верный успех операции.

Как и условились, Стасенко и Филимонов явились 24 ноября и заявили о своем согласии выполнить любое поручение. Ночь с 25 на 26 ноября провели вместе на квартире у Л. Г. Омелькина. Договорились о всех деталях предстоящей операции. Условились, что первым стрелять будет М. Г. Стасенко, а прикрывать его — Наудюнас.

Утром 26 ноября вышли на улицу Стеклова. Уже несколько дней стояла оттепель. Дул юго-западный ветерок. Над полусгоревшим городом расстилался туман.

Переход занял не более десяти минут. Все шло по плану. Кононов и Филимонов заняли позицию в безлюдном переулке, который круто спускался в овраг от улицы Стеклова, чтобы в случае появления немецкого патруля обеспечить прикрытие товарищей, Стасенко и Наудюнас пересекли улицу Стеклова (ныне ул. Гоголя) и по Пролетарскому бульвару (ныне бульвар Хмельницкого) пошли по направлению к квартире Брандта.

— Миша, — тихо проговорил Наудюнас, — появилась мишень. Видишь?

— Понял, — ответил Михаил.

Брандт в правой руке держал желтый портфель, левая находилась в кармане пальто. Наудюнас перешел на правую сторону улицы, наблюдая за сближением Стасенко и Брандта. Вот они поравнялись. Пропустив предателя, Стасенко резко обернулся и с расстояния не более двух метров выстрелил ему в спину. Фашистский холуй, как сноп, свалился в снег. Стасенко побежал по Авиационной. Его пытался перехватить полицейский, выскочивший из дома Брандта, но Наудюнас метким выстрелом сразил его наповал. Приговор, вынесенный предателю Родины, был приведен в исполнение.

Через Духовской овраг и улицу Фрунзе патриоты направились в Стадионный поселок, встретились там со Стасенко, пересекли Витьбу и, минуя деревни Андроновичи и Кашино, пошли в партизанскую зону. В городе все было поднято на ноги. Немцы и полицейские с овчарками начали погоню. Но безрезультатно. Кононов, Наудюнас, Стасенко и Филимонов в тот же день достигли расположения партизан. Стасенко и Филимонов по дороге случайно встретили начальника разведки 1-й Белорусской партизанской бригады Н. Филимоно-

ва — двоюродного брата Е. Г. Филимонова — и решили остаться в бригаде. Кононов и Наудюнас остались в спецгруппе. Успеху этой смелой операции активно содействовали брат И. П. Наудюнаса Иосиф, В. М. Бруханова, Е. С. Мазикова и ее сестра М. С. Хованская, семья Л. Г. Омелькина и другие.

В воззвании немецкого военного коменданта говорилось: «26 ноября 1942 года на Сенной площади неизвестными лицами был убит немец Брандт. В связи с проведением карательных мер арестовано 50 человек, которые 28 ноября 1942 года в 10 часов утра будут расстреляны, если к этому времени со стороны русского населения не будут даны показания для выявления виновных. Показания должны быть сделаны в СД гор. Витебска (политехникум). Показания останутся под строгим секретом. Награждение будет дано продуктами».

Но никто не пожелал получить вознаграждение, а заложники вскоре были освобождены по ходатайству лиц, опасавшихся еще большего взрыва народного гнева.

За мужество и отвагу В. Ф. Кононов, И. П. Наудюнас, М. Г. Стасенко и Е. Г. Филимонов награждены орденами.

«ЛЮДИ, НЕ ЗАБУДЬТЕ НАС!»

Витебск сражался. Самой активной и целенаправленной формой сопротивления врагу являлась боевая деятельность подпольщиков, направленная на подрыв военной и экономической мощи противника. Изучение витебского подполья показало, что боевая деятельность патриотов города выражалась в основном в осуществлении различных форм саботажа и прямых диверсий.

Свою главную задачу подпольщики видели в том, чтобы всеми способами срывать работу предприятий и учреждений, обслуживавших оккупантов, саботировать их военно-политические и экономические мероприятия, наносить ощутимые удары по транспортным магистралям, воинским эшелонам, различным складам и базам, по боевой технике и средствам связи гитлеровцев.

Наличие непосредственных связей с Большой землей и усиление партийного руководства подпольем позволило укрепить материально-техническую базу подпольных групп, увеличило возможности их боевой деятельности, успех которой зависел от наличия диверсионного материала. На первых порах недостаток мин и взрывчатки восполнялся самозаготовкой. Патриоты города собирали противопехотные мины, гранаты и тол на местах бывших боев и складирования, вы-

плавляли тол из артиллерийских снарядов и авиационных бомб.

В 1942 году все необходимое для боевой деятельности стало поступать в город из-за линии фронта. Доставка диверсионной техники была сопряжена с постоянным риском для жизни. От подпольщиков и связных требовались высокое мужество, смелость и находчивость. В этой опасной работе им помогало хорошее знание окружающей город местности, особенностей ее пересеченного рельефа, расположения полицейских постов и контрольных пунктов оккупантов.

Бесстрашие и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками показала подпольная группа, действовавшая в Стадионном поселке под руководством В. И. Кириленко. До войны он был участковым уполномоченным милиции. Когда Витебск заняли гитлеровцы, Василий Иванович вышел из города и вскоре присоединился к партизанам отряда А. Ф. Даниукалова. В Витебске остались его жена Лидия Васильевна с четырнадцатилетним сыном Владимиром, братья Николай и Константин, сестры Вера и Дарья. Всех их Кириленко привлек к активной подпольной работе. Сначала они выполняли задания разведывательного характера, добывали медикаменты, а затем начали совершать и диверсии. Мины Лидия Васильевна и Вера Ивановна привозили от партизан на телеге в специально оборудованном тайнике.

В феврале 1942 года Вера Кириленко, под предлогом продажи яиц, зашла в дом, в котором проживали немецкие офицеры, и заложила мину в печь. В результате взрыва погибло 12 фашистских офицеров и несколько было ранено. Она заминировала железнодорожный мост в поселке Чепино. Вера обучила правилам обращения с магнитными минами с часовым взрывателем брата Константина и племянника Владимира. Под ее руководством 2 марта 1942 года они уничтожили машину с боеприпасами на территории трамвайного парка, а 28 апреля заминировали легковую автомашину командира зенитчиков в Стадионном поселке. По пути в город машина взорвалась, были уничтожены шофер и гитлеровский офицер.

В августе 1942 года в Витебск прибыла крупная немецкая автоколонна и расположилась в районе Смоленского рынка. Костя и Володя решили заминировать одну из автомашин. Но произошла роковая ошибка. Часовой механизм мины, находившейся в кармане у Володи, сработал преждевременно, в момент, когда они переходили мост через Витьбу с улицы Баумана на Советскую. Володя был убит на месте, а Косте оторвало ногу и руку. В тяжелом состоянии он был доставлен

в больницу. Гитлеровцы пытались узнать, кто давал им мины и с кем они были связаны. Юный патриот ничего не сказал фашистам.

Ввиду создавшейся опасности все остальные члены группы В. И. Кириленко вынуждены были немедленно покинуть Витебск. Они вступили в партизанскую бригаду «Алексея», работали там связными, разведчиками.

Осенью 1942 года командование бригады поручило Вере Кириленко и партизанке Вере Павленко (Коньковой) пробраться в Лиозно, разведать гарнизон, уточнить результаты бомбежки вражеских объектов и взять медикаменты у врача И. И. Попова. Снарядили подводу, погрузили немного зерна и рано утром выехали из деревни Куряки. Вера Павленко, укутавшись в одеяло, полулежала на телеге. Благополучно миновали паленовский полицейский гарнизон. Вот и бывший племхоз Адаменки, а отсюда не более километра до Лиозно. Вдруг дорогу преградили два полица.

— Откуда и куда едете?

— Заболела, еду в больницу, — ответила Павленко.

— Да это же Верка Павленко из Куряков, — заорал один из них. — Попалась. Поехали, я лично доставлю вас к хирургу.

Полицай хорошо знал Веру, он был родом из соседней деревни. Разведчик доставили в комендатуру.

Четыре дня длились допросы, сопровождаемые избиениями. Но девушки твердили одно: «Мы ехали в больницу и никаких партизан не знаем». На очных ставках с полицаем Павленко утверждала, что он клеветает на нее из мести, поскольку она отклонила его ухаживания. Это звучало правдоподобно. Сомнения вызвал лишь паспорт В. И. Кириленко, имевший витебскую прописку. Девушек отправили в город и передали в распоряжение ГФП-717.

Гитлеровцы повезли Веру Кириленко на улицу, где она проживала до ухода из города, и там нашлись предатели, которые подтвердили, что она ушла к партизанам. Более месяца длились пытки и допросы. Вызывали на допрос по два-три раза в день, нещадно били, но Вера молчала. Она отказалась отвечать на вопросы палачей. Узницы сидели в бывшем общежитии ветеринарного института, в комнате на третьем этаже. Отсюда было видно, как утром и вечером расстреливали патриотов недалеко в карьерах кирпичного завода.

На тридцать третий день Веру Кириленко и еще троих товарищей увели на расстрел. Комсомолка знала, что она идет на смерть — рано утром на допросы не вызывали. Сняла шер-

стяной жакет и попросила Павленко: «Передай маме». Расцеловала подругу и сказала на прощание: «Жили мы красиво, по-комсомольски, умру с песней. Все равно мы победим».

Вера Павленко за недостаточностью улик была отпущена.

Выше уже говорилось, что в районе Стадионного поселка действовала подпольная группа патриотов Свечкиных, с которыми поддерживал связь Василий Кириленко после ухода его семьи к партизанам. Группу создала Марфа Свечкина (Блохина), жена советского офицера, сражавшегося на фронте. Несмотря на то, что у нее было двое малолетних детей, она активно участвовала в работе подполья. Эта бесстрашная патриотка, очень инициативная и изобретательная, беспрерывно ходила из города в партизанскую бригаду «Алексея», доставляя туда медикаменты, разведанные, а в город приносила мины, взрывчатку. К подпольной работе она привлекла своих братьев — Ивана и Анатолия, их жен — Ольгу и Александру.

Группа непосредственно не совершала диверсий, в ее задачу входило доставлять подпольщикам города взрывчатку. Мины и тол приносили на квартиры братьев Свечкиных Марфа Блохина, ее подруга Надежда Воронова, Ольга Свечкина, связанные других подпольных групп. Не раз привозила сюда все необходимое для боевой работы Женя Колобанова.

Домик Анатолия Свечкина стоял за стадионом над обрывом реки Витьбы в поселке Кочерги. Он долгое время служил не только надежным хранилищем, но был также местом ночлега и отдыха для связных и партизанских разведчиков. Группа Свечкиных имела тесную связь с подпольной группой А. Е. Белохвостикова, П. С. Шляковой, Т. А. Ломоносенко (Бородиной), снабжала их взрывчаткой. Медикаменты для бригады на квартиру Свечкиных доставляли Р. Ф. Махнов и врач И. А. Прудников. Интенсивная подпольная деятельность группы продолжалась до ноября 1943 года. 12 ноября 1943 года братья Свечкины, М. К. Блохина и врач И. А. Прудников были арестованы.

В материалах ГФП-703 можно прочесть: «Марфа Свечкина поддерживала тесный контакт с Паулиной (Полиной Шляковой. — Авт.) и припрятала у себя дома взрывчатку, которая потом использовалась для саботажа. У нее было найдено 25 килограммов тола... Кроме того, она доставляла йод и медикаменты для партизан».

«Анатолий Свечкин, брат Марфы Свечкиной. Иван Свечкин. Оба принимали активное участие в вышеописанных делах».

Большое количество мин и взрывчатки поступало в город через семью патриотов Вяловых. Это была семейная диверсионная группа, что весьма характерно для витебского подполья. До войны глава семьи И. С. Вялов слыл среди знавших его людей человеком набожным, утверждал, что политикой не интересуется. Нелегко было ему. Умерла жена, оставив пятерых детей. Старшей, Василисе, — шестнадцать лет, Анне — четырнадцать, Алеше — двенадцать, а двое совсем маленьких.

Во время одной из облав в Витебске гитлеровцы схватили Вялова и бросили в тюрьму. Ни за что ни про что фашисты избili пожилого человека, оскорбили и унизили его достоинство. Выйдя из тюрьмы он решил мстить фашистским гадам — беспощадно, сколько в нем было сил. С первых дней И. С. Вялов включился в активные действия.

В этом помогла ему племянница — отважная партизанская разведчица и связная Дуся Спиридонова. Сначала она попросила детей Вялова — Аню и Алешу — помочь ей разнести по городу и передать по назначению советские газеты и листовки. Затем связала с чекистами старшую дочь Василису («Дина»). По поручению чекистов, а затем подпольного горкома партии Василиса и Аня стали доставлять в город тол и мины. Вскоре они получили первое серьезное задание — взорвать городскую биржу труда, ведавшую учетом и отправкой молодежи в Германию. Илларион Семенович тщательно проинструктировал детей. Мина была заложена в печь в здании биржи, но взрыва не последовало. В документах того времени обнаружена запись, разъясняющая причину неудачи: «Источник «Дина» заложила мину в здании биржи труда в г. Витебске. Уборщица обнаружила мину, и взрыв был предотвращен. Однако шума вокруг этого было много».

Первая неудача не смутила юных патриоток. Вскоре они получили новое, еще более ответственное задание — взорвать здание городской полиции и тем самым запутать учет населения в находившемся там паспортном столе. Долго и тщательно готовили эту операцию Василиса Вялова и ее сестра Аня («Малая»). Самым удобным местом для минирования оказался темный уголок под лестничным пролетом, ведущим на второй этаж. 19 января 1943 года Василиса доставила в здание полиции мощный толовый заряд, положила под лестницу, подожгла бикфордов шнур и ушла по направлению к улице Ленина. Не успела она дойти до здания нынешнего областного краеведческого музея, как сильный взрыв потряс воздух. Задание было выполнено. Пользуясь замешательством

и суматохой, отважная подпольщица благополучно добралась домой.

Вот что говорится об этой смелой операции в архивных документах: «19 января 1943 года в 12 часов дня «Дина» пробралась в здание городской полиции и паспортного стола в г. Витебске по ул. Толстого, где положила 3,5 килограмма тола и пол-литра бензина, а затем, подпалив бикфордов шнур, ушла. Возник взрыв, здание выведено из строя, 2-й этаж со всем оборудованием обвалился. Убито 2 человека, ранено 5».

Ненависть к чужеземцам, любовь к Родине, гордость за своих детей придавали силы Иллариону Семеновичу. Чтобы кормить семью и не вызывать у гитлеровцев подозрений, он пошел работать плотником. Ему поручили ремонт вокзала. Не спеша восстанавливал он стены, стлал пол, а тем временем внимательно следил за передвижением фашистских войск, военных грузов по железной дороге и передавал эти сведения партизанам. Закончив работу, незаметно поджигал помещение, потом снова ремонтировал. Такую операцию он проделывал дважды.

С особой теплотой вспоминают руководители витебского подполья «Малыша» — двенадцатилетнего пионера Алешу Вялова, через которого семья Вяловых поддерживала связь с подпольным горкомом партии. «Малыш», как и его сестры, отличался смелостью и находчивостью. Он выполнял самые разнообразные поручения: доставлял в лес собранные семьей разведанные, а оттуда приносил взрывчатку и листовки, очередные задания для отца.

Узнав однажды, что партизаны нуждаются в ружейном масле, он по собственной инициативе принес им из горста 2 литра масла. Во время одного из походов к партизанам он получил серьезную травму. Больше двух недель выхаживали партизаны Алешу. Своим мужеством он буквально покорил их.

Семья Вяловых, славных патриотов Родины, дождалась светлого дня Победы. Вместе со всеми советскими людьми они радовались солнцу и миру. Но трудности и лишения, легшие на еще неокрепшие детские плечи в годы войны, подорвали их здоровье. Вскоре тяжело заболели и умерли Василиса и Алеша. Умер и Илларион Семенович. Но Родина не забыла имена патриотов. Все они отмечены высокими правительственными наградами. На доме Вяловых установлена мемориальная доска.

При выполнении боевых заданий подпольщики действовали самоотверженно, изобретательно, использовали любую оплошность врага, дорожили каждой миной, каждой толковой

машкой. 27 июля 1942 года Н. С. Богданов, получив от особой Белорусской партизанской бригады две маломагнитные мины, решил взорвать на станции Витебск бензоцистерны и вагон с боеприпасами, но ввиду усиленной охраны эшелонов не смог выполнить поставленную перед собой задачу. Тогда он приклеил мину к гусенице стоявшего в городе танка. 8 августа 1942 года Богданов вновь вышел на «охоту», но был задержан полицией и как подозрительная личность доставлен в местную комендатуру. Беглый обыск никаких результатов не дал, мина была у него в рукаве. На некоторое время гитлеровцы оставили патриота в комнате одного. Тогда Богданов быстро положил мину под стол. Вскоре офицеры вернулись, еще раз допросили его и отпустили. А через час произошел взрыв, в результате один офицер был убит, второй ранен.

Главным объектом диверсионно-боевой деятельности витебских подпольщиков являлся железнодорожный узел. Они всеми силами стремились парализовать его работу, лишить противника возможности маневрировать оперативными войсковыми резервами, ограничить доставку военных грузов и живой силы на фронт, затруднить вывоз раненых, материальных и культурных ценностей, награбленных на советской земле.

Патриоты выводили из строя паровозы во время их профилактических осмотров в депо, оставляя паровые котлы без воды при горящих топках (братья Скоробогатовы), устраивали столкновения паровозов и наезды прибывающих воинских эшелонов на стоящие на станции поезда путем преднамеренного перевода стрелок (группа Н. П. Красовского), подсыпали в буксы вагонов песок, подбрасывали в тендеры паровозов угольные мины (группа Н. А. Ляховского), а летом 1942 года вывели из строя поворотный паровозный круг. Во время ремонта путей патриоты умышленно оставляли под рельсами гнилые шпалы, а новые сбывали на топливо. Все это вносило дезорганизацию в работу паровозного и вагонного парков, сокращало оборот вагонов и грузов, вело к расстройству путевого хозяйства.

Подпольщики наносили боевые удары по железнодорожным путям и мостам, воинским эшелонам, одиночным вагонам с военными грузами. Их действия в этом направлении не ограничивались чертой города и часто выходили далеко за его пределы. Вступая в прямое взаимодействие с подрывными группами партизан, патриоты города не только сокращали, а в ряде случаев и вовсе срывали на длительное время снабжение немецких войск продовольствием, боеприпасами и бое-

вой техникой. Особенно большую активность проявляли подпольщики на участках железных дорог Витебск — Городок, Витебск — Старое Село — Шумилино.

Оперативные документы командования группы немецких армий «Центр» пестрят сообщениями о тревожном положении на железнодорожных и шоссейных магистралях в районе Витебска. Так, 16 сентября 1942 года штаб группы армий «Центр» доносил оперотделу Генерального штаба сухопутных войск Германии, что за время с 8 по 12 сентября 1942 года на участке железной дороги Витебск — Невель движение было полностью прекращено. Противник сетовал на усиленную активность партизан на железной дороге Двинск (ныне Даугавпилс) — Витебск, и особенно между Шумилино и Старым Селом, где за первую половину сентября было произведено 19 взрывов. Штаб 59-го армейского корпуса доносил командованию группы армий «Центр» об активности партизан на дорогах Витебск — Лиозно, Витебск — Сураж, Витебск — Городок.

Подобных откровений врага можно привести множество. Они лишний раз подтверждают, что витебские подпольщики оказывали огромную помощь Красной Армии, отвлекая силы врага на охрану железнодорожных магистралей, расходящихся от города по четырем направлениям, уничтожая живую силу и технику оккупантов.

О диверсионной работе витебских подпольщиков свидетельствуют многочисленные документы. В одном из них, например, говорится, что летом 1942 года подпольщик Николай Быков¹ взорвал железнодорожный эшелон на станции Витебск. Но особенно успешно действовали на железной дороге диверсионно-разведывательные группы Н. Я. Нагибова («Смелый») и его жены Т. С. Щукиной («Скромная»), П. С. Смирнова («Кремнев», «Медный»), Ф. К. Мехова, А. А. Гоголи («Чума», «Болт»).

Вот некоторые факты из отчета Витебского подпольного горкома партии: «В октябре 1942 года в пригороде Витебска, в районе деревень Бителево — Дымовщина, «Смелый» и «Скромная» заложили мину на железной дороге. В результате крушения был разбит паровоз и 22 вагона с продовольствием и разным имуществом». «5 октября 1942 года в пригороде Витебска, на участке Витебск — Княжица, «Медным» с группой в три человека была заложена мина. Подорван паровоз и две платформы с песком, шедшие впереди паровоза.

¹ Имеется в виду Николай Семенович Быков, работавший в подполье с братом Леонидом, о котором упоминалось выше.

Движение было прервано на 10 часов». «28 октября 1942 года «Смелый» и «Скромная» на участке Витебск — Залучье, в районе д. Володарка, заложили мину на железнодорожное полотно. Замаскировать не успели. Шестеро немцев обнаружили мину и стали ее рассматривать. Произошел взрыв. Все гитлеровцы были убиты».

5 ноября 1942 года немцы отправили из Витебска на Полоцк эшелон с танками и цистернами с бензином. Не успел поезд выйти за пределы города, как был забросан термитными шарами. Начался пожар, в результате которого все цистерны с бензином сгорели. По свидетельству подпольщика Е. И. Хмелева, эту диверсию совершил Петр Смирнов со своими друзьями. В конце ноября 1942 года Н. Я. Нагибов вместе с партизанами отряда М. Ф. Бирюлина подорвал воинский эшелон противника в районе д. Хайсы, на участке Витебск — Лосвидо. В ночь с 25 на 26 декабря 1942 года Н. Я. Нагибов, Т. С. Щукина и В. Г. Степанов заминировали железнодорожное полотно в черте города за Яновским мостом. В результате под откос слетели паровоз и 12 вагонов. Только в октябре — декабре 1942 года группами Нагибова и Смирнова совершено 11 диверсионных актов, в результате которых враг понес большие потери в живой силе и технике.

Для осуществления диверсий подпольщики выбирали такие места, где их удары были наиболее эффективными. Большинство взрывов они совершали в районе так называемых «Чепинских штанов», где разветвляются железнодорожные линии на Полоцк и Ленинград. Здесь пути проложены в глубоком корыте, без откосов. В результате крушений загромождался путь, и, чтобы расчистить его, гитлеровцы вынуждены были вызывать восстановительные поезда и с их помощью вывозить отсюда искореженные паровозы и вагоны, так как местность не позволяла хотя бы временно разбросать их по сторонам. Это удлиняло сроки восстановительных работ.

В постоянном напряжении держали оккупантов комсомольско-молодежные диверсионные группы Феди Мехова и Андрея Гоголи. Они действовали в тесном контакте. Вначале кроме Мехова и Гоголи в группу входили Костя Шутов и Иван Иотко. Затем к ним присоединились Александр Иванов, Валда Неглин, Фекла Нестеренко, Володя Кузничик, Парфиль Гурин, Олимпиада Иотко, Ольга Гоголя, Валя Богданова (ныне Александрова), Ганя Лопухова, Анатолий Иващенко, Ваня Ерофеев, Дмитрий Тарасов. Многие из них знали друг друга по совместной работе или учебе до войны. В мае 1942 года молодые патриоты установили связь с оперчеккистской группой

и развернули самоотверженную борьбу с врагом. Их действия отличались смелостью, дерзостью. В июне 1942 года, например, Костя Шутов, Ваня Иотко, Андрей Гоголя и Дмитрий Тарасов похитили из стоявших на станции Витебск вагонов три автомата и десять пистолетов.

Находясь на лесоразработках в районе д. Улановичи, Костя Шутов познакомился с военнопленными и от них узнал, что для диверсий можно использовать не только мины, но и артиллерийские снаряды. В снарядах недостатка не было, ребята обнаружили их в лесу целый штабель. Решили устроить диверсию на шоссе на дороге. Получилось неплохо. В воздух взлетело до двадцати фашистских солдат, следовавших на грузовой автомашине.

Вскоре Шутову удалось устроиться в авторемонтные мастерские, где уже работал Мехов. Вместе с военнопленными они подсыпали в цилиндры отремонтированных автомобильных и танковых моторов песок и наждачную пыль, выводя их таким образом из строя. Когда же гитлеровцы заподозрили в этих диверсиях военнопленных, Федя и Костя отправили шестерых из них в партизанский отряд.

В августе 1942 года Мехов, Шутов, Иотко и Гоголя заминировали полотно железной дороги у деревни Гришаны. В результате взрыва под откос слетел паровоз и несколько вагонов с боеприпасами. Шедшие впереди паровоза две платформы с песком оторвались от состава, докатились до Витебска и врезались в стоящий там эшелон.

Однажды на пути в оперчеккистскую группу эти молодые патриоты были задержаны полицейским. На требование предъявить паспорта А. Гоголя ответил: «Пожалуйста». Делая вид, что достает документы, он выхватил из внутреннего кармана пистолет и дважды выстрелил в предателя. Молодые метатели освободили большую группу задержанных граждан.

У чекистов они получили шесть магнитных мин. Все их использовали. Несколько мин удалось прикрепить к отправляемому на фронт эшелону с живой силой противника. Взрыв произошел в районе станции Заболотинка. Через несколько дней подпольщики пустили под откос еще один эшелон на перегоне Витебск — Княжица.

Из дневника боевых действий 1-й Белорусской партизанской бригады видно, что только за сентябрь — октябрь 1942 года этой группой молодых патриотов было выведено из строя 20 немецких автомашин, два ленточных транспортера на песчаных карьерах. Они похитили у гитлеровцев 300 комплектов обмундирования, 400 одеял, 500 килограммов сливочного мас-

ла, 500 килограммов сахара, 10 тонн хлеба и 10 ящиков туалетного мыла.

В ноябре 1942 года подпольщики собрали около ста килограммов тола и намеревались взорвать мост через реку Западная Двина. Но этому помешали начавшиеся аресты. Вечером 30 ноября группа патриотов во главе с Федей Меховым пробралась на станцию, чтобы разведать, какие эшелоны стоят на путях, и заминировать их. Боеприпасов не обнаружили. Тогда они выгрузили из одного вагона до 20 ящиков с дефицитными продуктами, которыми они обычно снабжали партизан, а эшелон заминировали. Десять ящиков тут же переправили на квартиру к Фекле Нестеренко, остальные спрятали в развалинах. Через несколько дней Ваня Ерофеев и Митя Тарасов пытались увести остальные ящики, но были задержаны. Гитлеровцы связали им руки, усадили на подводу и пустили лошадей. По пути Ерофееву и Тарасову удалось бежать, но гитлеровцы уже напали на след группы, лошадь привела их к своему хозяину Акиму Лопухову. Первым был арестован Володя Кузнечик, за ним многие другие участники группы.

Три недели допрашивали под пытками патриотов. Утром 23 декабря 1942 года во двор городской тюрьмы по Суражской прибыли две грузовые автомашины. Подпольщиков вызывали по одному, связывали руки и сажали в машины. 26 патриотов под усиленным конвоем повезли к бывшему 5-му железнодорожному полку. Дорогой друзья попрощались, девушки запели песню «Последний нынешний денечек...».

...Машины остановились у сарая, расположенного на территории, примыкавшей к лагерю военнопленных. В нескольких метрах от него были вырыты две свежие ямы. Первыми из сарая вывели Ганю Лопухову, Олю Гоголю, Липу Иотко, Екатерину Лопухову и других. Их выстроили на краю ямы. Полковник Биккель поднял руку и командовал:

— Фюрер!

Грянули залпы.

Подгоняемые прикладами, у другой ямы столпились Андрей Гоголя, Парфил Гурин, Анатолий Иващенко, Владимир Кузнечик, Гриша Голубев, Аверьян Мисурагин, Аким Лопухов, Викентий Шнипов, Степан Шалаев, Ваня Ерофеев. Все стояли, гордо поднимая головы. Их глаза, устремленные на палачей, пылали ненавистью и мужеством. Полевой комендант торопился. Когда жандармы взяли автоматы наизготовку, раздался голос Вани Ерофеева («Цыганок»):

— Не стреляйте, я покажу, где спрятано оружие.— Ваня решил перехитрить врага.

Выяснив через переводчика, в чем дело, полковник Бикель приказал отвести мальчика в сторону и подал команду открыть огонь по остальным. Но прежде чем прогремел залп, Андрей Гоголя прокричал:

— Беги кто куда! Умирать, так с музыкой!

Ребята бросились в разные стороны. Застрочили автоматы. Андрей успел добежать до колючей проволоки и повис на ней, настигнутый пулями. Анатолий Иващенко перескочил заграждения, но был сражен автоматной очередью. В утреннем морозном воздухе прозвучали его последние слова: «Люди, не забудьте нас!».

После казни подпольщиков гитлеровцы отвезли Ваню Ерофеева в казематы полевой жандармерии местной комендатуры, рассчитывая с его помощью раскрыть остальных участников комсомольско-молодежной группы. Долго он водил гитлеровцев за нос, а 27 января 1943 года совершил дерзкий побег из камеры-одиночки. Он и рассказал о героической гибели своих товарищей.

В донесении фашистской полевой жандармерии от 27 января 1943 года по поводу побега Вани Ерофеева говорилось:

«Эта камера имеет обитую жестью дверь, закрытую на всякий замок. Окно, выходящее на улицу, находится на высоком уровне, выше 4-х метров от пола, и замуровано до верхней его части, которая наполовину застеклена, наполовину забита досками, а снаружи защищена густым сплетением из колючей проволоки.

Эта камера все время отвечала своему назначению, и до сих пор ни один заключенный не удрал из нее...

Так как эту операцию (имеются в виду поиски квартир подпольщиков.— Авт.) по причине целесообразности следовало провести вечером, юноша был снова посажен в камеру. Он был заперт около 13.00 и около 16.00 получил еду. Когда же около 20.00 его хотели вывести оттуда на эту операцию, камера оказалась пустой. Юноша отодвинул раму, раздвинул колючую проволоку и, несмотря на узкое отверстие и высоту окна над полом, удрал из камеры».

Избежавшие ареста Федя Мехов, Костя Шутов, Ваня Иотко и Саша Иванов, прежде чем покинуть город, провели ряд крупных диверсий на железной дороге. 9 декабря 1942 года они взорвали железнодорожный мост в городе по улице Яновской. Движение поездов на Полоцк и Невель было приостановлено на несколько дней. 21 декабря в черте города они подорвали воинский эшелон противника. Дорога бездействовала в течение трех суток. В день казни своих боевых

товарищей, 23 декабря 1942 года, вместе с Ф. П. Грунтовым молодые патриоты пустили под откос воинский эшелон в пределах города. Это был своеобразный салют в честь погибших друзей. В январе 1943 года они подорвали еще два немецких воинских эшелона.

Когда в феврале 1943 года гитлеровцы бросили против витебских партизан полчища карателей, комсомольцы-подпольщики влились в ряды народных мстителей и вместе с ними стойко защищали партизанский край, помогали Красной Армии своей активной диверсионной работой на коммуникациях врага. В боях смертью храбрых пали в феврале 1943 года Ваня Иотко и Саша Иванов, а в мае 1943 года погиб их вожак Федор Каллистратович Мехов. Вместе с Женей Ивановой из группы Веры Хоружей он стойко отражал натиск карателей на одном из участков лесного фронта. Будучи тяжело раненым, Федор продолжал вести прицельный огонь. Гитлеровцы решили окружить смельчаков и взять их живыми. Начался ожесточенный поединок карателей и любивших друг друга Федя и Жени. Уложив с десяток фашистов, комсомольцы Федя Мехов и Женя Иванова последние пули выпустили в себя, но не сдались врагу. За героизм и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Ф. К. Мехов посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Подсчеты показывают, что только за 1942 год подпольщиками Витебска совершено сто два диверсионных акта. В результате было пущено под откос четырнадцать эшелонов противника, восемьдесят восемь вагонов с различными военными грузами, тридцать шесть железнодорожных цистерн с горючим, подорвано два танка, тридцать две автомашины, взорвано два железнодорожных моста, два трансформаторных киоска. Это был существенный боевой вклад патриотов Витебска в дело победы над немецко-фашистскими захватчиками.

БАРОНЫ УБИРАЮТСЯ ВОСВОЯСИ

Характерной особенностью витебского подполья является его тесное взаимодействие с партизанскими отрядами. Эти связи установились с первых дней зарождения партизанского движения вокруг Витебска, крепили и расширялись по мере развертывания партизанской борьбы и усиления подпольных организаций. В боевой деятельности это содружество выразилось в том, что ни одна боевая операция партизан не обходилась без помощи подпольщиков. Наиболее ярко это проявилось в операциях по разгрому немецких гарнизонов в пригородной зоне Витебска.

Рассчитывая навечно закрепиться на советской земле, гитлеровцы с первых же месяцев оккупации Витебщины стали насаждать почти во всех наиболее благоустроенных населенных пунктах, в живописных уголках этого благодатного края немецких помещиков и баронов. Земли многих колхозов и совхозов были отданы отвоевавшимся гитлеровским офицерам, белогвардейским отпрыскам для организации крупных частных хозяйств, эксплуатации и угнетения советских людей.

Эти хозяйства являлись оплотом оккупантов на подступах к городу. Они создавали преграду между партизанами и подпольщиками, затрудняли проникновение в Витебск разведчиков и связных, отрывали подполье от партизанских зон. Витеб-

ский обком КП(б)Б дал указание командованию ближайших к городу партизанских отрядов М. Ф. Бирюлина и Г. И. Сысоева разгромить гарнизоны врага и имения немецких помещиков.

В ночь на 7 августа 1942 года отряд Г. И. Сысоева и два взвода отрядов Зверева и И. С. Бонкарева разгромили немецкое хозяйство в м. Островно. Партизаны уничтожили барак для отдыха фашистских офицеров, сожгли гараж с горючим и склад с боеприпасами и продовольствием, три автомашины, убили 27 гитлеровских солдат и офицеров. В сентябре партизанский отряд М. Ф. Бирюлина разгромил немецкий гарнизон в поселке Мазолово.

Народные мстители разгромили немецкое хозяйство в Бибировке. Они уничтожили его охрану, угнали и затем раздали населению крупный рогатый скот, лошадей передали частям Красной Армии.

Большой резонанс имела операция по разгрому гарнизона в учхозе Подберезье, в четырех километрах от Витебска. Решающую роль в ее подготовке и проведении сыграла подпольная группа братьев Грунтовых и В. С. Кулагиной.

31 января 1943 года отряд Г. И. Сысоева напал на гитлеровский гарнизон в Улановичах, вблизи Витебска. Охрана имения разбежалась, управляющий был убит. Партизаны угнали 42 головы крупного рогатого скота, лошадей. Разгромлено было также имение, созданное оккупантами в трех километрах от города на базе бывшего совхоза Билево.

Проникшие в охрану имения витебские подпольщики Анатолий Кононенко и Владимир Папсуевич совместно с Женей Колобановой, Тамарой Ломоносенко, Валей Кульбеевой, осуществлявшими связь с партизанской бригадой «Алексея», тщательно изучили обстановку, разведали систему охраны, подступы к имению и предложили конкретный план операции. В ночь, когда на пост заступили подпольщики Кононенко и Папсуевич, партизаны отряда имени Чапаева (командир М. П. Ахмедчик) в сопровождении Жени Колобановой на двадцати трех подводах бесшумно приблизились к поселку и внезапно налетом разгромили хозяйство. Были сожжены скотные дворы, уничтожена техника. Захватив с собой механизаторов и обоих «полицейских» (Кононенко и Папсуевича), партизаны ушли, отбив охоту у немецкого барона обзаводиться поместьями на витебской земле.

Во время этой операции погибла Женя Колобанова. В разгар боя она первой ворвалась в помещение полицейской охраны и крикнула: «Полиция, сдавайтесь!» В ответ раздалась вы-

стрелы. Женя упала. Очнулась, когда кругом уже рыскали фашисты, подоспевшие из города. Умиравшую комсомолку допрашивал офицер. Женя была в полном сознании. Ничего не говорила, только плевала фашисту в лицо. Гитлеровец выпустил в девушку всю обойму пистолета.

О Жене Колобановской ходили легенды еще при ее жизни. Ей было всего шестнадцать лет, когда она погибла. Безграничная любовь к Родине, к комсомолу, жгучая ненависть к врагам придавали силы этой замечательной девушке, сделали ее бесстрашной и бессмертной. Как вспоминает бывший начальник разведки бригады «Алексея» И. С. Волков-Рапопорт, по смелости, смекалке, проделанной работе Жене не было равных среди разведчиц и связных.

С самолета партизанам сбросили магнитные мины с химическими взрывателями. В бригаде совещались, как их использовать. Решили подкладывать под цистерны с горючим. Долго спорили — поручать ли Жене такие задания. В разговоре участвовали комбриг А. Ф. Данукалов, комиссар А. Т. Щербакон, начальник штаба. Комиссар уговорил товарищевой удовлетворить просьбу Жени. Она была в восторге. Попросила лошадь с телегой. В один мешок насыпала картошки, в другой немного ржи, в третьем лежала пара платьев, оставшихся от «обмена». Хомут набит не войлоком, а литературой, под двойным дном телеги — магнитные мины. И вот Женя в городе. Немало составов взлетело в воздух, сгорело цистерн от взрывов мин, которые подкладывали под немецкие эшелоны витебские патриоты.

В Витебске менялись воинские части. Разведка сообщала об отъезде местного коменданта, смене полевой жандармерии, персонала аэродрома. Подпольщикам предстояло знакомиться с новичками, узнавать их фамилии, должности, повадки. Это нужно было фронту, партийным органам, работавшим в тылу. И вновь задание получает Женя. Под предлогом устройства на работу она, как вспоминает И. С. Волков-Рапопорт, ходила от одного учреждения к другому. Заходила в коридоры и читала надписи на дверях, заходила к секретарям и узнавала фамилии их шефов. Ей удавалось проходить и к самим шефам.

В подполье Женя работала с необыкновенным воодушевлением. Она выполняла роль связной, заведовала складом взрывчатки, которую сама же доставляла в город, ловко минуя посты и проверки. Сведения, добытые ею, всегда отличались достоверностью и важностью.

ОПАСНЫМИ ТРОПАМИ

Героическая оборона Сталинграда, окружение и полный разгром огромной группировки отборных немецко-фашистских войск на Волге, последующее успешное наступление Красной Армии на многих фронтах вдохновили всех советских людей на новые подвиги во имя победы над врагом, придали им новые силы, вселили веру в скорое освобождение.

На территории Витебской области к этому времени образовалось несколько партизанских краев и зон. Лепельско-Ушачская зона, например, занимала площадь 3245 километров, на этой территории проживало около 80 тысяч человек. Широкую известность получили и другие партизанские зоны — Суражская, Полоцкая, Россонская, Сенненская. На 1 января 1943 года в области уже действовало 23 бригады и много отдельных партизанских отрядов.

Опираясь на их помощь и поддержку, росли и крепились подпольные организации в городах. Наряду с разведкой и политической пропагандой они вели в широких масштабах диверсионную работу. Борьба приняла исключительно острый и напряженный характер.

В то время, когда партизаны почти непрерывно сражались с фашистскими карателями, нанося врагу большие потери, патриоты-подпольщики Витебска усиливают удары по желез-

нодорожному узлу, устраивают диверсии на аэродроме, в различного рода мастерских по ремонту танков, автомашин и мотоциклов, ведут работу по разложению вражеских формирований. Вот как характеризовал положение в тылу 3-й немецкой танковой армии в 1943 году начальник штаба этой армии Отто Гейдкемпер.

«Главное беспокойство, — писал он, — причиняют партизаны... Весь тыл армии насыщен партизанами. Не проходит дня без того, чтобы вследствие их налетов, подрывов на установленных ими минах не гибли один или несколько человек из состава танковой армии. Из-за постоянной угрозы нападений из партизанского района можно фактически использовать только одну из тыловых дорог армии, а именно — шоссе с запада через Полоцк. Однако и эта дорога пригодна только для дневных перевозок и то при условии вооруженной охраны».

Немецко-фашистские захватчики бросают против витебских партизан регулярные фронтовые части. До 20 тысяч солдат и офицеров противника участвовало в карательной экспедиции против витебских партизан в феврале 1943 года. Гитлеровцы надеялись, что, разгромив партизан, они нанесут тем самым смертельный удар и по городскому коммунистическому подполью.

Анализируя положение в районе Витебска, комиссар ГФП-703 Гаш докладывал своему начальству: «На основе полученного опыта, а также по имеющимся другим соображениям, нужно иметь в виду, что вражеская разведка поддерживает постоянный контакт почти со всеми нашими учреждениями административного характера и большими предприятиями города Витебска. Уничтожение партизанских отрядов, располагающихся в прилегающих районах города, будет иметь большое значение в пресечении фактов саботажа, подрывной деятельности, а также добывания сведений. Необходимы новые связи и новые указания для продолжения работы».

Разворачивает свою кровавую деятельность группа прифронтовой разведки Абвергруппа-210, а также Ауссенкоманда-4. Они в спешном порядке готовят разведчиков и диверсантов специально для засылки в партизанские отряды и подполье. Увеличивается военный гарнизон в Витебске. Сравнительно крупные гарнизоны обосновываются в Бабиничах, Андроновичах, Батраках, Подберезье, Лужесно, Мазолше, Хайсах. Они охватывали город плотным полукольцом на расстоянии от трех до пятнадцати километров. Гитлеровцы всеми мерами старались обезопасить свой тыл, нанести наибольшие потери народным мстителям.

Подпольщики Витебска оказались в очень трудных условиях. Это видно из письма ответсратора обкома КП(б)Б по городу В. Р. Кудинова на имя секретаря обкома партии И. А. Стулова от 20 января 1943 года. «Обстановка в городе, — писал он, — сейчас нервная. Теперь установлено много дополнительных постов, охраняющих вход и выход из города. Без пропусков задерживают, направляют в СД, тщательно обыскивают. Известны случаи, когда немцы и полиция сбрасывают с подвоз сено, дрова, из мешков заставляют высыпать содержимое... на брезент, специально для этого имеющийся на постах. Запрещено входить в город вне установленных дорог, переходить реку Двину вне установленных мест. За нарушение виновные расстреливаются. На каждом направлении выхода из города установлены разных форм пропуска».

Связь подпольщиков с партизанами и партийным руководством крайне осложняется. Сужаются возможности доставки в город пропагандистской литературы, взрывчатки. Выход из города и вход в него был сопряжен с большим риском. От вражеской разведки не ускользнуло массовое участие женщин в подпольной борьбе патриотов города. В донесении коменданту тылового района 590 лейтенант полевой жандармерии Хон писал, что у партизан «осведомительная служба большей частью исполняется женщинами. Связные полевой жандармерии получили соответствующие указания».

Проверкой документов начали заниматься не только постовые и полицейские. Это обязан был делать каждый солдат и офицер фронтовой или находящейся на отдыхе части. Стали практиковаться так называемые «контрольные дни», когда документы проверяли поголовно все военнослужащие 3-й танковой армии противника, располагавшейся в районе Витебска.

Февральско-мартовская карательная экспедиция 1943 года против витебских партизан еще больше осложнила положение подпольщиков. Она, по сути дела, прервала на некоторое время разведработу на город многих партизанских бригад. С февраля 1943 года ослабли связи с городом оперчекистской группы, которую вместо А. П. Максименко возглавил Ян Мишин. В таком же положении оказались армейские разведгруппы П. А. Крылатых и Ю. С. Рудакова. Они вынуждены были кочевать от отряда к отряду, непрерывно меняя место дислокации. Разведчики группы Крылатых, которая, по оценке командования, «работала хорошо, добывала ценные сведения о дислокации немецких войск в районе Витебска», совсем потеряли связь с городом. В подпольных группах, которые работали с ними, в январе — марте 1943 года произошли тяжелые провалы.

Гитлеровцами были выслежены и схвачены наиболее ценные разведчики, легализовавшиеся в Витебске: коммунист-москвич Михаил Кузьмич Янин («Дядя Миша», «Грач», «Андреев») и комсомолка-москвичка Александра Степановна Виноградова («Катя»).

М. К. Янину удалось оформить прописку в Витебске и устроиться в июле 1942 года чернорабочим на железнодорожном узле. Он действовал здесь почти восемь месяцев, давал ценные сведения о переброске войск и грузов противника по железной дороге. Янин жил в доме, который стоял около железнодорожных путей в конце улицы Киевской. Это позволяло ему круглосуточно наблюдать за перевозками. Он научился безошибочно определять характер военных грузов.

Под видом племянницы на связь к «Дяде Мише» регулярно приходила Софья Пискунова. Она передавала ему задания, деньги, газеты, листовки, а от него уносила исчерпывающую информацию, благодаря которой удары советской авиации по железнодорожному узлу обрушивались именно в тот момент, когда там скапливались воинские эшелоны.

Однако вскоре нагрянула беда. По доносу предателей в ночь с 6 на 7 ноября 1942 года была схвачена и брошена в казематы СД Софья Пискунова. Вторая связная группы Крылатых, Ирина Жан Ван-фу («Китаечка»), вовремя была предупреждена матерью С. С. Пискуновой и избежала ареста. Но, естественно, ее нельзя уже было дальше использовать в качестве связной для работы в Витебске. 8 ноября была арестована резидент армейской разведки в городе Ольга Пинчук. Это она через Жан Ван-фу и С. С. Пискунову передала из Витебска одно из писем В. З. Хоружей.

Фашисты пытали, истязали Ольгу, но ни на очной ставке, ни на допросах она не назвала своих товарищей. С. С. Пискунова, которая в одной камере с Ольгой Пинчук провела ночь перед ее казнью, вспоминает, что она еле узнала свою боевую подругу. Опухшая, в кровоподтеках и ссадинах, Оля обняла Соню и сказала: «Много раз я от них выкручивалась, но на этот раз не удастся. Все кончено, а как много хотелось сделать! Как хотелось дожить до победы. Пощады не жду. Сейчас я спокойна — все же что-то сделала для Родины».

Осталась жива С. С. Пискунова. Ее отпустили под надзор полиции. Ежедневно полицейский Крицкий приходил проверять, дома ли его поднадзорная. Выполнять обязанности связной она также не могла.

Для осуществления связи с М. К. Яниным в Витебск была прислана А. С. Виноградова («Катя»). С помощью подпольщи-

ков из группы коммуниста П. С. Смирнова она была прописана в городе. Сначала жила в доме Е. И. Тычиной по 17-й Городокской, 6, а затем в семье патриотов Захаровых, дочь которых Мария Пименовна являлась связной в группе П. С. Смирнова.

Виноградова была обаятельной, умной и находчивой девушкой. Она быстро восстановила нарушенные связи с группой М. К. Янина, привлекла к работе комсомольца Женью Баранова — помощника машиниста паровозного депо, помогла ему создать подпольную группу из надежных людей и стала получать от него нужную информацию. Много и упорно работала сама. Умела выуживать необходимые сведения у немецких солдат и офицеров.

В доме Е. И. Тычиной жили гитлеровцы. К ним часто приходили выпивать однополчане. Однажды пришел солдат, которого звали Вилли. Он сопровождал воинские эшелоны и очень гордился этим.

Выпив пару чарок, Вилли расхвастался:

— Мне поручают самые ценные поезда, и ни один не пошел под сток, а у других летят. Почему? Вилли не дурак. Он все видит. Когда другим дают важный груз, то назначают усиленный конвой. На ходу поезда конвоиры стреляют и будят партизан за десятки километров. И партизаны ползут, ползут и подрывают. А я не дурак. Дадут ценный груз — предупреждаю, чтобы ни единого гудка, ни единого выстрела — полнейшая тишина. Партизаны думают, что это простой эшелон, и пропускают.

Болтливый Вилли не подозревал, что его откровение о «тихих поездах» будет немедленно передано подпольщиками по назначению.

Через город двигалась фашистская мотопехота. Гитлеровцы остановились на отдых. Разместились на квартирах, где проживали немецкие солдаты и офицеры. Один солдат был определен в дом Тычиной. Разведчице надо было во что бы то ни стало выяснить, из какой он части, куда она следует, с какой задачей.

Когда гитлеровцы сели обедать, «Катя» сделала все, чтобы получить приглашение к столу. Она шутила, улыбалась. Солдат клюнул на приманку и усадил ее рядом с собой. Обед пошел веселее.

— Хорошая была бы пара, только они разных национальностей, — заметила хозяйка.

— Это не имеет значения. Гут паненка, — отвечал польщенный гитлеровец.

— Конечно, не имеет,— поддержала «Катя». — Только вот беда: вера-то у нас неодинаковая, а по закону божьему бракосочетаться могут только единовѣрцы. У меня вот крестик, а у вас...

С этими словами, наивно улыбаясь, «Катя» мгновенно выхватила висящий на шее у солдата медальон.

— Ой, извините, я думала, что это тоже крестик,— смущенно сказала девушка и тут же возвратила медальон.

Но и этого мгновения было достаточно, чтобы разведчица запомнила интересующий ее номер.

— Паненка, это нельзя. За это мне может быть очень плохо,— разъяряет немец, пряча медальон на груди.

— За что плохо, от кого? — не унимается «Катя». — Ах, понимаю. Это, наверное, память от невесты, талисман, вот вы и боитесь потерять. Ай-яй-яй, а еще кавалер. Правда, у вас есть невеста?

— Найи, найи! Это другое, но я не могу вам сказать,— успокаивал девушку подвыпивший фашистский вояка.

Но «Катя» уже бежит в свою комнату и через несколько минут выходит одетая.

— Извините. Заболталась с вами, на работу опаздываю. Встретимся завтра. Ауфвидерзейн! — веселая и легкая, как птичка, она скрылась за дверью.

Вездесущая «Катя» установила тесный контакт со многими подпольщиками-железнодорожниками, которые оказывали ей большую помощь. Она познакомилась с братьями Скоробогатовыми, братьями Бондарь, семьей Нины Тризно, Пашей Улютенко и другими патриотами Витебска и привлекла их к разведработе. В отчете ГФП-703 говорится, что «Прасковья Улютенко в декабре 1942 года установила связь со шпионкой под псевдонимом «Катя». Передавала ей информацию и предоставляла квартиру». А вот другая запись: «Выслежено определенное число лиц, сотрудничавших со шпионкой «Катей»... Они предоставляли «Кате» убежище и передавали информацию. Главными обвиняемыми в этом случае являются: Николай Бондарь, Анатолий и Григорий Скоробогатовы, Прасковья Улютенко, Надежда Гончарова и Нина Тризно».

Обширные связи «Кати», особенно с железнодорожниками, позволяли ей получать очень ценную информацию о фашистском гарнизоне в городе, о перемещении вражеских войск, их боевой технике через станцию Витебск. Собранная информация передавалась в спецгруппу П. А. Крылатых. По данным «Кати» советская авиация неоднократно наносила меткие удары по военным объектам врага.

В середине февраля 1943 года А. С. Виноградова принесла из города в спецгруппу важные сведения. Здесь она узнала о том, что М. К. Янин награжден орденом Красного Знамени. Получив инструктаж и новые задания, она возвратилась в Витебск. Обстановка в городе с каждым днем становилась все тяжелее. Уже томились в тюрьме Петр Смирнов и почти все члены его группы. «Катя» немедленно сменила явочную квартиру, но за ней уже охотились гитлеровцы. Вскоре А. С. Виноградова, М. К. Янин и другие были схвачены. Более двух месяцев фашистские палачи передавали их для «развязывания языков» то в Абвергруппу-318, то в ГФП-717 и ГФП-703, то снова возвращали в тюрьму.

Долгое время о судьбе этих пламенных патриотов ничего не было известно, но не так давно в Польской Народной Республике обнаружены трофейные документы ГФП-703, в которых упоминается имя замечательной советской разведчицы. В одном из отчетов команды палачей за май 1943 года сказано, что подлинное имя «Кати» — Александра Виноградова и что она была схвачена в феврале 1943 года Абвергруппой-318. Дальнейшая судьба разведчицы-комсомолки видна из следующего сообщения ГФП-703: «Николай Бондарь. Работал на железной дороге в Витебске как писарь и переводчик. Поддерживал связь со шпионом «Катей», которая была поймана в другом месте и расстреляна».

Вот и все, что можно было почерпнуть из фашистских документов. Правильно здесь то, что «Катя» погибла. Отчет ГФП-703 свидетельствует о том, что гитлеровцам так и не удалось установить ее связи в городе, не удалось точно узнать, кто она и откуда, чье задание выполняла, поскольку запись: «...была послана партизанским отрядом Бирюлина» не соответствует действительности.

Кто же такая Александра Степановна Виноградова — «Катя»? Откуда, каким образом и ради чего она оказалась в Витебске — городе, где ее на каждом шагу подстрегала смерть?

Не сразу удалось установить все это. Потребовалась длительная переписка, чтобы найти людей, хорошо знавших ее. Первым прислал более обнадеживающий ответ начальник паспортного отдела Управления внутренних дел Тульского облисполкома полковник милиции Н. И. Талызин. Он сообщил, что в Москве живет сестра разведчицы — Анна Степановна Виноградова. Она помогла узнать много интересного из жизни «Кати».

Родилась Александра Степановна 2 августа 1925 года в де-

ревне Курбатово Чернского района Тульской области, в крестьянской семье. Рано осталась без отца и в 1933 году вместе с матерью переехала к сестре Анне в Москву. Училась в 510-й средней школе Пролетарского района столицы. Училась хорошо, но болезнь матери и материальные затруднения вынудили бросить школу и пойти работать. Пятнадцатилетняя Шура поступает на автогенный завод (ныне Московский завод кислородного машиностроения). Энергичная, любознательная и трудолюбивая девушка быстро овладела профессией токаря второго разряда, несмотря на то, что окончила всего лишь шесть классов. Как лучшую работницу и общественницу первичная комсомольская организация завода принимает ее в ряды ВЛКСМ. В сентябре 1941 года Пролетарский райком ВЛКСМ Москвы вручил А. С. Виноградовой комсомольский билет № 13601282. Этот билет стал путевкой на подвиг, который она совершила в Витебске.

А вот что говорит о ней Владимир Иванович Любомудров, один из товарищей девушки:

«Я помню Шуру Виноградову молоденькой, очень стройной и красивой девушкой... Наши детские игры проходили в одном дворе... Она осталась в моей памяти в голубой вязаной кофточке, черной юбочке, очень подвижной и энергичной.

Как и все мальчишки, мы не очень признавали девочек, но Шуру уважали и даже немного поблизались ее».

Анастасия Филипповна Бакрымова — член КПСС, старший инспектор завода кислородного машиностроения тоже тепло отзывается о девушке:

«Знаю Шуру с 1939 года, жили в одном заводском доме. Шура была веселой, жизнерадостной, хорошим, отзывчивым товарищем, со всеми вежливой и прямой.

Вместе с Шурой участвовали в спортивных играх и соревнованиях. Ходили на лыжах, играли в волейбол. Состояли в одной комсомольской организации и выполняли комсомольские поручения. Сдавали нормы по комплексу «Готов к труду и обороне», ходили на стрельбище, бросали гранаты, бегали, плавали, и все это Шура выполняла с чувством долга и ответственности.

Все эти три года (1939—1942), до ухода Шуры на фронт, я неразрывно, дома и на работе была свидетельницей жизни этой очень юной, прекрасной души девушки.

Мы, ее товарищи и друзья, гордимся героическим подвигом Шуры — иначе и не могло быть».

Да, иначе не могло быть. Так пишут и многие другие, кто знал Шуру по играм в московской Тюфелевой роще, по работе

на автогенном заводе, по первым месяцам Великой Отечественной войны. Семья, школа, рабочий коллектив, комсомол дали ей закалку, способную преодолеть любые трудности, которые могли встретиться в жизни.

Анна Степановна Виноградова с автогенного завода сообщает:

«В октябре 1941 года, когда фашистские орды рвались к Москве, Александра Степановна была мобилизована на строительство рубежей первой линии обороны в нескольких километрах от Москвы, в деревне Воронцово.

После окончания работ на строительстве окопов возвратилась на завод и работала в цехе № 1 токарем. Вечером ходила на дежурства в подшефный госпиталь (ныне 30-я городская больница).

Шура любила читать, читала много, в основном о войне. Очень любила фильм «Фронтовые подруги». В детстве любила играть в войну. Была очень веселой, энергичной. Характер был твердый».

Об этом же пишет инженер завода кислородного машиностроения, член КПСС Зинаида Васильевна Посударова.

В начале июля 1942 года А. С. Виноградова подала заявление о направлении ее на фронт. 11 июля ее призвали в ряды Красной Армии. Как вспоминает сестра разведчицы Анна Степановна, настроение у Шуры было приподнятое, боевое. Во время прощания Анна посоветовала ей:

— Шура, ты отправляешься в тяжелый и опасный путь. Выполняй все приказы старших...

— Есть, товарищ командир, все будет хорошо. Ты за меня не волнуйся. Я понимаю. Только писем от меня, возможно, долго не будет. Матери ничего не говори.

На этом и распрощались, распрощались навсегда.

После окончания курсов радистов, в сентябре 1942 года, Виноградова была направлена в распоряжение разведгруппы П. А. Крылатых под Витебск для работы в самом городе.

В конце сентября она писала сестре: «Доехали хорошо, но до места назначения еще далеко, держим курс на Орел, много шли пешком. Сегодня получили задание, улетаю, жива буду — напишу».

В течение пяти месяцев «Центр» получал из Витебска донесения за краткой подписью — «Катя». Эти сведения были очень нужны командованию советских войск, но чтобы добыть их, отважная девушка часто шла на риск и смертельную опасность. Она думала только об одном: как нанести наибольший урон фашистам, приблизить день победы.

Александра Степановна Виноградова погибла, не дожив до своего совершеннолетия. Но ее жизнь является примером высокой зрелости и мужества, беспредельной преданности своей Родине. За героическую работу в тылу врага А. С. Виноградова посмертно награждена орденом Красной Звезды.

Группе П. А. Крылатых, а вместе с тем и витебскому подполью был нанесен тяжелый удар. Уцелевшие члены группы летом 1943 года были отозваны в советский тыл. Впоследствии П. А. Крылатых возглавил новую разведгруппу «Джек», которая одной из первых была заброшена в Восточную Пруссию. Там он погиб 29 июня 1944 года при выполнении специального задания.

Павел Андреевич Крылатых прожил короткую, но яркую жизнь. Родился он 26 декабря 1918 года в деревне Выгузы Советского района Кировской области. Окончил Свердловский горный институт, затем пехотное училище. В декабре 1941 года отправляется на фронт командиром минометного взвода, участвует в тяжелых боях под Гжатском (ныне г. Гагарин). В апреле 1942 года получил ранение, а в сентябре этого же года он уже в тылу врага под Витебском.

Павел Андреевич погиб, не прожив 26 лет. На месте гибели П. А. Крылатых сооружен памятник. Его имя носит школа города Громов Калининградской области. Его подвиг увековечен в книгах А. А. Горчакова «Лебединая песня» и «Чекисты», Н. Ридевского «Параюты на деревьях».

Во время февральско-мартовской карательной экспедиции немецко-фашистских войск против витебских партизан ослабли связи с городскими подпольщиками и по линии комсомольских органов. «До начала экспедиции, — сообщала обкому ЛКСМБ секретарь Витебского подпольного райкома комсомола Е. А. Крицкая, — связь с Витебском имела положительные результаты. Были подобраны связные, и они регулярно ходили в город. С момента экспедиции связь несколько ухудшилась...»

В конце января 1943 года полицией была схвачена одна из связных обкома комсомола Аня Гренькова. В фашистские застенки попали ее отец Михаил Венедиктович и сестра Е. М. Каминская. Несколько раньше была арестована другая связная обкома ЛКСМБ Ольга Зайцева. Из имеющихся трофейных документов видно, что Аню Гренькову допрашивали целую неделю по три — шесть часов ежедневно. Но комсомолка мужественно перенесла пытки, не выдав никого из своих товарищей. Более того, она сделала все, чтобы отвести подозрение от отца и сестры, спасти им жизнь. Аня Гренькова погибла, ничем не запятнав свое светлое имя и комсомольскую честь.

В героической летописи комсомола Витебщины есть такая запись: «Связные Зайцева и Гренькова были арестованы, но они не предали организацию. Руководители и все члены подпольных организаций остались на месте и продолжали свою работу».

Временно прекратились связи с городом и спецгруппы Ю. С. Рудакова. Отчитываясь перед центром, он констатировал, что в результате карательной экспедиции, начавшейся 14 февраля 1943 года, связь с группой Л. И. Хрипача, как и со всеми остальными, прекратилась. Правда, провалы в этих группах не были столь велики, как это случилось с подпольщиками, связанными с группой Крылатых. Однако без потерь не обошлось. Группа Ю. Рудакова лишилась Л. И. Хрипача. Подвела беспечность.

Племянник связной Швейкус-Жилинской уходил в партизаны. Она проводила его на виду у всей деревни. Об этом стало известно фашистам. Швейкус-Жилинская вынуждена была уйти в партизанскую зону. Но сразу попал под подозрение Л. И. Хрипач. И он уходит в 1-ю Белорусскую партизанскую бригаду. Во время карательной экспедиции Л. И. Хрипач погиб. После его гибели группа распалась, но члены ее продолжали действовать. Не прекратила работать в подполье и жена Леонида Ивановича — Анна Карловна Хрипач, которая осталась в Витебске с двумя дочерьми.

В материалах ГФП-703 имеются записи, дополняющие характеристику супругов Хрипач: «Анна Карловна Хрипач, — говорилось в отчете ГФП, — уборщица в управлении по разработке торфа в Витебске, жена агента Хрипача. Ей было известно, что ее муж является руководителем разведслужбы, она знала также всех его сотрудников, среди которых был директор торфзавода в п. Сосновка Козлов. Она знала все о работе своего мужа и его помощников и являлась посредником в передаче их в партизаны. 12.XI.43 года она была расстреляна». Анне Карловне вменялось в вину, что она перебрала в партизанские отряды сотрудников Л. И. Хрипача — Ефима Харитонов и Григория Серебро.

Но, несмотря на тяжелые потери, подпольная борьба в городе против фашистских оккупантов не затихала ни на один день. Тюрьмы и пытки, виселицы и расстрелы не могли сломить боевой дух патриотов Витебска.

...Большую роль в деле дальнейшего развития партизанского движения и партийного подполья, повышения их боевой активности и улучшения партийного руководства всенародной борьбой в тылу врага сыграл V пленум ЦК КП(б)Б, состояв-

шийся в Москве 26—28 февраля 1943 года. Он обсудил вопрос «Об обстановке и задачах работы партийных органов и партийных организаций в оккупированных районах Белоруссии».

Подводя итоги деятельности подпольных партийных организаций и развития партизанского движения на временно оккупированной территории республики почти за двухлетний период, пленум, в частности, подчеркнул, что у «Коммунистической партии большевиков Белоруссии исключительной и главной задачей является активное участие, организация и руководство всенародной борьбой против оккупантов во имя очищения от них нашей Родины». В этом Компартия Белоруссии увидела смысл всей своей деятельности.

Уделив большое внимание развитию партизанского движения, пленум дал также ясные и четкие указания о формах организации и содержания деятельности партийного и комсомольского подполья в городах.

В пленум ЦК КП(б) Белоруссии ознаменовал новый этап в развитии партизанского движения и подпольной борьбы, связанный с коренным переломом в ходе войны. Его решения явились боевой программой деятельности для всех партийных организаций республики.

Большую организационно-массовую работу по доведению постановления V пленума ЦК КП(б) до всех коммунистов, комсомольцев, партизан и подпольщиков проделал Витебский обком партии. В партизанские бригады и отряды были направлены ответственные работники обкома партии и обкома комсомола. Они проводили в тылу врага партийные и комсомольские собрания, совещания руководителей партизанского движения, беседы среди партизан. Например, секретарь Витебского обкома партии И. Б. Поздняков рассказал о пленуме и вручил его постановление секретарям Лепельского, Чашникского, Ушачского, Бешенковичского, Ветринского, Сиротинского, Оршанского, Сенненского и Толочинского подпольных райкомов партии, ознакомил с решениями пленума уполномоченного Борисовского подпольного центра П. А. Жуковича и секретаря Бегомльского подпольного райкома КП(б) С. С. Манковича.

Для ознакомления с постановлением V пленума ЦК КП(б) коммунистов, комсомольцев и руководящего состава 1-й Витебской, 1-й Белорусской партизанских бригад, расположенных в непосредственной близости от Витебска, был послан уполномоченный обкома партии Д. В. Еленский. Эту же работу в партизанской бригаде имени Фрунзе на Освейщине и бригаде Прудникова «Неуловимые» проводила инструктор обкома КП(б) А. П. Корнеева, а в партизанских бригадах Россонского рай-

она — секретарь областного комитета комсомола В. И. Лузгин. Они побывали в этих бригадах, во многих партизанских отрядах, детально ознакомили их руководство с важнейшим партийным документом.

Обком КП(б)Б заботился о том, чтобы содержание и смысл постановления пленума дошли не только до каждого партизана, но и до сознания каждого патриота, находившегося в глубоком подполье во вражеских гарнизонах.

Одновременно обкомом партии проводилась большая организаторская работа по практическому осуществлению поставленных Центральным Комитетом Компартии Белоруссии задач и, в частности, по усилению партийного руководства витебским подпольем. Постановлением бюро обкома КП(б)Б от 7 апреля 1943 года был утвержден Витебский подпольный горком партии во главе с В. Р. Кудиновым. В его состав вошли инструктор обкома партии по городу Витебску М. И. Маценко и В. К. Семенов, оставленный для подпольной работы в городе в 1941 году.

Фактически еще летом 1942 года возобновил свою деятельность Витебский горком комсомола во главе с секретарем Н. С. Самуйловой, работавшей в этой должности до войны. Вместе с первым секретарем Витебского обкома ЛКСМБ В. И. Лузгиным и секретарем ЦК ЛКСМБ Ф. А. Сургановым в июле 1942 года Н. С. Самуйлова побывала в тылу врага. Она провела значительную работу по созданию подпольных комсомольских организаций в Витебском сельском районе, подобрала состав бюро подпольного райкома ЛКСМБ. Однако до апреля 1943 года Н. С. Самуйлова числилась заведующей оргинструкторским отделом обкома ЛКСМБ и до конца 1942 года вплотную подпольем города не занималась, а выполняла различные поручения в партизанских бригадах и отрядах. Но уже в декабре 1942 года В. И. Лузгин докладывал секретарю ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянину: «Организацией комсомольской работы в г. Витебске занимаются член бюро обкома комсомола Н. С. Самуйлова и А. Н. Немыкин...». В марте 1943 года был утвержден Витебский подпольный горком комсомола. В состав его бюро кроме Н. С. Самуйловой вошли А. Н. Немыкин и секретарь Витебского подпольного райкома комсомола Е. А. Крицкая.

Подпольные горком партии и горком комсомола были созданы в очень трудный период. Против витебских партизан началась серия крупных карательных экспедиций, не прекращавшихся вплоть до освобождения территории области от немецко-фашистских захватчиков. Обстановка осложнялась и

тем, что ближайшая к городу 1-я Витебская партизанская бригада во время майской карательной экспедиции 1943 года понесла значительные потери, лишилась многих командиров. Погибли начальник штаба бригады И. А. Крицкий, начальник разведки Я. Е. Анащенко, секретарь Витебского подпольного райкома партии В. И. Когаль и другие. Горком партии, который находился при этой бригаде, вынужден был часто менять место своего расположения, что затрудняло связь с подпольщиками Витебска. В момент образования и до начала карательной экспедиции он был в д. Кабыляки Витебского района, а затем перебазировался в щелбовские леса, не успев как следует развернуть работу. Чтобы охватить партийным влиянием как можно больше партизан, которые вели непрерывно бои с карателями, члены бюро горкома партии рассредоточились по отдельным партизанским отрядам.

После майской карательной экспедиции горком партии возвратил работу по организационному укреплению подполья в Витебске, усилил практическое руководство борьбой патриотов города против немецко-фашистских захватчиков. Прежде всего, необходимо было восстановить и закрепить нарушенные связи с городом, взять на учет все сохранившиеся подпольные группы, создавать новые. В решении этой задачи большую роль сыграло то обстоятельство, что в это время секретарь подпольного горкома КП(б) В. Р. Кудинов одновременно стал комиссаром 1-й Витебской партизанской бригады и секретарем Витебского подпольного райкома партии. Это совмещение было полезно, так как все довольно широкие связи партизанских отрядов и бригад с городом, а также подполье Витебского сельского района сосредоточились в одних руках, что улучшало руководство подрывной работой.

Для налаживания связи с подпольными организациями в городе горком подобрал из наиболее опытных, хорошо зарекомендовавших себя подпольщиков группу связных. Через них подпольщики получали указания горкома партии, пересылали ему свою информацию. В качестве таких связных работали В. С. Кулагина («Лиса»), Е. С. Спиридонова («Соня», «Дуся»), Н. Я. Нагибов («Смелый»), Т. С. Шукина («Скромная»), Т. П. Суторман-Демерза («Бессарабка») и другие.

В. С. Кулагина возобновила связи с подпольными группами Ивана Бекишева, Василия Орловского («Джон», «Орленок»), Елены Соколовой («Тетя Лена», «Певунья»), сестер Журинских, которые уцелели во время массовых провалов. Все эти группы были тесно связаны между собой, работали в непосредственном контакте.

Пройдя хорошую школу подпольной работы под руководством опытного разведчика Н. А. Шпакова, В. С. Кулагина умело осуществляла связь с этими группами. Чаще всего подпольщики собирались в доме Е. А. Соколовой, которая привлекла к подпольной работе всю свою семью и родственников: мужа Анисима Агеевича, племянницу Елизавету Соколову, сестру Надежду Пашкевич-Удановскую, а связным стал ее племянник подросток Миша Иванов. На редкость смекалистый и ловкий, Миша через день бывал то в партизанском отряде А. А. Погорелова, то в подпольном горкоме партии. Полицейские посты не являлись для него преградой. Он ловко обходил их. Не раз Миша проводил в партизанские отряды людей из города.

Наиболее ответственные поручения выполняла сама Елена Соколова, человек с богатым жизненным опытом, получившая крепкую революционную закалку еще в годы гражданской войны. Она была авторитетным советчиком и учителем молодежи. Обязанности дозорного явочной квартиры выполнял Анисим Соколов — спокойный и осмотрительный человек, которому не впервые приходилось бороться с врагами Советской власти. В годы гражданской войны он громил интервентов и белогвардейцев в составе 2-го витебского полка имени Совдепа. Теперь он стал надежным часовым подпольщиков, оберегал отдых и покой своих товарищей. Стоило только появиться связному или собраться подпольщикам для очередной встречи, как он молча уходил на свой пост у дома. В мороз и дождь, днем и ночью он мог часами стоять на карауле, если того требовала обстановка.

Однажды Соколова предупредила Веру Кулагину, что на встречу с ней на явочную квартиру придет «немец». И действительно, в назначенное время явился человек в форме военнослужащего гитлеровской армии. Разговор был кратким. Он торопился. Передал план Витебска и печать для пропусков, назвал свою кличку — «Пила» — и тут же удалился. Печать была очень кстати. По ее образцу патриоты сделали новую и на длительный срок обеспечили себя пропусками. Имя незнакомого друга в то время они так и не узнали.

Как теперь установлено, «Пила» — это был коммунист Павел Денисович Фесик, бывший командир Красной Армии. Оказавшись в фашистском плену, он согласился работать актером в роте пропаганды 3-й танковой армии и активно помогал витебским подпольщикам. Через них он регулярно поддерживал связь с 1-й Белорусской бригадой, передавал нужную ей информацию. В одном из оперативных донесений И. А. Бекишева на имя комбрига Я. З. Захарова летом 1943 года сообщалось: «На-

правляю сведения, переданные «Пилой» и «Катей». В данном случае имеется в виду подпольщица-комсомолка Катя Семенова.

Это были последние разведывательные данные, собранные патриотом для партизан. П. Д. Фесик был схвачен фашистской тайной полевой полицией. В тюремном журнале сохранилась запись, из которой видно, что 25 августа 1943 года из ГФП-703 прибыло в тюрьму 16 человек, в том числе «Фесик Павел Денисович, 1902 года рождения». 12 сентября в числе 20 человек он вновь был отправлен в ГФП и уже не вернулся. Вероятнее всего, что П. Д. Фесик был расстрелян. Никто из подпольщиков в результате его провала не пострадал.

Оккупанты восстановили в Витебске хлебозавод № 1 для снабжения хлебом своей армии. Подпольщики И. А. Бекишева («Андрея») решили проникнуть на завод, создать там патриотическую группу, которая бы подрывала работу предприятия, добивалась сокращения выпечки хлеба. Кроме того, по отпускным документам на хлеб можно было получать информацию о количестве и месте дислокации воинских частей противника. С этой целью на завод устроилась Муся Журинская. Вскоре ей удалось создать там подпольную группу, в которую вошли работавшие на заводе Алла и Ада Журинские, Люба Морозова (ныне Мурашко), Ида Гриневицкая, Анна Косюбайтис (ныне Шапо), военнопленные Петр Жуков и Владимир Ануфриев.

Установив связь с военнопленными Иваном Сидельниковым и Федором Николаевым, которые отвозили хлеб на станцию, подпольщики регулярно снабжали военнопленных хлебом. В повозках под сиденьями были оборудованы тайники, в которые Алла, Ада, Анна и Ида ежедневно прятали несколько буханок хлеба для томящихся в лагере голодных товарищей. П. Жуков и В. Ануфриев добывали оружие для организации побега военнопленных. Однажды им удалось взломать военный склад и похитить большое количество винтовок и боеприпасов, которыми были затем снабжены десятки военнопленных, выведенных в партизанские отряды Витебской зоны.

Являясь старшим диспетчером, М. А. Журинская смогла организовать отправку хлеба партизанам. Вот одно из донесений того времени о славных делах патриотов: «Через агентуру «Андрея» в зиму 1942—1943 года дважды вывозился на автомашинах к партизанам хлеб. Один раз было вывезено 500 кг по поддельному талону, второй раз — 350 кг».

От группы Журинских партизаны регулярно получали важную информацию с хлебозавода № 1. Подпольщики запомина-

ли номера автомашин, прибывавших на завод, условные знаки на них, а по количеству отпущенного хлеба определяли численность личного состава той или иной воинской части гитлеровцев, наименование которой указывалось в накладной.

Хотя в группе строго соблюдалась конспирация, работа проводилась тонко и умело, активные действия подпольщиков не могли не вызвать у гитлеровцев подозрений. Патриоты почувствовали, что за ними следят. В конце октября 1943 года сначала П. А. Жуков и В. М. Ануфриев, а затем и остальные члены группы ушли в партизанский отряд.

Длительное время в столовой кирпичного завода работали члены группы И. А. Бекишева — К. И. Слимборский и А. С. Яроновская. Они снабжали подпольщиков и партизан солью и продуктами питания, вели наблюдение за Суражским шоссе, помогали военнопленным выходить в партизанскую зону, распространяли литературу. В отчете подпольного горкома партии есть следующая запись: «Источник Слимборский в сентябре — октябре 1943 года вывел 35 военнопленных из Витебска, в том числе капитана авиации РККА Виктора Попова, командира Виктора Орлова, Леньку и других».

Деятельность подпольщиков высоко оценена партией и правительством. И. А. Бекишев награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды и многими медалями. Представляя его к награждению медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, командир партизанского отряда А. А. Погорелов писал: «Будучи командиром диверсионно-разведывательной группы в г. Витебске, проявлял мужество и отвагу в исключительно опасных для жизни местах, добывал необходимые сведения о противнике, совершил такие диверсионные акты, как взрыв паровоза, самолета, создал подпольную группу в г. Витебске из 25 человек». Орденом Красной Звезды и медалями награждена В. С. Кулагина, а также ее сестра Мария Семеновна и другие.

...Большая заслуга в налаживании связей с городским подпольем принадлежит связанной Дусе Спиридоновой (ныне Пирожкова), которую Ю. С. Рудаков характеризовал как «очень смелую и энергичную». Действительно, все, кто знал Дусю в период войны, восхищались ее храбростью, неутомимой энергией и находчивостью. Ей поручались наиболее сложные и ответственные задания.

В апреле 1943 года от Е. И. Матошиной — тети Н. А. Шапова — поступило сообщение о провале Н. Ф. Лычченко. Для выяснения положения в городе и установления связи с уцелевшими подпольщиками была послана Е. С. Спиридонова.

Подходя к дому Н. Ф. Лынченко, она еще издали заметила детей, которые тревожными знаками просили ее не подходить. Почувствовав неладное, Дуся осторожно пробралась к руководителю группы Т. А. Морудову. От него она узнала подробности трагедии, происшедшей в домике по улице академика Павлова, 5.

Во второй половине февраля 1943 года в Витебск был послан находившийся при группе Ю. С. Рудакова пионер Павлик Соколовский — двенадцатилетний подросток, племянник расстрелянного гитлеровцами подпольщика Павла Быкова. Родителей у мальчика не было. В Витебске он знал квартиру Н. Ф. Лынченко, у которой и раньше неоднократно брал сведения. В город Павлик прошел благополучно. Отдохнув, собрался в обратный путь. На этот раз у него была большая почта, состоявшая из зашифрованных донесений и бланков паспортов. Н. Ф. Лынченко зашила все это в подкладку пальто Павлика. В это время везде свирепствовали каратели. Деревни вокруг партизанской зоны находились под контролем фашистов. Не доходя до Подберезья, мальчик напоролся на засаду. При обыске у него обнаружили подпольную почту.

Вечером к дому Н. Ф. Лынченко подъехали три автомашины с эсэсовцами. Они ввели в дом до неузнаваемости изувеченного Павлика и, указывая на Н. Ф. Лынченко и Г. Н. Озерова, спросили у него: «Кто это?». Согласно разработанной в группе легенде, он ответил: «Это мама и папа».

У Н. Ф. Лынченко было трое малых детей. На их глазах гитлеровцы избивали мать и Г. Н. Озерова, требуя указать, с кем они были связаны по подпольной работе. Но патриоты молчали. Не добившись никаких признаний, фашисты увезли с собой Н. Ф. Лынченко, Г. Н. Озерова и Павлика Соколовского. Детей оставили дома. В ту ночь им было не до сна. В слезах и тревоге дождались они утра, проверили, нет ли слежки за домом, и поспешили предупредить тех, кому угрожала опасность. Двенадцатилетний Коля направился в д. Загорье к подпольщику — коммунисту Андрею Скуману, младшие сестрички Дина и Эльмира успели рассказать о случившемся руководителю группы Т. А. Морудову.

Н. Ф. Лынченко и Г. Н. Озерова гитлеровцы замучили, но не узнали от них ничего. Даже тайна шифровки, отнятой у Павлика, осталась неразгаданной. Расстреляли враги и малолетнего Павлика Соколовского. За мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны, Г. Н. Озеров (Стройков), Н. Ф. Лынченко, ее дети Николай, Дина и Эльмира Указом

Президиума Верховного Совета БССР от 24 июня 1965 года отмечены правительственными наградами.

После гибели Н. Ф. Лынченко и Г. Н. Озерова основным разведчиком в группе Т. А. Морудова осталась Э. Барановская («Зоя»), которая по-прежнему добывала важные сведения из распределительной продовольственной конторы.

В октябре 1943 года гитлеровцы арестовали и отправили в лагерь смерти руководителя подпольной группы Т. А. Морудова. Группу возглавила Э. Барановская, оказавшаяся достойной преемницей своего старшего товарища-коммуниста.

Восстановив связи с группой Т. А. Морудова, Б. С. Спиридонова получила задание от подпольного горкома партии возобновить контакт с диверсионной группой патриотов Вяловых и с резервной группой Б. С. Шарендо.

Семью Б. С. Шарендо Спиридонова вспоминает с особой теплотой. В город она ходила почти каждый день. Бывали случаи, когда, во избежание встреч с фашистами и полицейскими, приходилось по нескольку часов лежать в ледяной воде или снежных сугробах. Нередко такие походы завершались вспышками температуры. Тогда на помощь ей приходили Акулина Александровна — жена Б. С. Шарендо, его мать Христина Ивановна и сестра Валентина. Они укладывали в постель, заменяли врачей, сиделок, медсестер и, как могли, выхаживали Дусю Спиридонову.

Однажды гитлеровцы оцепили город, и связная не могла выйти из него, а в горкоме партии ждали сведений. Тогда Б. С. Шарендо надел повязку полицейского, взял удостоверение и пропуск, искусно подготовленные подпольщиком Ефимом Трофимовым, посадил Дусю на велосипед и вывез из города. Впоследствии такой способ преодоления полицейских рогаток использовался неоднократно.

Оказавшись в оккупированном Витебске, Б. С. Шарендо и его друг Василий Романов начали искать пути борьбы с врагом. Они решили перезимовать в городе, а весной разыскать партизан и уйти к ним. Но вышло по-иному. Еще до войны Б. С. Шарендо хорошо знал семью Николая Шпакова. Теперь они встретились вновь. Шпаков предложил Шарендо никуда не уходить из Витебска, любыми средствами постараться добыть документы, прописаться и работать в городе.

Выход был найден. Романов, в прошлом художник, довольно тонко переделал на имя Шарендо паспорт его сестры, себе — паспорт своего отца. А владельцы паспортов заявили в управу об утере документов и, как местные жители, получили новые паспорта. Так было преодолено главное препятствие. На-

чалось формирование подпольной группы. Чтобы не подвергаться преследованиям со стороны оккупантов и получить пропуск на свободное передвижение по городу, был взят патент на открытие частной художественной мастерской. Вскоре по улице Ленина, напротив кинотеатра «Спартак», у входа в небольшое двухэтажное помещение появилась красочная вывеска: «Художественная мастерская. Принимает заказы на изготовление копий картин великих русских художников. Работы выполняются квалифицированными мастерами». Понятно, что основными заказчиками стали гитлеровские офицеры. Жителям города было не до картин.

Штат мастерской состоял из членов сложившейся к тому времени подпольной группы. Руководил мастерской Б. С. Шарендо, изготавливавший рамки для картин.

С осени 1942 года подпольная группа активно включилась в разведывательную работу. Сведения с железнодорожного узла поставлял Е. С. Трофимов, с аэродрома — Е. П. Бородулин. О системе зенитной обороны, о передвижении немецких войск через город сообщал бывший артиллерист В. Т. Романов. Собранные сведения зашифровывались В. Т. Романовым и через Дусю Спиридонову или Никиту Панкова передавались по назначению. Добывались они самыми различными способами, с большими трудностями. Но иногда патриотам, как говорится, везло.

Однажды гитлеровский полковник авиации заказал копию картины «Охотники на привале». При этом он сказал, что мастер должен рисовать картину не в мастерской, а у него в части. Ему хотелось видеть, как рисуют картины. Этот клиент был находкой для подпольщиков. Полковник проинструктировал художника Е. П. Бородулина и отвел в расположение части. Гитлеровец так увлекся своей затеей, что приказал подчиненным не чинить мастеру никаких препятствий для входа к нему и возвращения обратно. Пользуясь особой привилегией, Бородулин не торопился с выполнением заказа и обеспечил сбор важных сведений об аэродроме.

Случай помог в сборе важных разведанных и Е. С. Трофимову. Зондерфюрер товарного двора станции Витебск пожелал сделать портрет своей жены с фотографии. Художник ежедневно навещал заказчика и показывал ему, как идет работа над портретом. Зондерфюреру это нравилось. Но еще больше в этом были заинтересованы подпольщики. Е. С. Трофимов мог беспрепятственно ходить к заказчику и наблюдать за передвижением воинских эшелонов, характером перевозимых грузов, отмечать скопление на станции поездов.

После ликвидации патента на частное ремесло подпольщикам пришлось искать другую работу. Им удалось устроиться в полувоенной хозяйственной организации «Штрало». Хорошим источником информации здесь являлись немецкие автомашины, на которых В. Романов писал номера, а также указательные знаки для дорог.

В октябре 1943 года группа получила распоряжение выйти в партизанскую зону. Вместе с подпольщиками ушло около 30 жителей города. Б. С. Шарендо, В. Т. Романов и некоторые другие члены группы стали боевыми партизанскими командирами.

Хорошим помощником Е. С. Спиридоновой был ее отец Степан Иванович. Во время первой мировой войны он в течение трех лет находился в плену в Германии и неплохо знал немецкий язык, немецкие нравы и обычаи. Отправляясь в Витебск, Дуся обычно наполняла мешок кусками хлеба и другими продуктами, а заодно ложила туда мины или тол. Взваливала мешок себе на плечи, брала за руку «слепого» отца и шла в город. Все было хорошо. Но однажды Степан Иванович был арестован. В течение двух недель его подвергали допросам, избивали. Вернувшись домой, он прожил всего несколько дней и умер.

Совместными усилиями Е. С. Спиридоновой и связной группы М. Р. Ефимова сибгрячки Марины Кирюхиной была восстановлена связь со старосельской группой П. К. Ляховского («Василия») и летчанской группой Е. В. Михайловской — Р. М. Гиро. За два года работы в подполье члены этих групп приобрели большой опыт. Об этом свидетельствовали разведанные, поступавшие от подпольщиков Старого Села и Летцев.

В 1943 году в Летцах стали часто появляться штабы различных воинских частей. Подпольщики оперативно и подробно информировали об этом горком партии и спецгруппу М. Р. Ефимова, сообщали об изменениях в гарнизоне, о характере сооружаемых укреплений. Сохранился план поселка Летцы, составленный в горкоме партии на основании донесений летчанских патриотов. На нем обозначены огневые точки и укрепления гарнизона, численность войск, расположение штабов и его служб. Подпольщики переслали горкому КП(б)Б описание особых примет генерала и полковника.

Таким образом, на протяжении апреля и в первой половине мая 1943 года Витебский горком партии восстановил связи со многими подпольными организациями города, которые в невероятных трудных условиях ни на минуту не прекращали героической борьбы с оккупантами.

УДАР В СПИНУ

К 1943 году подпольщики Витебска накопили богатый опыт борьбы с врагом. Широкий размах получила диверсионная работа. Сдерживал ее лишь недостаток диверсионной техники. Доставка ее становилась делом все более сложным и трудным. Для оккупантов не являлось секретом, что мины и взрывчатка проникали в город из ближайших партизанских бригад и отрядов. Поэтому каждый человек, входивший и въезжавший в Витебск, подвергался тщательному обыску и осмотру. Все улицы и дороги были перекрыты полицейскими кордонами. Обмануть, обойти, перехитрить врага — от этого зависел успех дела, и подпольщики с честью справлялись с этой задачей. Мины и взрывчатка доставлялись в город вместе с продуктами питания, в специально устроенных тайниках в повозках, на велосипедах или санях.

О размахе работы подпольщиков по доставке в город диверсионного материала свидетельствуют многие отчеты ГФП-703 за 1943 год. Например, в отчете за ноябрь говорилось, что за два месяца в городе было конфисковано семь винтовок, один пулемет, два пистолета, четыре гранаты, 50 килограммов взрывчатки, 18 мин. В городе имелось несколько тайных складов оружия, мин и взрывчатки, которые постоянно пополнялись: в доме А. К. Свечкина в пос. Кочерги, в доме № 1 по ули-

це 17-я Городокская, во дворе дома Е. И. Тычиной по ул. 17-я Городокская, 6, в доме А. М. Козловой по ул. 1-я Украинская, 5 и т. д.

Неутомимым экспедитором мин и тола являлась А. С. Якимова («Бойкая»). Десятки раз она обходила полицейские посты и пронесла в город взрывчатку. В январе 1943 года П. С. Смирнов, И. Е. Якимов и А. С. Якимова получили в партизанской бригаде тол для своей группы. Замаскировав в мешке с картофелем, они повезли его в город на салазках. Безла Якимова. В городе ее задержал старший полицейский Орехов и при осмотре мешка обнаружил тол. Подпольщицу арестовали. На завтра были схвачены руководитель группы П. С. Смирнов и подпольщица Ирина Никитина. Весной 1943 года они были расстреляны.

Неудача не обескуражила подпольщиков. Они ни перед чем не останавливались для достижения поставленной цели, настойчиво продолжали дело павших товарищей. Через несколько дней после ареста Якимовой и Смирнова в город из партизанской зоны возвращались с запасом диверсионной техники подпольщики Н. Я. Нагибов, Т. С. Щукина и И. Е. Якимов, избежавший ареста в прошлый раз. На улице Суражское шоссе, вблизи контрольного поста, их остановил тот же старший полицейский Орехов, награжденный гитлеровцами крестом за колуйскую службу. Он потребовал предъявить документы. Нагибов не растерялся и выстрелом из пистолета убил предателя. Остальные полицейские, бросив задержанных граждан, разбежались с криком: «Партизаны наступают!». Тройка смельчаков скрылась в городе.

В феврале — марте 1943 года, во время наступления карателей на партизан, доставка взрывчатки подпольщикам временно прекратилась. Но их боевая деятельность не ослабла. В это время патриоты сожгли склад военного имущества на территории щетинно-щечочного комбината, устроили пожар на хлебозаводе № 1 и на несколько дней вывели его из строя.

Летом 1943 года диверсионную работу вели подпольные группы И. А. Бекишева («Андрея») и В. Н. Орловского («Джона»). Вместе со своим братом Геннадием Орловский взорвал кинотеатр в бывшем клубе летчиков по улице Винчевской (ныне проспект Черняховского). Получив у И. А. Бекишева 32 противопехотные мины, заминировал выход из кинотеатра и дорожку, ведущую в бомбоубежище. Когда вечером наши самолеты появились над городом, гитлеровцы бросились из кинотеатра в бомбоубежище. В это время у них под ногами начали рваться мины. Было убито и ранено несколько солдат и офице-

Орловский осуществил ряд крупных диверсий на аэродроме. Он заминировал два немецких самолета в ангаре. Один из них взорвался в воздухе над деревней Шевардино, другой тоже не возвратился на аэродром. Комсомолец Орловский добывал ценные разведывательные данные. В частности, он передал в партизанскую бригаду «Алексея» фотокарточки нескольких агентов Абвергруппы-318.

Орловский работал кочегаром на аэродроме. Однажды приехали немецкие танкисты и приказали ему вымыть горячей водой два бронетранспортера, а сами ушли в баню. Подпольщик добросовестно выполнил приказ и заодно подложил под каждый бронетранспортер по магнитной мине. Как видно из сообщения подпольного горкома партии, в августе 1943 года подпольщиками была «взорвана печь и поврежден один самолет в ангаре на аэродроме».

Патриоты использовали любую возможность, чтобы нанести урон врагу. В июне 1943 года военнопленный И. И. Оноприенко («Лисицын»), работавший у немцев шофером, преднамеренно разбил грузовую автомашину. Получив новую, он пустил и ее в кювет, заявив, что вынужден был так поступить ввиду неизбежного столкновения со встречной автомашиной.

Подпольщики, работавшие в немецких воинских частях по ремонту автомашин, всеми доступными мерами выводили из строя автотранспортные средства: некачественно производили ремонт двигателей, засыпали в них металлические опилки. После такого «ремонта» автомашины, пройдя сорок — пятьдесят километров, снова попадали в мастерские. Только подпольной группой Ф. К. Мехова менее чем за месяц было выведено из строя двадцать автомашин и два бронетранспортера.

Оккупанты восстановили Витебский фанерный завод для производства телег и саней. Согнали туда большое количество военнопленных и жителей города, привлекли к работе довоенных специалистов. Вскоре на заводе возникла подпольная организация, которую возглавили Г. И. Пушкарев и В. Т. Шафранский. Патриоты поставили перед собой задачу — парализовать работу завода. В течение лета и осени 1943 года они трижды устраивали пожары. В августе подожгли один из цехов и организовали побег к партизанам 57 военнопленных. 8 сентября — снова пожар на заводе и массовый побег рабочих. На этот раз к партизанам ушли 32 военнопленных, 8 немцев, чехов и поляков. Не успели гитлеровцы ликвидировать последствия этой диверсии, завезти из Германии и смонтировать новое оборудование, как 3 октября завод вновь охватило пламя пожара. Ок-

купанты отказались от дальнейших попыток возобновить его работу. Это была большая победа подпольщиков.

Дерзкую операцию в июле 1943 года провели комсомольцы поселка Сосновка Аркадий Макеенко, Аркадий и Люба Голиковы, Ирина Томашева и другие. Сформировав группу из 15 человек, они вооружились винтовками и автоматами, прихватили у гитлеровцев пять тысяч патронов, шесть лошадей и прибыли в партизанский отряд № 8 бригады «Алексея». И это несмотря на то, что в Сосновке стоял штаб 3-й танковой армии врага с крупным военным гарнизоном, с многочисленными фашистскими карательными органами.

Убедившись в высоком патриотическом духе населения, огромной популярности партизанского движения и невозможности разгромить подполье путем массового террора, гитлеровцы прибегли к коварным методам провокаций. В феврале 1943 года из-под Вязьмы в составе ГФП-703, в строжайшей тайне, в Витебск и Сосновку прибыла большая группа провокаторов во главе с унтер-офицером и переводчиком П. И. Печенкиным. Когда-то этот подонок бежал за границу и жил до войны в Германии. Под его руководством позорную роль провокаторов, или, как их называли гитлеровцы, «ловцов партизан», выполняли Владимир Сухов (он же Суховенко), Василий Ермолаев, Павел Марков, Кирилл Бодюлл («Николай»), Константин Ананьев, Иван Беляев, Александр Зайцев, Александр Богуненко, Михаил Брюсов, Лев Кулагин, Михаил Гусев, Алексей Бутаков, Владимир Жуков и другие. Все они, за исключением Печенкина, после войны были разоблачены советскими чекистами и получили по заслугам.

Изменив Родине, эти презренные выродки перешли на службу к гитлеровцам в качестве шпионов, а прибыв в Витебск, приступили к выполнению подлой роли «ловцов партизан». Их цели и задачи так определялись в отчетах ГФП-703: «Агенты группы, которые с февраля 1943 года работают в Витебске в качестве осведомителей, за истекший период установили связь с определенным количеством лиц, которые проводят враждебную немцам пропаганду, занимаются шпионажем, хранят при себе оружие и боеприпасы, вербуют людей для партизан, а также поддерживают шпионов и партизан».

Методы проникновения провокаторов в витебское подполье были самыми разнообразными. Но чаще всего они использовали высокий патриотизм советских людей, их горячее стремление помочь Родине. Понимая это, провокаторы рядились в тогу представителей партизанских отрядов, присланных в город добывать оружие, организовывать диверсии, проводить молодежь

в партизанские отряды. В других случаях они выдавали себя за военнопленных, желающих уйти в партизаны. Пользуясь неопытностью и доверчивостью отдельных патриотов, они постепенно нащупывали подпольные организации и проникали в них. Когда их встречали с недоверием, провокаторы организовывали ложные партизанские отряды и таким образом усыпляли бдительность подпольщиков, радовавшихся любой возможности связаться с партизанами. Фашистские шпионы выявляли и уничтожали целые подпольные организации, нанося массовому патриотическому движению тяжелый урон. Провокаторская деятельность ГФП-703 в Витебске явилась огромным препятствием и тормозом в работе подпольного горкома партии, ослабляла его связи с городом, ставила патриотов под угрозу провала, вырывала из рядов подполья его лучших, испытанных в борьбе с врагом руководителей.

Первыми жертвами провокаторов оказались подпольные группы В. А. Вербицкого и А. Е. Белохвостикова. В апреле 1943 года ГФП-703 сообщало в штаб 3-й танковой армии, что «основное внимание в своей работе штаб группы (имеется в виду группа «ловцов партизан». — Авт.) уделял и уделяет расследованию и оценке «Витебского дела», по которому до сих пор было арестовано 29 человек, из них два сотрудника НКВД». Дальше разъяснялось, чем занимались эти 29 патриотов: «Речь идет в данном случае о шпионах, вербовавших людей для партизанских отрядов, занимавшихся воровством оружия и боеприпасов... Эти враждебно настроенные немцам люди проводили убийства, а также участвовали в подрыве важных объектов».

Кто же они, эти двадцать девять гвардейцев подпольного фронта в городе над Двиной? Это были подпольщики группы коммуниста Василия Вербицкого. Именно отсюда началось проникновение «ловцов партизан» в витебское подполье. Сотрудниками НКВД, которые упоминаются в отчетах полиции, были В. А. Вербицкий и С. П. Бурлаков — пламенные советские патриоты, которые в незнакомом им до этого городе создали обширную и боевую подпольную организацию, которая провела немало боевых операций.

Весной 1942 г. Вербицкий установил контакт с оперчекистской группой. С тех пор эта группа регулярно получала разведданные, которые доставляла туда связанная, проживавшая в районе Песковатика. К сожалению, до сих пор не удалось установить фамилию этой патриотки. А. М. Козлова («Сергеева»), выполнявшая многие поручения Вербицкого, помнит, что это была пожилая женщина, с которой летом 1942 года

она вместе носила в пос. Пудоть донесения для спегруппы. Женщина держалась спокойно при встрече с опасностью, умела провести врага.

Большинство членов подпольной группы В. А. Вербицкого, в том числе комсомолец Николай Винокуров, бежавший из фашистского плена, комсомолка Лидия Щеглова, коммунист Василий Лукьяненко, А. Т. Окунев, П. Ф. Иванов, Михаил Лопунов, Нестер Филипповский работали на складе трофейного оружия 59-го немецкого армейского корпуса. Склад находился в центре Марковщины, в районе нынешней Витебской ТЭЦ. Подпольщики организовали массовое хищение оружия и запасных частей к нему, ящиками вывозили со склада патроны и все это переправляли партизанам. Особенно много оружия и боеприпасов добыли Николай Винокуров, П. Ф. Иванов, Василий Лукьяненко и Лидия Щеглова. Это были смелые, мужественные люди.

Докладывая вышестоящему начальству об аресте В. А. Вербицкого, гитлеровцы писали, что он «прятал в своем доме ящик со взрывчатыми материалами, пистолет и 7 ручных гранат». «Петр Иванов, — сообщало ГФП-703, — работал на складе трофейного оружия и похищал отсюда оружие и боеприпасы. Как он сам признался, в мае или июне 1942 года он обзавелся пистолетом с патронами, который потом передал одному русскому, убежавшему в банду». О Николае Винокурове фашисты сообщали, что «он непрерывно посылал русских в банды, а из трофейного склада в Витебске похищал оружие и боеприпасы». Коммунист Василий Лукьяненко, по их утверждению, из трофейного склада в Витебске «похищал для бандитов оружие и боеприпасы. В прошлом году (имеется в виду 1942 год. — Авт.) установил контакт с одной из банд, действовавшей в 21 километре к востоку от Витебска, и пытался доставить похищенное. 20 апреля 1943 года пытался уйти в банду и имел при себе револьвер с патронами».

По подсчетам самих гитлеровцев, всего со склада трофейного оружия подпольщиками было вынесено за два месяца около 4 тысяч патронов, 20 ручных гранат, 6 килограммов взрывчатки, пулемет, несколько пистолетов и два пистолета-пулемета. Все это было передано партизанам. Но это далеко не точные данные. Установлено, что только Петр Иванов вынес по частям сам и с помощью жены Татьяны Ивановны и собрал дома 7 автоматов.

Эти свидетельства врага красноречивее всего характеризуют размах деятельности витебских подпольщиков, в частности группы коммуниста В. А. Вербицкого. Они говорят о мужестве,

непоколебимой вере в победу советских людей, которые под носом у гитлеровцев совершали дерзкие и смелые операции.

В начале 1943 года группа В. А. Вербицкого, как и многие другие, временно потеряла связь с разведчиками и партизанами. В поисках связей патриоты и наткнулись на «ловцов партизан», в частности на В. Сухова. Произошло это следующим образом.

Прибыв в Витебск, провокаторы из группы Печенкина стали заводить знакомства с местными жителями, преимущественно с молодежью, и особенно с девушками, рассчитывая через них проникнуть в подполье. Вскоре Сухов познакомился с Зинаидой Орловой и «по секрету» сказал ей, что имеет задание от партизан собирать оружие и готовить для них пополнение из города. Зинаида Орлова была членом подпольной группы В. А. Вербицкого. Зная, что группа временно лишилась связей, она пренебрегла конспирацией, привела Сухова к себе на квартиру и представила его руководителю группы В. А. Вербицкому, С. П. Бурлакову и другим подпольщикам. Так провокатор проник в организацию. Для большей убедительности он показал Вербицкому орден Красной Звезды, которым якобы был награжден за партизанскую деятельность.

Стремясь во что бы то ни стало восстановить нарушенные связи, В. А. Вербицкий решил воспользоваться услугами Сухова и попал в хитро расставленные сети. Сухов предложил ему встретиться с командованием партизанского отряда. В. А. Вербицкий согласился. Но вместо партизан его встретили каратели из ГФП-703 и увезли в д. Геродняны под Сосновкой.

В одном из отчетов ГФП-703 говорилось: «Агенты группы установили контакт с Вербицким и Бурлаковым и сказали им, что могут провести людей в партизанский отряд, а потом, по заранее условленному с группой тайной полевой полиции плану, передали их в условленном месте в руки полиции». В отчете сказано, что «Вербицкий и Бурлаков были расстреляны».

Возвратившись в город, Сухов заявил подпольщикам, что Вербицкий благополучно добрался к партизанам, но вынужден задержаться в связи с выполнением какого-то спецзадания. Замещать руководителя группы на период его отсутствия поручено якобы ему, Сухову. Таким образом провокатор постепенно выявил почти всех членов группы и многих других патриотически настроенных людей и передал их в кровавые лапы ГФП-703.

Много дней палачи истязали, а затем расстреляли у дер. Геродняны близ Сосновки наиболее активных членов этой многочисленной и разветвленной группы: Николая Винокурова,

Петра Иванова, Василия Лукьяненко, Нестера Филипповского, братьев Скоробогатовых и Бондарь, Ольгу Самусеву, Владимира Заборанкова, Антона Юшкевича, Александру Михайловскую, Лидию Щеглову и многих других. Особенно опасным казался для них комсомолец Николай Винокуров. Его даже на расстрел вели закованным в железные наручники. Не были расстреляны лишь сестры Анна и Мария Старовойтовы. Работали они в аптеке на Марковщине, были связаны с Вербицким и членом группы Алексеем Разумовским, неоднократно передавали им медикаменты. Спасло сестер то, что Марию провокатор никогда не видел в лицо, Анна же работала в аптеке всего лишь техничкой. Их отправили в каторжный лагерь СД.

Провокаторы проникли и в подпольную группу А. Е. Белохвостикова. После ухода в феврале 1943 года Л. И. Хрипча в партизаны Александр Белохвостиков возглавил часть и его группы. Теперь он руководил многочисленной, широко разветвленной подпольной организацией. Гитлеровцы назвали ее «центральной группой», которым руководили Белохвостиков и Хрипач».

В феврале 1943 года во время карательных экспедиций против витебских партизан группа Белохвостикова также лишилась всех связей. Только в середине апреля ей удалось установить контакт с заместителем командира 1-й Витебской партизанской бригады по разведке Яковом Анащенко. Но связь продолжалась недолго. Спустя две недели, 5 мая, коммунист А. Е. Белохвостиков был схвачен гитлеровцами. По этому поводу ГФП-703 сообщало: «Выслежен шпион Белохвостиков, который с помощью большого числа помощников собирал в Витебске информацию и передавал ее в банду Щербакова, входящую в бригаду «Алексея». И дальше: «Арестованы были Белохвостиков и четыре его соучастника. Четыре были расстреляны, одна из шпионок нужна для дальнейшего следствия».

Вместе с А. Е. Белохвостиковым была арестована и расстреляна его сестра Мария Ефимовна — ближайшая помощница руководителя группы. Она была в курсе всех дел брата и могла всегда заменить его. В отчете полиции подчеркивалось, что Мария Белохвостикова «знала, чем занимается ее брат, и выполняла его дела во время отсутствия брата». Гитлеровцы расстреляли также активного помощника А. Е. Белохвостикова по разведке Сергея Шалаева, работавшего до войны бухгалтером треста городской очистки. Товарищи успели сообщить С. Шалаеву об аресте Александра и Марии Белохвостиковых, но уйти он не смог: в тот день Шалаев хоронил жену, оставившую троих маленьких детей.

Проникновение провокаторов в организацию, которой руководил А. Е. Белохвостиков, началось одновременно с провалом подпольной группы В. А. Вербицкого. Дело в том, что вместе с Вербицким на железной дороге работали некоторые члены группы Белохвостикова. Провокаторы проверяли всех людей, окружавших Вербицкого по службе, стремились установить, имеют ли они какие-либо связи с ним, и напали на след группы Белохвостикова. В ход был пущен предатель Кирилл Бодюлл, который под видом партизана первым вошел в контакт с А. Е. Белохвостиковым. Постепенно в подпольную группу втерлись провокаторы В. Сухов, М. Мутьян, М. Брюсов и другие предатели.

Арест А. Е. Белохвостикова насторожил подпольщиков. Особое беспокойство проявляла А. П. Пахомова. Она опасалась за сына и предложила ему немедленно уйти в партизаны. Но Валентин категорически заявил:

— Никуда я, мама, не пойду. Мое место здесь. В Александра я верю, как в себя. Такой не выдаст, каким бы пыткам его ни подвергали.

Валентин по-прежнему ходил на работу в жестяночную мастерскую. Шли дни. Все было спокойно. Казалось, что арест А. Е. Белохвостикова — частный случай. Но подпольщики ошибались, агенты ГФП-703 уже давно вели за ними наблюдения. С арестом не торопились, стараясь выследить все связи. 19 мая 1943 года в шесть часов утра в дом Пахомовых тихо постучали. На стук вышла Александра Павловна. В дверях показался незнакомый человек в поношенном пиджаке и синей полинявшей рубашке.

— Здравствуйте! Здесь живет Пахомов Валериан? — спросил он.

— Здесь живет Пахомов Валентин. Это мой сын, — ответила мать. — Зачем он вам? Не случилось ли что на работе?

— Не волнуйтесь, мамаша, ничего не случилось. Мне нужно лично переговорить с вашим сыном.

Александра Павловна проводила незнакомца в комнату. Валентин сидел за столом и завтракал. Гостя пригласили к столу, но он отказался. Закурил и, извиняясь за ранний визит, обратился к Валентину:

— Ты на работу? У меня к тебе сугубо доверительное дело. Пойдем вместе. По дороге обо всем переговорим.

...Моросил дождь. Город только что просыпался. Александра Павловна старалась не упустить из виду сына и незнакомца, следуя за ними на значительном расстоянии. Ее не покидало тяжелое предчувствие. На площади Свободы Валентин и его

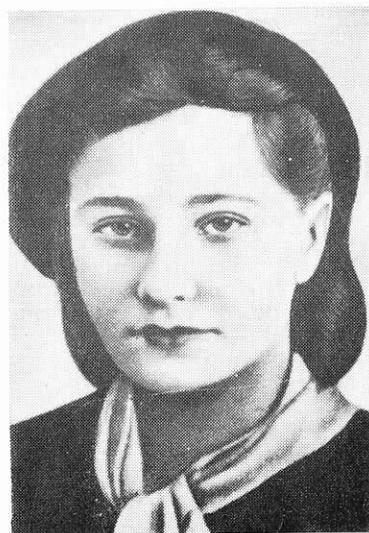
Повешенные зимой 1942 года советские патриоты А. В. Ковалев, И. Л. Калинин, С. И. Калинин и Н. Д. Зайцев.

И. П. Наудонас

И. А. Бекишев

А. С. Виноградова — «Катя»

Дом Свечкиных, в котором происходили встречи подпольщиков.

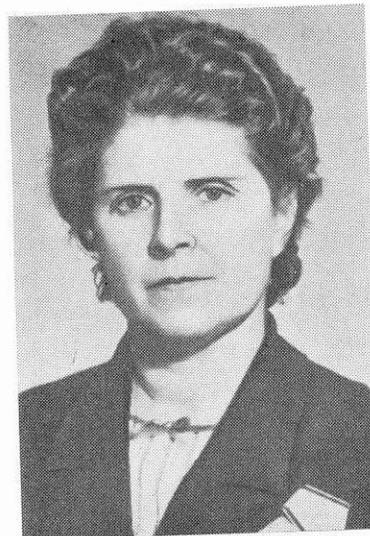
Е. С. Спиридонова

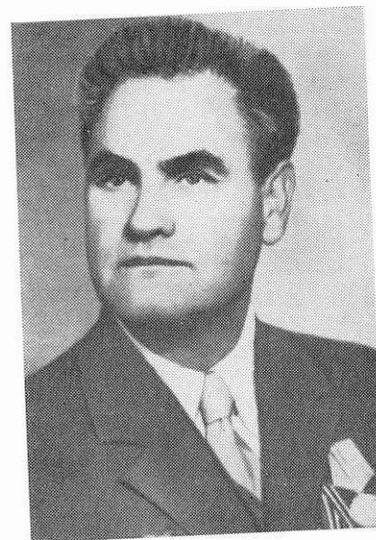
Н. Винокуров

А. Скоробогатов

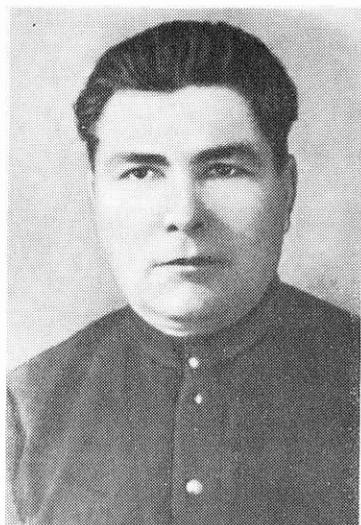
В. С. Кулагина

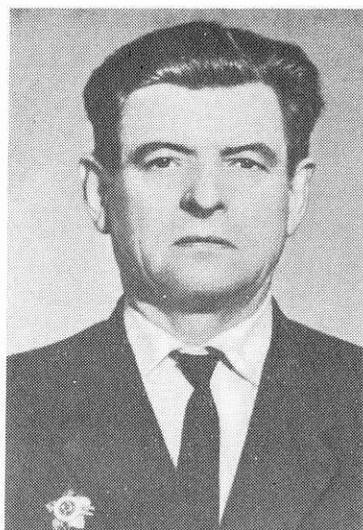
Г. А. Морудов

А. А. Залецкий

Т. Л. Корунный

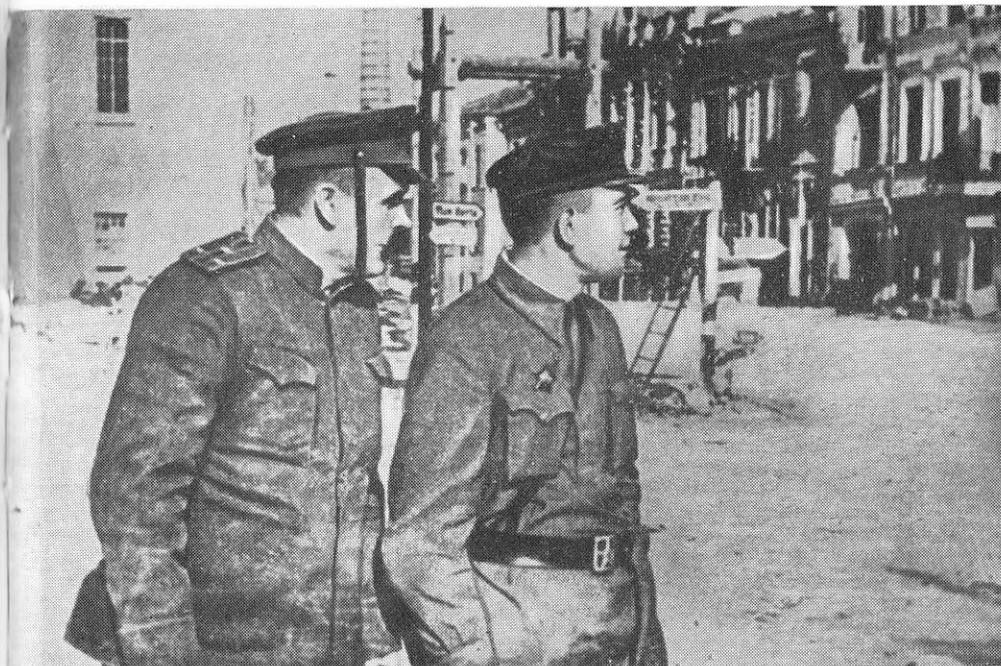
Б. С. Шарендо

А. П. Белобородов

И. И. Людников

Первый секретарь Витебского обкома партии И. А. Стулов и председатель облисполкома И. Н. Рябцев на площади Свободы в день освобождения Витебска 26 июня 1944 года.

Памятник патриотам-подпольщикам Витебска, казненным гитлеровцами.

спутник остановились. Мать подошла к ним и спросила пришельца:

— Меня очень беспокоит, почему вы так привязались к сыну. Может, его хотят послать на окопы? Сказали бы сразу, чтобы можно было подготовиться. А то точно так же недавно пришли в наш поселок, забрали всех мальчишек на окопы в чем те стояли.

— Не волнуйтесь, мамаша, я пришел узнать об Альдемаре.

— Это кто же такой? — удивилась А. П. Пахомова. — Я впервые слышу это имя.

— Знаете ли вы что-либо о Белохвостикове Александре?

— Белохвостикова я знала, но никогда не слышала, чтобы его называли Альдемаром. Слышала, что его арестовали. За что — не знаю. Говорят, что у него и сестры документы были не в порядке.

— Вот и Валентин говорит точно так же. Значит, меня неправильно информировали, что вы знаете все подробности, — с наигранным сожалением ответил незнакомец. Распроцались. Валентин пошел в мастерскую, а он дальше по Ленинской. Александра Павловна постояла немного, но пошел сильный дождь, и она отправилась домой. Через несколько минут вернулся и Валентин, сказал, что мастерскую залило, протекает потолок, работать нельзя.

— Сынок, скажи, что это за человек? Что он тебе говорил? — с нескрываемой тревогой спросила мать.

— Это подозрительный человек, мама. Он назвал клички Александра, мою и других товарищей. Надо уходить, — ответил Валентин. — Но куда? Партизаны ушли из своей зоны. Не могла бы ты сходить в разведку?

На следующий день неутомимая связная А. П. Пахомова, выполняя волю сына, ушла на поиски партизан. В деревне Скуловичи ее арестовала полиция за нарушение установленного режима передвижения. Продержали два дня в Бабиничах, дали двадцать палок и отправили на две недели в трудовой лагерь на «Зеркалке» в Витебске. Начались дни, полные ужаса и кошмара. Терзала неизвестность о сыне. К этому прибавлялись ежедневные унижения и побои. За малейшую провинность — палки. За песню «Три танкиста», которую однажды запели девушки, всем узникам лагеря добавили по две недели, из них восемь дней муштры. В эти дни после тяжелой работы заключенных заставляли бегать из одного конца двора в другой до полного изнеможения. Затем наказуемых ставили на четвереньки и приказывали лаять по-собачьи или стоять на одной ноге и петь петухом.

30 мая Николаю Григорьевичу Пахомову удалось передать жене записку, в которой он сообщал, что вчера сын ушел на работу и не вернулся, исчезла Вера Александрова. Словно в тумане, шла Александра Павловна по коридору на построение, сердце матери чувствовало что-то неладное. Она шла, а надо было бежать. Это не понравилось унтер-офицеру, и он избил женщину. Две недели провела в лагерном околотке А. П. Пахомова и лишь 19 июня 1943 года, по ходатайству врача Шубиной, была отпущена домой.

Сразу же связалась с Полиной Шляковсой, возглавлявшей подпольную группу после ареста А. Е. Белохвостикова.

— Что с Валентином и Верой?

— Вроде все благополучно, Павловна,— ответила Полина.— Человек, с которым они ушли, отрекомендовался Новиковым Владимиром Васильевичем. Показывал партбилет и орден Красной Звезды. Сказал, что прислан партизанами. Валентина и Веру он отправил в отряд. Им в городе нельзя было больше оставаться. Новиков говорил, что пытался пробраться на «Зеркалку», чтобы сообщить вам обо всем, но его не пустили. Поправитесь, и я познакомлю вас с ним.

Александра Павловна немного успокоилась. Свидание состоялось через неделю, в воскресенье, на обрывистом берегу Витьбы, заросшем ивняком и ольхой. Не успели они с Полиной прийти на условленное место, как появился Новиков. Одет он был так же, как и 19 мая, во время их первой встречи.

— Я к вам прямо с корабля на бал,— заявил он.— Был на задании. Торопился, чтобы не подвести вас. Ноги сильно натер. Привет вам, мамаша, от Валентина. Можете гордиться — он сейчас возглавляет группу подрывников под Бешенковичами. Как только выздоровеете — сведу к нему, а пока постараюсь принести записочку.

В его голосе звучала уверенность осведомленного человека. Не знали тогда Пахомова и Шлякова, что перед ними подлый провокатор Сухов, что Валентин и Вера отданы им в лапы карателей из ГФП-703 и 10 июня 1943 года расстреляны в Городнянах. Но фашистский холуй так отрелетировал свою роль, что ему поверили.

Придя на следующую встречу, Сухов заявил, что записки от Валентина не принес, так как он находится на задании в другом районе. Пообещал в ближайшее время устроить встречу Пахомовой с сыном.

Теперь новый знакомый стал заходить к Полине Савельевне Шляковой почти каждый день. Интересовался ее работой, упрекал в пассивности. Говорил, что Красная Армия уже близко,

надо поднимать людей на борьбу, а не сидеть сложа руки, оплакивая друзей. Они, мол, выполнили свой долг, и Родина их не забудет, а с живых спросят, что они сделали для приближения победы.

П. С. Шлякова слушала его, иногда соглашалась, что да, действительно, надо помогать Родине, но о деятельности своей группы ничего не говорила. А она работала, как и прежде. Дело, начатое коммунистом А. Е. Белохвостиковым, достойно продолжала теперь коммунистка П. С. Шлякова.

От Валентина и Веры по-прежнему не поступало никаких сведений. Это все больше беспокоило подпольщиков. Сухов придумывал каждый раз новую версию: то партизаны переменили место дислокации, то почему-то не явились связные, то Валентин собирается на учебу в Москву. Подозрения усиливались. Полина Савельевна Шлякова в категорической форме потребовала от Сухова устроить ей встречу с командованием партизанского отряда, от имени которого он действует. Сухов пообещал это сделать.

Через несколько дней он предложил Полине Савельевне собираться в дорогу. 16 августа 1943 г. в лесу под м. Островно состоялась первая встреча Шляковой с «партизанским отрядом» провокатора Печенкина. Все было обставлено так, будто она действительно находилась в партизанском лагере, среди своих людей.

Группа П. С. Шляковой, поверившая, что им, наконец, удалось наладить потерянные связи, с новой силой развернула работу. Самоотверженно действовали коммунист Михаил Романенко, А. П. Пахомова, Иван Безбогин, Клавдия Щупликова, семья патриотов Свечкиных, Д. А. Сазонов, В. Ф. Петров, Бронислав Халимонович, А. К. Хрипач и многие другие. Они добывали оружие, боеприпасы, взрывчатку. Тол приносили военнопленные, мать разведчика Дмитрия Сазонова. Патриоты вели антифашистскую агитацию среди населения, сплывали силы и ждали сигнала, чтобы вместе с партизанами и частями Красной Армии участвовать в освобождении родного города.

Долгое время провокаторы мало кого знали из подпольщиков. Контакт с Суховым поддерживала только Полина Савельевна. В одном из отчетов фашистских карателей из ГФП-703 говорится, что она «уверенно и ловко продолжала в Витебске работу Белохвостикова». Каратели торопились. Можно было арестовать Шлякову, Пахомову, но группа останется. А Красная Армия уже вступила на территорию области. Город слышал ее победную поступь, готовился к решительной схватке с оккупантами.

Сухов от имени «командования отряда» требует от руководителя подпольной группы выводить людей в лес. Мелкими группами, с оружием патриоты покидают город и попадают в руки тайной полевой полиции.

В конце октября 1943 года Сухов заявил Шляковой:

— Срочно нужны мины. Где бы их достать?

Ничего не подозревая, Полина сказала, что мины есть у Муси Свечкиной. Они хранятся в поселке Кочерги у ее брата Анатолия. Так провокатор напал на след подпольной группы Свечкиных.

4 ноября 1943 года Сухов сообщил Шляковой, что ее вызывает командир партизанского отряда для доклада. А Пахомовой он сказал, что Валентин уже уехал в Москву, в бронетанковое училище. Вечером у Полины собрались А. П. Пахомова, Клавдия Щупликова, Мария Ткачева. Неожиданно в дом ввалились провокаторы Брюсов и Мутьян — Михаил-большой и Михаил-маленький (так называли их подпольщики). Михаил-маленький был пьян. Зайдя в комнату, он начал кричать:

— Дайте мне Владимира. Что он со мной сделал? Завтра...

Михаил-большой выхватил револьвер и заорал:

— Ты что, с ума спятил? Замолчи, иначе я тебя пристрелю!

Неожиданный инцидент ошеломил всех. Что подумать? Что хотел сказать Михаил-маленький? Почему так расвирипел Михаил-большой? Видимо, лишнего хлебнул и потерял контроль над собой. Так думали все. Настроение было испорчено, начали расходиться.

На другой день утром провожали Полину, Клавдию Щупликову и Марию Ткачеву в «партизанский отряд». Александра Павловна отдала Сухову шерстяные носки, купленные для сына на базаре, 25 марок и пол-литра бензина. Он поблагодарил и предложил готовиться в партизаны всем остальным.

7 ноября А. П. Пахомова с мужем на квартире у Михаила Романенко отметили праздник Великого Октября. Вдоволь наговорились о прошлом, о счастливой жизни до войны, помечтали о будущем, которое наступит после победы над фашизмом.

Назавтра Софья Романенко сообщила Пахомовым, что Михаил Романенко арестован. Как теперь установлено, в тот же день он был расстрелян в Городнянах. В последующие дни Сухов «перевел в партизаны» А. К. Хрипач, Д. А. Сазонова, В. Ф. Петрова, Б. Я. Халимоновича. Все они по пути были переданы карателям из ГФП-703 и вместе с П. С. Шляковой расстреляны в Городнянах 12 ноября 1943 года. 16 ноября

такая же участь постигла патриотов из группы Свечкиных, а немного раньше — Александра Украинского, привлеченного к подпольной работе Верой Александровой, которого гитлеровцы характеризовали как «опасного антинемецкого пропагандиста», столяра Владимира Чимерикина, похитившего на трофейном складе полцентнера тола, слесаря Старостенко и плотника Андрея Бухарина, Веру Загадскую и других.

Лишь 21 ноября 1943 года А. П. Пахомова узнала о предательстве Сухова и его кровавой компании, о гибели Валентина, Полины и других товарищей по подполью. Они боролись и погибли, как солдаты, в бою.

В апреле 1943 года, за два месяца до казни, пионер-подпольщик Валентин Пахомов, обращаясь к оккупантам — этому «проклятому дикому племени», писал:

Мы горды и сильны!
Мы здесь, мы там,
Мы стоим у тебя за спиной,
Готовые по первому знаку пойти
В последний, решительный бой.

Патриот глубоко верил в торжество нашей победы. «Довольно, — восклицал он, — песенка спета твоя! Скоро во всем мире взойдет новой жизни заря!»

В сентябре 1943 года потерпела провал группа М. Н. Коптеловой. В начале 1942 года коммунист М. Н. Коптелова сплотила группу надежных патриотов, в которую вошли З. С. Беззубенко, М. А. Зеленцова, Е. П. Агеева, П. П. Колуханова, Н. А. Корочкина, М. А. Соколова и другие. Они собирали разведывательные данные, медикаменты, оружие, боеприпасы и переправляли все это партизанам бригады «Алексея».

28 сентября 1943 года по указанию штаба партизанской бригады подпольщики должны были выйти из города. Собрались на квартире у М. Н. Коптеловой, но были выданы провокатором А. И. Княжице, которому удалось проникнуть в группу и выведать ее планы.

Гитлеровцы схватили сразу десять человек. При аресте у М. Н. Коптеловой были найдены автомат и граната. Во время допросов ее подвергали нечеловеческим пыткам. Но ничто не сломило волю коммунистки. М. Н. Коптелова, З. С. Беззубенко (Богданова), М. А. Зеленцова (Шухто), Е. П. Агеева и М. А. Соколова были отправлены в Освенцим. За участие в работе подпольной организации лагеря М. Н. Коптелова была уничтожена гитлеровцами. Оставшиеся в живых члены группы с большим уважением вспоминают своего партийного вожака.

Бывшая узница Освенцима Мария Ткачева часто повторяет слова песни, которую напевали советские девушки в концлагере:

Верю я, прилетит ясный сокол...
Снимет платье в полоску с плечей
И залечит тяжелые раны,
Вытрет слезы с горячих очей.

В результате проникновения провокаторов в подпольные организации было арестовано 138 патриотов, 72 из них расстреляно в Городнянах, 45 отправлено в концлагеря. У них было изъято 7 винтовок, 1 автомат, 2 пистолета, 4 ручные гранаты, 50 кг взрывчатых веществ. Витебскому подполью был нанесен тяжелейший удар.

Немногие из тех, кто работал вместе с А. Е. Белохвостиковым и П. С. Шляковой, остались в живых. А. П. Пахомова ныне персональная пенсионерка. На швейной фабрике «Знамя индустриализации» работает М. Ф. Ткачева. Живы Н. С. Бобров, Л. А. Синкевич-Петрашкевич, С. Г. Романенко, Н. Г. Пахомов, А. Д. Шапуров.

Советские люди непоколебимо верили в грядущую победу над кровавым фашизмом, и таких людей не могла сломить никакая сила.

Когда в декабре 1967 года на суде военного трибунала в Витебске по делу группы карателей ГФП-703 у бывших провокаторов Гусева, Бутакова, Колодько и других спрашивали, как вели себя витебские подпольщики, когда их расстреливали, они отвечали: «Гордо!», «Достоинно!», «Мужественно!», «Как подобает советским патриотам!». Да, герои витебского подполья не просили пощады у врага. Умирая, они оставались непобежденными.

Дорогой ценой доставалась патриотам непокоренного Витебска каждая победа над врагом. Коммунистическая партия Советского Союза научила наш народ главному — пониманию того, что раз началась война, раз враг посягнул на нашу землю, то надо дать ему решительный отпор. Но у советских людей, особенно у молодого поколения, не было опыта подпольной работы, навыков конспирации. Никто из них не рассчитывал, что врагу когда-либо удастся вторгнуться на нашу землю, а когда случилось, формы и методы подпольной борьбы приходилось разрабатывать на ходу.

За годы Советской власти наш народ воспитывался в духе монолитного единства и дружбы, пролетарского интернационализма, большого доверия и уважения друг к другу. Классовая рознь, национальные предрассудки были ликвидированы.

В стране одержала победу ленинская национальная политика. С такими убеждениями и идеалами люди пришли в подполье.

Но отсутствие навыков конспирации и достаточной бдительности, постоянной проверки порождали в ряде случаев беспечность, ослабление контроля за собой, а это часто приводило к таким потерям, при которых исчезали целые подпольные группы, гибли лучшие их организаторы. Ведь провокаторам Сухову, Бодюлю и им подобным подпольщики поверили с первого слова, никто не попытался даже проследить за ними, более тщательно проверить и изучить их. Единственным паролем для проникновения провокаторов в ряды подполья были слова, что они являются представителями партизанских отрядов, посланцами Большой земли.

Тяжелые провалы в витебском подполье в 1943 году позволяют сделать еще один важный вывод. Руководители подполья обязаны были исключительно оперативно реагировать на малейшие сигналы опасности и незамедлительно принимать необходимые меры: следовало выяснять обстоятельства и причины провалов, предупреждать об этом оставшихся на свободе патриотов. Строжайшая конспирация, постоянная настороженность, осматрительность, проверка и перепроверка, четко налаженная система оповещения и связи, высокая ответственность за судьбы людей — все это неперемennые условия успешного решения задач подпольной борьбы.

Несмотря на тяжелые провалы, в результате которых погибли многие десятки патриотов города, витебское подполье продолжало действовать, пока этого требовала обстановка, пока для этого имелись соответствующие условия.

НОВЫЕ ВОЙЦЫ СТАНОВЯТСЯ В СТРОЙ

В связи с провалами горкома партии развернул работу по восстановлению подпольной сети, созданию новых организаций и групп, особенно среди военнопленных, работавших во вражеских воинских частях по ремонту автомашин, дорог, в санитарных ротах и т. д. Упор на эту категорию людей делался в то время не случайно. Немцы усилили репрессии против населения. Пройти в город и выйти из него гражданским лицам стало совершенно невозможно. Военнопленные же, привлеченные к работе оккупантами, носили обмундирование солдат гитлеровской армии, имели соответствующие документы. Они пока не привлекали столь пристального внимания карательных органов. Это обстоятельство учитывал подпольный горком.

В городе было создано 10 новых подпольных групп исключительно из военнопленных. Их возглавляли коммунисты В. Т. Омельченко («Максим»), И. И. Оноприенко («Лисицын»), А. П. Бородин, И. С. Ермаков («Мартынов»), А. Г. Крюков, А. Ф. Гамаюнов, В. Г. Кутняк, комсомолец Г. С. Писаревский («Можайский»), И. М. Чайка, Г. Русских.

Под руководством подпольного горкома партии патриоты активно включились в борьбу с врагом. Позже по указанию горкома они в большинстве своем перешли в 1-ю Витебскую партизанскую бригаду.

Коммунист И. И. Оноприенко в первый год войны командовал полковой батареей 724-го стрелкового полка 233-й стрелковой дивизии. Вскоре ему довелось познать горечь фашистского плена. Двадцатилетний лейтенант Красной Армии скрылся от гитлеровцев, что он командир, и значился среди военнопленных под именем Ивана Павловича Онохриева. В 1943 г. он и его товарищ по плену И. М. Кузнецов были направлены в Витебск для работы в немецкой воинской части по ремонту автомашин.

Связавшись с подпольным горкомом партии, они стали регулярно посылать ему ценные разведывательные данные, совершали диверсионные акты. В письме горкому КП(б)Б 21 августа 1943 г. И. И. Оноприенко писал: «Желаю остаться верным сыном своего народа и Советской власти, хочу активно помогать Родине, советскому народу и Советской власти в их борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Обязуюсь честно и аккуратно выполнять задания партийных органов и партизан по уничтожению немецко-фашистских захватчиков и их техники... Мне дан пароль: «Вы не бывали в лагерях в Полоцке?». Я отвечаю: «Не был». Затем меня снова спросят: «А ваша фамилия не Лисицын?» Я отвечаю: «Нет, но одного Лисицына я знаю».

2 сентября 1943 года И. И. Оноприенко и И. М. Кузнецов доставили в город мины. На ночлег остановились у одной знакомой по Суражскому шоссе и были преданы ею. Рано утром дом окружили жандармы. Патриоты смело вступили в неравный бой. Они забрасывали фашистов гранатами и отстреливались до последнего патрона. Истекавших кровью подпольщиков гитлеровцы передали палачам из Абвергруппы-318. В тот же день, то есть 3 сентября 1943 г., они были заключены в городскую тюрьму, а на следующий день на допрос был взят один Оноприенко. Надо полагать, что Кузнецов скончался от ран и полученных в тюрьме побоев. Дальше о нем никаких упоминаний в документах гитлеровцев не обнаружено. Не вернулся из Абвергруппы-318 и Оноприенко, замученный фашистами в городской тюрьме.

Подпольный горком партии особое внимание уделял разведывательной работе. Если раньше информация из города поступала разрозненно, то в 1943 году этот вопрос был более-менее упорядочен. Широкая сеть подпольных партийных и комсомольских организаций позволяла вести разведку систематически, оперативно. Карта Витебска была разбита более чем на 800 мелких квадратов. Сии имели номера. Подпольщики детально изучили каждый квадрат, вплоть до отдель-

ных комнат немецких штабов и учреждений. На основании этих данных было составлено описание квадратов.

Вот как, к примеру, был описан квадрат 531: «Восточнее новой больницы на высоте 180 окопы и пулеметные точки (бункера) с обстрелом юго-восточной и северо-восточной стороны. К западу от окопов — командный пункт. На территории бывшего 80 СП размещены части «РОА» — количество их перемен, бывает до 600—700 человек, там же они обучаются». Из описаний квадрата 479 можно узнать, что в саду имени Ленина был большой склад бензина. В квадрате 486 в здании бывшей столовой по улице Ленина, 2 размещался штаб немецкой воинской части по ремонту автомашин, именованной ХКП-620. «В первом этаже (над столовой), — сообщали подпольщики, — общежитие немцев на 25 человек, в двух комнатах. Во втором этаже (над столовой) вход с улицы: 1-я дверь налево — комната-кухня, 2-я дверь — хозчасть штаба, 3-я дверь — строевая часть штаба, 4-я дверь — кабинет шефа части (обер-лейтенанта), 5-я дверь — общежитие немцев на 12 человек. Прямо по коридору — портняжная и сапожная мастерские».

Планы города имелись в подпольном горкоме партии, обкоме КП(б)Б, оперативном и разведывательном отделах 4-й Ударной армии и в штабе партизанского движения. О малейших изменениях в любом квадрате немедленно сообщалось во все указанные инстанции. Руководствуясь разведывательными данными витебских подпольщиков, советская авиация наносила точные бомбовые удары по наиболее важным объектам противника в городе.

Несмотря на непродолжительность существования (с апреля по октябрь 1943 года), Витебский подпольный горком партии сыграл положительную роль, особенно на заключительном этапе борьбы. К концу лета 1943 года горкому удалось в значительной мере централизовать руководство организационно-пропагандистской, диверсионно-боевой и разведывательной деятельностью подпольных организаций. Горком КП(б)Б поддерживал подпольщиков материально, оказывал им разностороннюю помощь.

Витебское партийно-патриотическое подполье было способно выполнять самые сложные и ответственные задачи по организации борьбы патриотов города против немецко-фашистских захватчиков.

Осенью 1943 года Красная Армия начала освобождение Белоруссии. Это явилось крупным военно-политическим событием в жизни нашего народа. Два с лишним года сыны и дочери

Белоруссии вели героическую борьбу с врагом. Они верили и знали, что господство фашистских оккупантов недолговечно, враг будет разгромлен. Народные мстители беспощадно громили оккупантов на белорусской земле. Теперь партизанам и подпольщикам представилась возможность принять непосредственное участие в освобождении родной земли от фашистской нечисти.

С большим подъемом встретили трудящиеся Витебщины обращение воинов-белорусов к партизанам и партизанкам, ко всему белорусскому народу, их призыв усилить борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, начать освобождение своей республики. Через подпольную печать и листовки это обращение проникло во все уголки оккупированной Белоруссии. Из уст в уста передавалась клятва воинов-белорусов: «Вместе с братьями своими, русскими и украинцами, вместе с воинами всех народов Советского Союза мы принесем освобождение родной земле, возвратим свободу и радость родному и многострадальному нашему белорусскому народу...»

Вперед же, братья, в решающий бой!»

В те грозные дни, полные волнений и надежд, мысли и стремления молодых патриотов Витебска нашли свое отражение в стихах неизвестного автора:

От хозяев избавим непрошенных
Белорусский родной наш народ,
Вновь над Витебском, Минском и Оршкю
Солнце юности нашей взойдет!

С приближением Красной Армии подпольщики усилили свою деятельность. В то время как партизаны громили транспортные коммуникации врага, патриоты Витебска наносили удары по вражеским объектам в городе. В сентябре 1943 года подпольщики из группы И. А. Бекишева заложили мину на аэродроме. В это же время Евгением Матылевым («Компрессор») была выведена из строя водонапорная башня на аэродроме. Мины ему доставила В. С. Кулагина. Взрывы ошеломили гитлеровцев. Они усилили охрану объектов, но диверсии продолжались. Горела земля под ногами оккупантов. Только в сентябре подпольщики совершили 15 диверсионных актов, в том числе в редакциях газет «Новый путь» и «Панцер фауст», на складе немецкой воинской части № 607. 22 сентября они организовали побег к партизанам более 30 немцев, чехов и поляков и 50 военнопленных, прибывших в Витебск из Брянска в составе железнодорожного строительного батальона.

На поиски подпольщиков гитлеровцы мобилизовали крупные силы жандармерии и полиции. Они хватали людей по ма-

лейшему подозрению, подвергали их самым изощренным пыткам и шантажу. Но патриоты до конца оставались верными своему долгу перед Родиной. В сентябре 1943 года гитлеровцы задержали подпольщика Диденкову и потребовали выдать партизан. Она категорически отказалась разговаривать с ними. Тогда фашисты повели ее на расстрел и еще раз попытались выведать ее связи. Но и под угрозой смерти Диденкова не выдала товарищей по борьбе. В бешеной злобе фашист выстрелил в нее. Пуля прошла шею и вышла в щеку. Полагая, что Диденкова мертва, немцы ушли. Придя в сознание, патриотка добралась до партизан и рассказала им о том, как палачи издевались над ней, пытались выведать связи.

В октябре 1943 года, когда советские войска вступили на территорию Суражского, Лиозненского, Городокского и Меховского районов Витебской области, подпольщики наносят ряд ударов по железной дороге и другим военным объектам врага, активизируют свою деятельность по выводу из города военнопленных и других патриотов для пополнения партизанских отрядов и частей Красной Армии. Об этом повествуют многочисленные документы того времени. Из них, в частности, видно, что в октябре 1943 года витебские подпольщики Н. Я. Нагибов, Виктор Иванов и Стась Воронов взорвали мост на шоссе на дороге в районе станции Залучье и тем самым прервали на время переброску подкреплений врага на Невельское направление. Бекишев и Кулагина передали подпольщику Ф. И. Анисимову («Пчела»), работавшему на железной дороге, десять маломанитных мин. Одной миной он подорвал паровоз, находившийся в депо на осмотре, а остальные прикрепил к уходящим поездам. Подпольщики Николай Жигунов, Евгений Лозовский, Виктор Иванов и Анна Жаврид из группы Н. А. Ляковского прикрепил к шести поездам, отправлявшимся со станции Витебск, одиннадцать маломанитных мин с усиленными толовыми зарядами. В последних числах октября Виктор Иванов положил мину в вагон, груженный осветительными ракетами. Взрыв произошел на станции Витебск. Возник пожар.

Неоднократно доставляла мины в подпольную группу М. И. Евдокимова связная горкома партии Н. С. Сельчикова. В октябре 1943 года мина была заложена в кабинете крупного немецкого офицера СД. Она сработала точно. Офицер был убит. В это же время Стась Воронов подорвал легковую автомашину немецкого майора, возглавлявшего воинскую часть по ремонту автомашин на бывшей очковой фабрике. Военнопленные Петр Жуков и Владимир Ануфриев с помощью подпольщиков из

группы Журинских бежали к партизанам, предварительно выведя из строя несколько автомашин.

В связи с массовыми побегими военнопленных гитлеровцы вынуждены были отвлекать на их охрану значительные силы. Но и эта мера не всегда оказывалась надежной. Так, в октябре 1943 года из города совершили побег семь военнопленных, убив при этом четырех немецких солдат. Выходившие из города советские патриоты сразу же включались в вооруженную борьбу с оккупантами. Вышедшие 12 октября из города с помощью подпольщиков военнопленные Г. М. Салеев, И. М. Чайка, Королев, Г. С. Писаревский около деревни Тетерки уничтожили немецкую легковую автомашину вместе с находившимися в ней капитаном и унтер-офицером. Операцией руководил партизан В. А. Загорский. Несколько дней спустя Г. М. Салеев, А. И. Сосновский, И. М. Чайка, Королев, И. С. Ермаков, Г. С. Писаревский, Е. С. Кругликов, К. Н. Юденцов, А. И. Иванов и А. Е. Крюков подорвали на шоссе на дороге восемь автомашин с гитлеровцами.

По далеко не полным данным, только в октябре 1943 года подпольщиками Витебска было совершено 32 диверсионных акта. Боевая деятельность патриотов поднимала дух населения, вселяла веру в скорую победу.

ПОБЕДЕ НАВСТРЕЧУ

Летом и осенью 1943 года советские войска освободили часть территории области и закрепились на ближних подступах к Витебску. В течение зимней кампании 1943/44 г. они предприняли ряд наступательных операций на Витебском направлении, чем значительно улучшили свое стратегическое положение и основательно прощупали укрепления 3-й танковой армии противника, на которую гитлеровское командование возложило оборону стыка центральной и прибалтийской армейских группировок. На этот участок были брошены лучшие части вермахта. По данным противника, по состоянию на 6 сентября 1943 г. 3-я танковая армия имела 230 тысяч солдат и офицеров.

В связи с перемещением фронта на линию Витебск — Полоцк фашистские войска оказались у основных районов дислокации партизанских сил. Наступил завершающий и наиболее напряженный этап борьбы витебских партизан и подпольщиков с немецко-фашистскими захватчиками.

По мере наращивания мощи Красной Армии на Витебском направлении и усиления концентрации партизанских сил командование фашистской 3-й танковой армии проявляло все большую нервозность. Куда девалась былая спесь гитлеровских генералов! Теперь им и 230-тысячной, вооруженной до

зубов армии, оказывается недостаточно на сравнительно небольшом участке фронта перед Витебском. Они обеспокоены действиями партизан. В августе 1943 года штаб 3-й танковой армии сокрушался: «Недостаточная численность армии мешает проведению крупной операции по ликвидации партизанского района. Командование армии крайне обеспокоено существованием партизанского района и тем ущербом, который партизаны могут нанести нам при возобновлении крупных боевых действий на фронте». Дальше говорилось, что только в течение четырех дней августа партизанами в тылу армии было произведено 3229 подрывов железнодорожных путей.

Примечательным для характеристики патриотического подъема населения оккупированной фашистами Витебщины является и следующее признание врага: «Из-за приближающегося фронта русское население становится ненадежным. Оно или проявляет абсолютное равнодушие к нашим распоряжениям или оказывает прямое сопротивление».

Через два месяца командование 3-й танковой армии уже более категорически заявляет, что обстановка в районе может иметь катастрофическое воздействие на ход боевых действий ближайшего времени. Когда же 6 октября 1943 года советские войска перешли в наступление у г. Невеля, гитлеровцы не на шутку встревожились. Они поняли, что если наши войска прорвутся в Россонский партизанский район, в котором «действует до 10 тысяч партизан», то «окажутся там вне контроля, соединятся с партизанскими отрядами и используют их для прорыва на Полоцк».

В связи с этим командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Рейнгардт докладывал командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу Бушу: «Мы находимся в ужасном положении потому, что мы вынуждены подчиняться приказу свыше, а его выполнение превышает все человеческие возможности вообще и возможности войск в частности». Он просит подкреплений, выдвигая в обоснование своей просьбы следующий аргумент: «...Противнику будет оказана большая помощь со стороны партизанских отрядов, расположенных за линией фронта. Помощь этих отрядов войскам Красной Армии обеспечит возможность без боя занять область, расположенную непосредственно перед Двинском».

Выход Красной Армии в район Витебска создавал серьезную угрозу для северной и центральной группировок гитлеровских войск. Немецко-фашистское командование хорошо понимало это и делало все для укрепления обороны в этом районе.

«Тяжелые бои в районе Невеля, — писал в декабре 1943 го-

да начальник штаба 3-й танковой армии Гейджемпер, — отодвигают на задний план бои, которые ведутся на остальных участках Восточного фронта». Предчувствуя час расплаты, оккупанты заговорили о своей судьбе: «Дело идет о спасении Германии!», «Витебск — это наша судьба», «Витебск приобрел для всех особое значение», «Район Витебска является теперь самым опасным участком Восточного фронта».

В течение долгого времени враг строил и совершенствовал здесь свои укрепления, состоявшие из двух основных оборонительных рубежей, опоясывавших город с севера, востока и юга. Первый рубеж шел вдоль линии фронта в 12—15 километрах от Витебска. Вторым — представлял внутренний витебский обвод и проходил в непосредственной близости от города. Система инженерных сооружений дополнялась значительным количеством артиллерийских средств.

13 мая 1944 года командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Рейнгардт получил приказ Гитлера, которым город Витебск объявлялся крепостью. Комендант крепости должен был поклясться командующему группой армий «Центр» честью солдата в том, что «до последней возможности и до последнего солдата будет оборонять крепость». Через два дня комендантом крепости Витебска был назначен командир 53-го армейского корпуса генерал Гольвигер. Мотивируя принятие такого решения, фельдмаршал Буш заявил Рейнгардту: «Тут замешан также престиж. Витебск является единственным городом на всем Восточном фронте, при потере которого насторжится весь мир».

Но надежды гитлеровцев удержать витебский укрепленный район были обречены на провал. С фронта на 3-ю немецкую танковую армию с каждым днем все сильнее нажимали войска Красной Армии, а с тыла — партизаны. К этому времени на стыке центральной и северной группировок гитлеровских войск образовалась обширная партизанская зона, охватывавшая треугольник Витебск — Лепель — Полоцк. Здесь сконцентрировались основные силы витебских партизан, накопивших огромный опыт открытых боев с врагом. На 15 января 1944 года в Полоцко-Лепельской зоне дислоцировалось 16 партизанских бригад, насчитывавших свыше 17 тысяч хорошо вооруженных бойцов и командиров. Непосредственное руководство и координацию действий этого партизанского соединения осуществляла военно-оперативная группа Белорусского штаба партизанского движения во главе с Героем Советского Союза В. Е. Лобанком — командиром партизанской бригады, секретарем Лепельского подпольного райкома партии. Взаимодей-

ствуя с крупным соединением Борисовско-Бегомльской партизанской зоны, витебские партизаны создали для вражеской танковой армии невыносимую обстановку, нанося непрерывные удары по ее тылам.

Партизаны Витебской области представляли собой грозную силу. Вот почему, лихорадочно укрепляя Витебск, командование 3-й танковой армии старалось обезопасить свой тыл, отеснить партизан Полоцко-Лепельской зоны, а при возможности — уничтожить их. С этой целью весной 1944 года гитлеровцы проводят одну за другой крупные карательные экспедиции против партизан под цветистыми наименованиями: «Ливень», «Весенний праздник», «Полет троицы» и другие, стремясь нанести решающий удар по народным мстителям.

Но праздновать победу оккупантам не пришлось. Дорого обходился им каждый день наступления на партизан Полоцко-Лепельской зоны. За два первых месяца боев они потеряли более 6 тысяч солдат и офицеров, 3 танка, 4 самолета, 11 танкеток, 61 автомашину. Однако самое крупное наступление на партизан Полоцко-Лепельской зоны началось 11 апреля 1944 года, когда гитлеровцы бросили против 17 тысяч партизан 6 дивизий регулярных войск, 15 эсэсовских и полицейских полков общей численностью более 60 тысяч человек, которых поддерживали 137 танков, 235 орудий, до 75 самолетов. Возглавлял эту операцию командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Рейнгардт.

В ходе 27-дневных ожесточенных боев с превосходящими силами противника партизаны прорвали кольцо окружения, вывели с собой более 15 тысяч мирных жителей и с неослабевающей силой продолжали наносить удары по врагу.

Со второй половины мая 1944 года немецко-фашистское командование предпринимает новые попытки уничтожить партизан Полоцко-Лепельской, Освейской, Сенненской и Борисовско-Бегомльской зон. На этот раз против них были брошены главные силы 95, 337 и 262-й пехотных дивизий, увеличено число артиллерии и авиации. Тем не менее гитлеровцам не удалось разгромить партизан. Наоборот, силы партизан умножились: только в пределах Витебской области к 1 июня 1944 года действовало более 20 партизанских бригад, насчитывавших около 30 тысяч бойцов и командиров. При этом следует иметь в виду, что часть партизан уже соединилась с действующей Красной Армией.

Июнь 1944 года был завершающим этапом почти трехлетней борьбы партизан и подпольщиков Витебской области с гитлеровскими захватчиками. Своей героической борьбой они

внесли большой вклад в дело освобождения своей родной земли от немецко-фашистских оккупантов.

В связи с приближением линии фронта среди оккупантов в Витебске началась паника. В марте 1943 г. в спешном порядке из города выезжают фельдкомендатура и орскомендатура. Эвакуируются госпитали с тяжелоранеными, склады боеприпасов, тыловые и хозяйственные части, семьи немецких железнодорожников и фольксдойч. В конце декабря 1943 года выезжает СД. Одновременно гитлеровцы устраивают одну за другой массовые облавы на жителей города и насильственно отправляют их на каторжные работы в Германию. К началу 1944 года в городе осталось всего около 15 тысяч человек. В феврале 1944 года оккупанты провели поголовную облаву. В результате свыше 12 тысяч человек, почти исключительно женщины, старики и дети, были загнаны в рабочие лагеря (территория бывшего 5-го железнодорожного полка, на фабрике «ЗИ», в Лучесе). Больше половины людей содержалось в февральскую стужу под открытым небом. Город полностью обезлюдел, если не считать сотни человек, прятавшихся в подвалах, водосточных трубах, колодцах и других тайниках.

В этих условиях большинство партийных и комсомольских подпольных групп вынуждено было покинуть город, влиться в партизанские отряды и с оружием в руках бить немецко-фашистских захватчиков. В 1-ю Белорусскую партизанскую бригаду ушли подпольные группы И. А. Бекишева и В. С. Кулагиной, 1-ю Витебскую бригаду — группы Н. Я. Нагибова, Н. А. Ляховского, в бригаду «Алексея» — подпольщики из групп В. Д. Шелухо, сестер Солодухиных, Галины Крастиной, в бригаду «За Советскую Белоруссию» — А. П. Скуман и М. К. Корбан. В составе партизанской бригады Кириллова сражались с врагом все члены подпольной группы Б. С. Шарендо. Шарендо был командиром взвода, а член группы Романов — командиром роты. Подпольщица Т. М. Широченко возглавила партизанский госпиталь в бригаде «Алексея», а руководитель подпольной группы Г. М. Леонченко стал комиссаром партизанского отряда бригады имени Ленина. От начальника агентурной разведки до командира партизанского отряда бригады «Алексея» вырос руководитель подпольной группы В. И. Кириленко.

Отдельные хорошо вооруженные подпольные группы вступали в прямое взаимодействие с наступающими частями Красной Армии, оказывали им серьезную помощь. В этом отношении показательна деятельность диверсионно-разведывательной группы Н. Я. Нагибова («Смелого»). Вот что говорится о

ней в одном из сообщений подпольного горкома партии: «Когда группа «Смелого» в составе 28 человек вышла из немецкого тыла, она по указанию командования 41-й и 70-й танковых бригад держала оборону в течение 16 дней (с 18 ноября по 4 декабря 1943 года) на участке Цыганы — Малые Стайки Городокского района. За это время члены группы убили 13 и взяли в плен 2 гитлеровцев, убили 8 и взяли в плен 17 полицейских. Пленных передали частям РККА. Проводили бойцов РККА в немецкий тыл, вместе с ними взорвали два моста на шоссе на дороге в районе деревни Лосвида. Подрывали железнодорожное полотно, участвовали в разрушении стрелок на станции Лосвида».

Многие вышедшие из города подпольщики оказывали большую помощь войнам Красной Армии в период подготовки к разгрому витебской группировки врага. Они сопровождали армейских разведчиков в тыл противника, сами участвовали в разведке. Отличным разведчиком 334-й стрелковой дивизии зарекомендовал себя юный витебский подпольщик Саша Залецкий. В подпольную борьбу против немецко-фашистских захватчиков пионер Саша включился еще осенью 1941 года, когда ему было всего 12 лет. Он входил в комсомольско-молодежную группу Н. Г. Ляховского. Юный патриот участвовал в сборе оружия, в изготовлении угольных мин, в диверсиях на железной дороге и линиях связи противника, распространял листовки, собирал разведывательные данные. В январе 1943 года Саша перешел линию фронта и стал разведчиком 334-й стрелковой дивизии.

В первой декаде апреля 1944 года командование 43-й армии приняло решение произвести тщательную разведку обороны противника под Витебском. Выполнение этой задачи было поручено заместителю начальника разведки 334-й стрелковой дивизии капитану В. А. Стаховскому, сержанту Сергею Вахневу и витебскому подпольщику Саше Залецкому. Переодешившись в форму солдат власовского танкового батальона «ОСТ», они перешли линию фронта в районе д. Савченки и 4 апреля 1944 года прибыли в Витебск. В городе разведчики посетили две явочные квартиры — одну на Песковатике, другую — по улице Инженерной, 43, в которой жили знакомые Залецкого по подполью патриоты Куряковы. На второй день подпольщица, работавшая в немецком казино, привела на явочную квартиру гитлеровского офицера. Ему здесь же учинили допрос. Получив необходимые сведения, гитлеровца уничтожили. Саша Залецкий и Сергей Вахнеев произвели разведку района Марковщины. Затем Саша вывел разведчиков на запасной немец-

кий оборонительный рубеж Орша — Сенно — Соржища — Задорожье — Западная Двина. В течение недели укреп район тщательно изучался. Разведчики благополучно возвратились в свою дивизию и передали командованию ценнейшие сведения.

До соединения с частями Красной Армии не прекращали своей деятельности подпольные группы И. А. Сидоренко-Побудея, П. К. Ляховского, В. С. Кулагиной, А. М. Голенького.

На протяжении всего 1942 года и по октябрь 1943 года Голенький возглавлял разведывательную группу в м. Яновичи, а когда приблизился фронт — перебрался в Витебск. Рискуя каждый день быть разоблаченным (в городе в это время каждый человек был на виду), А. М. Голенький вел разведку, подобрал боевых товарищей и готовился поддержать наступление советских войск на Витебск ударом по врагу внутри города. Как показал на суде провокатор А. Беячиц, весной 1944 года на квартире по Первой Краснобригадной он арестовал Александра Голенького, у которого был обнаружен пистолет. На этой явке они находились вдвоем с каким-то Петровым. Последнему удалось скрыться, а Голенький был схвачен фашистами и расстрелян.

Крупную диверсию весной 1944 года совершили подпольщики из группы В. Н. Денисова, среди которых был учитель-коммунист П. С. Шавров. Им удалось поджечь немецкий корпусный военный склад в здании довоенной школы № 18. В результате было уничтожено большое количество баллонов с отравляющим газом, 12 тысяч противогазовых масок, более 500 автоматов, 1800 винтовок, ярусы колесных катков.

На этом, по существу, завершилась деятельность витебских подпольщиков, героически боровшихся с врагом до последней возможности, поддерживавших веру трудящихся оккупированного Витебска в неизбежность краха гитлеровского «нового порядка», всеми силами содействовавших возвращению родной Советской власти. И когда 26 июня 1944 года над городом вновь засияло солнце свободы, в этом была доля ратного подвига патриотов-подпольщиков.

Месяц спустя после освобождения Витебска на Сенной площади состоялся парад партизан и митинг жителей, вернувшихся в город. В числе тех, кто победно шагал под овеянными боевой славой партизанскими знаменами, были и герои витебского подполья.

На собрании в городе Витебске, посвященном 25-летию 1-й Белорусской партизанской бригады, 14 апреля 1967 года бывший начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко, оценивая деятельность витебских

партизан, заявил: «Каждая область, каждая республика гордится своим вкладом в войну, и, конечно, часто перед другими она старается стать немножко повыше. Ничего в этом плохого нет... Мне одинаково дороги и витебские, и барановичские, и минские, и гомельские партизаны. Я всех их вспоминаю с уважением и любовью. Но все-таки должен сказать (это единственное место, где я могу сказать эти слова), что не было области ни в Белоруссии, ни в Советском Союзе, в которой бы борьба протекала в таких невероятно тяжелых условиях, как в Витебской области. И я вам сейчас докажу, что это не юбилейная фраза. Дело в том, что борьба партизан Витебской области протекала почти непосредственно в боевых порядках войск противника, в его ближайшем тылу, наиболее насыщенном силами и учреждениями противника».

Подтверждая сказанное конкретными цифровыми данными, П. К. Пономаренко, в частности, подчеркнул, что если в целом по стране число погибших в партизанском движении составляет 11,5 процента, то потери партизан Витебской области (только убитыми) — 32 процента.

Это в полной мере относится и к деятельности витебского коммунистического подполья. В жестоких схватках с врагом почти каждый третий участник городского подполья отдал свою жизнь за Советскую Родину.

ПОД ЗНАМЕНАМИ, ОВЕЯННЫМИ СЛОВОЙ

Представляет интерес операция по освобождению г. Витебска и области от немецко-фашистских оккупантов. В ходе ее были еще раз продемонстрированы высокое военное искусство командования Красной Армии, мужество и храбрость воинов, взаимодействие войск, партизан и подпольщиков.

Наступление советских войск на Витебском и Оршанском направлениях началось 23 июня 1944 года. Оно осуществлялось войсками 1-го Прибалтийского (командующий — генерал армии И. Х. Баграмян) и 3-го Белорусского (командующий — генерал армии И. Д. Черняховский) фронтов. Смежным армиям обоих фронтов — 43-й генерал-лейтенанта А. П. Белобородова и 39-й генерал-лейтенанта И. И. Людникова — предстояло окружить и уничтожить 3-ю немецкую танковую армию в районе Витебска. В 7 часов утра войска генерал-лейтенанта А. П. Белобородова (1-й Прибалтийский фронт) перешли в наступление на участке Новая Игуменщина — Тошник (30 км северо-западнее Витебска), овладели г. п. Шумилино, перерезали железную дорогу Витебск — Полоцк, продвинулись к исходу дня на 16 километров вперед, расширив прорыв до 30 километров.

Успешно в этот день развивалось наступление и слева — 39-й армии 3-го Белорусского фронта. Мощным ударом из района Макарово войска генерал-лейтенанта И. И. Людни-

кова прорвали главную полосу обороны противника, форсировали реку Лучесу, вышли на артиллерийские позиции врага и стремительно атаковали их. Они разгромили 197-ю пехотную дивизию гитлеровцев, часть которой, оставив на поле боя всю артиллерию, в панике бежала в район Витебска, чтобы укрыться за его укреплениями. Достигнув к исходу дня района станции Замосточье, соединения 39-й армии заняли железную дорогу Витебск — Орша и отрезали витебскую группировку от остальных немецко-фашистских войск с юга. Активную помощь войскам 39-й армии оказывали партизанские бригады имени В. И. Ленина, имени Заслонова, имени Суворова и 1-я Смоленская.

Стремительно прорвав вражескую оборону, войска 1-го Прибалтийского фронта 24 июня форсировали Западную Двину в районе Бешенкович и заняли несколько плацдармов. 60-й стрелковый корпус 43-й армии вышел в район Гнездилович и оказался в этот день в 6—10 километрах от наступавшего навстречу ему 5-го гвардейского стрелкового корпуса 39-й армии. Над противником нависла угроза окружения.

Понимая, что 3-й танковой армии в целом и 53-му армейскому корпусу, оборонявшему Витебск, угрожает полное уничтожение, генерал-полковник Рейнгардт утром 24 июня через начальника сухопутных войск Германии генерал-полковника Цейтлера настаивал перед Гитлером о немедленной сдаче Витебска во избежание гибели 53-го армейского корпуса. После полудня поступил ответ фюрера: «Витебск должен быть удержан».

Вечером того же дня командующий 3-й танковой армией передал по радио приказ, согласно которому 206-я пехотная дивизия во главе со своим командиром генерал-лейтенантом Хиттером, назначенным комендантом разваливающейся крепости Витебск вместо генерала Гольвитцера, должна была до последнего солдата удерживать город, а 53-му армейскому корпусу предлагалось прорвать кольцо окружения.

Но путь к отступлению гитлеровским войскам был уже отрезан.

В ночь с 25 на 26 июня начался завершающий бой за Витебск. Одним из первых вступило в город подразделение капитана Дмитрия Мясоедова, который лично поднял красное знамя на ДOME специалистов. Враг жестоко сопротивлялся. Шла упорная борьба за каждый дом, подвал, улицу. Кольцо окружения вокруг фашистского гарнизона с каждым часом сжималось все туже.

К 6 часам утра 26 июня 1944 года Витебск был освобожден.

Трудящиеся Витебска никогда не забудут героического подвига командира саперного взвода 875-го полка 158-й стрелковой дивизии гвардии старшего сержанта Федора Тимофеевича Блохина. Гитлеровцы уничтожили в городе мосты через Западную Двину, оставив для переправы своих войск только один — в створе улицы Смоленское шоссе. Но и он уже был подготовлен к взрыву. Следуя в боевых порядках полка, группа саперов из 12 человек во главе с Ф. Т. Блохиным, вырвавшись вперед, незаметно подошла к мосту и в 15-минутной схватке, перешедшей врукопашную, уничтожила охрану моста. Сам Ф. Т. Блохин бросился в воду, перерезал провода, идущие от подрывной машинки к фугасам, и с ефрейтором М. И. Кузеновым извлек электродетонатор и захватил подрывную машинку. Мост был спасен.

За проявленный при спасении моста героизм старшему сержанту Ф. Т. Блохину присвоено звание Героя Советского Союза, а ефрейтор М. И. Кузенов награжден орденом Отечественной войны I степени.

После освобождения Витебска ожесточенные бои развернулись юго-западнее города. В течение дня 26 июня враг предпринял 22 отчаянные контратаки, стремясь прорвать кольцо окружения. Но все они потерпели неудачу. Только незначительной части гитлеровцев удалось уйти в леса в районе озера Мошно, где они снова попали в «котел». В 12 часов 27 июня противник прекратил организованное сопротивление и капитулировал. Витебская группировка в составе 4-й и 6-й авиаполевых, 206-й и 197-й пехотных дивизий, а также частей усиления и поддержки прекратила свое существование. Всего за четыре дня был полностью разгромлен 53-й немецкий армейский корпус 3-й танковой армии. Противник потерял до 20 тысяч солдат и офицеров убитыми, более 19 тысяч было взято в плен. В числе военнопленных оказались командир 53-го армейского корпуса генерал от инфантерии Гольвитцер, начальник штаба корпуса полковник Шмидт, командир 206-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Хиттер, командир 197-й пехотной дивизии полковник Прой, командир 246-й пехотной дивизии генерал-майор Миллер-Бюлов и много других старших офицеров.

В результате Витебской операции войска 43-й и 39-й армий освободили более 700 населенных пунктов.

Под сокрушительными ударами победоносной Красной Армии уже в первый день Витебской операции был разрушен хваленый немецкий «восточный вал». Захваченный в плен командир 197-й пехотной дивизии полковник Прой так оценил действия войск 39-й армии: «Наши войска не выдержали сокру-

шительных ударов русских и стали отступать, не имея на то приказа. Русские преследовали нас, расчленили наши полки и наносили им тяжелый урон. Наше положение ухудшалось с каждой минутой. Полки таяли буквально на глазах. Солдаты бросали орудия, транспортные средства, боеприпасы, военное имущество и даже личное оружие и, как «безумные, разбежались...».

Штаб 3-й танковой армии с остатками двух разбитых дивизий в ночь с 26 на 27 июня 1944 года передислоцировался в Березино. Но эта передислокация напоминала паническое бегство. Вот что писал начальник штаба 3-й танковой армии Отто Гейдкемпер: «Так как через Уллу нет мостов, то многие солдаты, раздевшись догола, вплавь переправлялись на западный берег реки. Часть солдат потонула при этой переправе. Почти вся дивизия бежала босиком. Гибель 3-й танковой армии в течение 7 дней закончила эту летнюю трагедию. Почти одновременно с гибелью 3-й танковой армии на южном участке фронта группы армий «Центр» была уничтожена 9-я армия. Только за период с 22 июня до 15 июля 1944 года потери группы армий убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести достигли ужасной цифры в 380 000 человек. Эти невосполнимые потери имели решающее значение».

В ликвидации мелких групп из разгромленной под Витебском 3-й танковой армии противника активное участие принимали партизаны и местное население. Бригада имени Героя Советского Союза К. С. Заслонова (комбриг В. П. Комлев) и партизаны бригады Героя Советского Союза Дубровского перехватывали гитлеровцев на рубеже Чашники — озеро Лукомльское. Только партизанская бригада имени Заслонова уничтожила несколько сот сопротивлявшихся гитлеровцев и около двух тысяч захватила в плен. Отряды бригады Ф. Ф. Дубровского, очищая территорию Чашникского и соседних с ним районов от противника, уничтожили в боях около 700 и захватили в плен 2270 немецких солдат и офицеров. 27 июня были освобождены Чашники, а 28 июня 1944 года — г. Лепель. Заняв Лепель, войска 43-й армии закончили Витебскую операцию и соединились с основными силами партизан, находившимися в северо-западной части Белоруссии.

День 26 июня 1944 года навсегда останется в памяти витеблян как самый радостный и светлый праздник. В этот день столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов двадцатью артиллерийскими залпами.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Почти 1100 дней и ночей находился Витебск в тяжелой фашистской неволе. Оккупанты осквернили и разграбили город на Двине. Все, что смогли, отправили в Германию, остальное срынули с земель.

Вот как описывает город в газете «Известия» ее корреспондент Евгений Кригер в номере за 27 июня 1944 года:

«Соборная площадь. Центр Витебска... Площадь изрыта воронками, вырванный из ячеек булыжник расшвырян по переулкам, по крышам, по пустынным дворам...

По уцелевшему мосту перебираемся в западную часть города. Вокзальная улица, излюбленное место гуляний в довоенные дни, — теперь мертвая, дома стоят без крыш, с проломанными стенами, обрушенными потолками. Немцы взорвали все здания. Вокзал. Он взорван. Здание с надписью на белорусском языке: «Паштамт». Взорван. Больницы. Клубы. Детские дома. Все взорвано.

«...Измученный, израненный, разрушенный город дымит последними очагами пожаров».

В Витебске из каждой сотни жилых домов в общей сложности уцелело лишь три, и то в основном на окраинах. После изгнания оккупантов 26 июня 1944 года в городе насчитывалось только 118 жителей.

За время оккупации Витебска фашистские людоеды убили, замучили и уморили голодом 76 тысяч советских военнопленных и около 62 тысяч мирных жителей, тысячи юношей и девушек угнали на каторгу в Германию. Город и его окрестности опоясаны огромными братскими могилами жертв фашизма. Здесь каждый камень, каждый клочок земли обильно политы кровью сыновей и дочерей советского народа.

В этих чудовищных злодеяниях повинен немецкий фашизм, его наиболее рьяные представители в Витебске — организаторы и исполнители акций по уничтожению советских граждан: полевой комендант полковник Биккель, начальники СД-9, штурмфюреры СС Шефер, Вивенс и Меринг, следователь СД-9, группшарфюрер СС Штраух, комендант штандарт-орсткомендатуры № 19090 майор Цельгауз, комендант местной комендатуры майор Маренбах, помощник полевого коменданта майор Рейнгардт, инспектор полевой юстиции Шефран и другие. Это по их указке, по их приговорам лично вешал патриотов-витеблян начальник отделения фельдкомендатуры лейтенант Вебер, руководил расстрелами помощник коменданта местной комендатуры обер-лейтенант Зенг, истязали людей капитаны Краузе и Вернер, без устали работали палачи ефрейторы Тимпель и Кристаль. Витебляне не забыли начальника санитарной службы этой же комендатуры доктора Зибеля, который лично отправил сразу 180 больных в психиатрической больнице и в ответ на возмущение жителей с циничной улыбкой заявил: «Им хорошо теперь. Они вознеслись к небу».

Вдумаемся в эти факты! Вот что нес немецкий фашизм советскому народу. Помните, люди! Об этом забывать нельзя. Как показали послевоенные события в Корее, Вьетнаме, в странах Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, все империалистические хищники, в какую бы тогу они ни рядились, шиты на одну мерку. Они несут народам мира цепи рабства, нищеты и угнетения, голодную смерть и физическое уничтожение.

Острой болью отозвалась трагедия Витебска в сердце каждого, кто видел его летом 1944 года. Тогда казалось, что потребуются многие десятилетия, чтобы восстановить хотя бы довоенный уровень развития хозяйства и культуры родного города. Но он был восстановлен в короткий срок. И в этом еще раз проявилось величие духа нашего народа, его мужество и героизм.

Сменив автоматы на станки, топоры и пилы, бывшие фронтовики, партизаны и подпольщики, их матери, жены и дети дружно взялись за восстановление родного города. Их было не

так много. Не хватало орудий труда. Продукты выдавались строго по карточкам. Жили в подвалах, бункерах и бараках и работали без устали — за двоих, за троих. Выходили после рабочей смены на субботники и воскресники. Работали с особым вдохновением, строили быстро, строили хорошо. Каждая трудовая победа являлась настоящим праздником. Как самую дорогую реликвию берегут старожилы личные книжки «Участника восстановления города Витебска», на которых можно прочесть девиз 1944 года: «Восстановим в кратчайший срок наш родной Витебск!».

Чтобы понять всю красоту трудового энтузиазма витеблян, нужно было видеть слезы счастья на глазах кимовцев 1 мая 1945 года, когда они выпустили первые пары чулок, приводя станки в движение вручную. Нужно было видеть ликование кировцев, которые ознаменовали 1945 год выпуском первых двухсот станков.

На месте прежних фабрик и заводов создавались новые предприятия, имевшие огромное народнохозяйственное значение. Уже в 1947 году дали продукцию домостроительный и ковровый комбинаты, открылось трамвайное движение. В 1948 году вступила в строй Витебская мебельная фабрика, первая продукция которой предназначалась для оборудования будущего храма науки на Ленинских горах в Москве — Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

За первую послевоенную пятилетку горожане получили 245 тысяч квадратных метров жилой площади в коммунальных домах, четыре с половиной тысячи домов возвели индивидуальные застройщики. К концу пятилетки в городе работало 18 средних школ и 3 высших учебных заведения, а промышленные предприятия уже производили продукции значительно больше, чем до войны.

В последующие годы развитие экономики и культуры Витебска шло еще более высокими темпами. В 1953 году вступил в строй действующих завод электронизмерительных приборов, в 1954 году — первая очередь Витебской ТЭЦ, в 1955 году — шелкоткацкая фабрика. В 1953 году ковровый комбинат выпустил ковровых изделий в два с половиной раза больше, чем их производилось до войны во всей стране, а фабрика «КИМ» дала в 1955 году потребителям 10 миллионов штук бельевого трикотажа и свыше 52 миллионов пар чулочно-носочных изделий.

С каждым годом ширилось и крепло хозяйство города на Двине. К концу семилетки Витебск по объему промышленного производства превзошел довоенный уровень более чем в три

раза. На его долю в это время приходилось 100 процентов общереспубликанского производства шелковых тканей, свыше 80 процентов ковровых и более 70 процентов чулочно-носочных изделий, 46 процентов металлорежущих станков. Эти рубежи вскоре были перекрыты. Досрочно, еще в сентябре 1970 года, завершена восьмая пятилетка. Сейчас витебляне успешно трудятся над выполнением планов девятой пятилетки, стремясь внести наибольший вклад в осуществление решений XXIV съезда КПСС. Коллективы всех предприятий стремятся к 1000-летию родного города прийти с наилучшими результатами в труде.

Современный Витебск — крупнейший административный, промышленный и культурный центр республики, город заводов и фабрик, город машиностроения и приборостроения, деревообрабатывающей, легкой, химической и радиотехнической промышленности, узел железнодорожных и шоссейных магистралей. Он раскинулся на площади 63 квадратных километров. В зелени утопают его широкие улицы и проспекты. С каждым днем город все более благоустраивается и хорошеет. Белорусский государственный драматический театр имени Якуба Коласа, областной краеведческий музей, телецентр и телестудия, 8 кинотеатров, 10 клубов, дворцов и домов культуры, свыше 100 библиотек, 4 высших и 7 средних специальных учебных заведений, 44 общеобразовательных школ — таково далеко не полный перечень очагов науки, образования и культуры города. В школах работает около 2 тысяч учителей, а в вузах — 823 научных работника, в том числе 33 доктора наук и профессора и 256 кандидатов наук. За послевоенный период в вузах и техникумах города подготовлено более 20 тысяч специалистов с высшим и средним образованием.

Развитие промышленности, транспорта, строительства, быстрый рост культуры содействовали тому, что Витебск стал городом многонациональным. Величественные планы коммунистического строительства единой семьей в городе осуществляют люди 65 национальностей. Это станкостроители и строители, швейники и обувщики, транспортники и пищевики, ученые, учителя и работники культуры, представители многих других отраслей народного хозяйства. Среди них — представители всех пятнадцати республик — сестер Союза Советских Социалистических Республик.

В первых рядах борцов за коммунизм идут ветераны войны. Их имена известны каждому витеблянину. Это бывший фронтовик, ветеран коврового комбината, Герой Социалистического Труда П. Д. Климков; бывший партизан, слесарь завода

имени Кирова, депутат Верховного Совета СССР В. Н. Грибушкин и многие другие. Список почетных граждан города открывают прославленный партизанский командир, Герой Советского Союза М. Ф. Шмырев; член бюро подпольного горкома КПБ, Герой Социалистического Труда М. И. Маценко; участник освобождения Витебска, Герой Советского Союза Ф. Т. Блохин.

Трудящиеся Витебска свято чтут память героев подполья. В различных уголках города установлены памятники, обелиски, мемориальные знаки. В бывших подвалах СД на Успенской горке открыт филиал областного краеведческого музея. Многим улицам, школам, пионерским дружинам присвоены имена активных бойцов подпольного фронта — В. З. Хоружей, А. Е. Белохвостикова, Свечкиных и других. На братских могилах жертв фашизма не увядают цветы.

За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, за успехи в послевоенном восстановлении и развитии народного хозяйства Витебская область награждена орденом Ленина. Награда Родины воспринята трудящимися города как высокая оценка их ратного и трудового подвига. Она вдохновляет и зовет на новые свершения во имя торжества коммунизма.

Пройдут десятилетия. Многие события изгладятся из памяти людей. Но подвиг героев витебского подполья в годы Великой Отечественной войны не померкнет никогда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Родина-мать зовет	7
В городе просторно, а дышать нечем	18
Мужество патриотов	31
Коммунисты собирают силы	38
Пистолеты дают осечку	54
Отзвуки победы под Москвой	61
Похищение полковника	74
Побег из плена	81
Вера Хоружая в Витебске	85
Правда против лжи	98
Боевое братство	109
Разведчики действуют	127
Выстрел на Пролетарском бульваре	143
«Люди, не забудьте нас!»	147
Бароны убираются восвояси	160
Опасными тропами	163
Удар в спину	184
Новые бойцы становятся в строй	200
Победе навстречу	206
Под знаменами, овеянными славой	214
Второе рождение	218

Пахомов Н. И., Дорофеенко Н. И., Дорофеенко Н. В.
П 21 Витебское подполье. Мн., «Беларусь», 1974.
248 с. с илл.

Книга «Витебское подполье» — документальный рассказ о живых и павших героях партийно-патриотического подполья, действовавшего в городе над Двиной в период немецко-фашистской оккупации с 9 июля 1941 по 26 июня 1944 года.

9(С)27

Николай Ильич Пахомов,
Инна Ивановна Дорофеенко,
Николай Владимирович Дорофеенко

ВИТЕБСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Издательство «Беларусь» Государственного комитета
Совета Министров Белорусской ССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Минск, Лешинский про-
спект, 79.

Редактор Н. Е. Скаринкин. Художник П. В. Калинин. Художест-
венные редакторы Н. Г. Славянин, Г. Г. Малышев. Технический
редактор М. И. Гриневич. Корректор И. П. Мещанинова.

АТ 07901. Сдано в набор 14/VIII 1973 г. Подп. к печати 27/XII
1973 г. Тираж 50 000 экз. Формат 60×84¹/₈. Бумага тип. № 2.
Усл. печ. л. 14,41. Уч.-изд. л. 14,13. Зак. 363. Цена в перепл.
№ 7 — 70 коп., в перепл. № 5 — 73 коп.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного
комитета Совета Министров Белорусской ССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.